

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

БИТВА
ПРИ КОРРИНЕ



Дюна

Кевин Андерсон

Дюна. Битва при Коррине

«Издательство АСТ»

2004

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Дюна. Битва при Коррине / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ», 2004 — (Дюна)

ISBN 978-5-17-133304-1

С момента событий, описанных в «Крестовом походе машин», прошло пятьдесят шесть тяжелых лет. После смерти Серены Батлер наступают самые кровавые десятилетия джихада. Планеты Синхронизированных Миров освобождаются одна за другой, и у людей появляется надежда, что конец чудовищного гнета жестоких машин уже близок. Тем временем всемирный компьютерный разум Омниус готовит новую ловушку для человечества. По Вселенной стремительно распространяется смертоносная эпидемия, способная убить все живое. Грядет ужасная Битва при Коррине, в которой у Армии джихада больше не будет права на ошибку. В этой решающей битве человек и машина схлестнутся в последний раз... А на пустынной планете Арракис собираются с силами легендарные фримены, которым через много лет суждено обрести своего Мессию.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133304-1

© Андерсон К. Д., 2004

© Издательство АСТ, 2004

Содержание

108 год до гильдии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Брайан Герберт, Кевин Андерсон Дюна: Битва при Коррине



Пэту Ло Брутто

За Вашу бескорыстную, скромную, но такую важную поддержку, которую Вы с самого начала оказывали созданию нашего цикла «Дюна». Ваш энтузиазм, знания и понимание сделали эти произведения намного лучше, чем книги, которые мы смогли бы написать в одиночестве. Вы истинный – в духе Ренессанса – редактор.



Хотя мыслящие машины убили и замучили миллиарды людей, у нас не поворачивается язык назвать их жертвами. Более того, мы ни в коем случае не должны относить их к потерям. Я сомневаюсь даже, что их можно считать мучениками. Каждый человек, погибший в ходе Великого Восстания, – это подлинный герой.

Серена Батлер. Выступление на секретном совещании Совета джихада



Мне абсолютно все равно, сколько документов вы мне покажете – сколько записей, сообщений, протоколов бесед или, черт знает, сколько так называемых доказательств. Возможно, я – единственный живой человек, который лично знал Ксавьера Харконнена и правду о причинах и основаниях его поступка. Я молчал все эти десятилетия только потому, что об этом меня просил сам Ксавьер Харконнен, потому что так захотела бы Серена Батлер и потому, что этого требовали нужды джихада. Но не притворяйтесь, что ваша пропаганда основана на точных фактах, не утверждайте, что она истинна просто потому, что ей верит подавляющее большинство населения. Помните, что я в отличие от вас лично пережил эти события.

Вориан Атрейдес. Личное и конфиденциальное послание Лиге Благородных



Грубейшая ошибка, какую может сделать думающий человек, – это мнение о том, что какая-либо одна версия исторических событий является непреложной истиной в последней инстанции. История пишется многими наблюдателями, каждый из которых не является безучастным зрителем. Факты искажаются уже в силу прошедшего времени – особенно в случае Батлерианского джихада, – погруженного во тьму многотысячелетней истории человечества, в силу сознательного искажения фактов последователями сектантских религиозных течений и вследствие накопления множества ошибок, происходящих от обычной небрежности. Мудрый человек поэтому рассматривает историю как последовательность

подлежащих усвоению уроков; сделанный выбор и разветвления событий подлежат обсуждению и обдумыванию с тем, чтобы не повторять уже совершенных ошибок.

Принцесса Ирулан. Предисловие к истории Батлерианского джихада

108 год до гильдии

*Машины не разрушают. Они создают, но при условии, что есть сильная рука, которая направляет их действия и господствует над ними.
Ривего, моралист Древней Земли*



Эразм находил отчетливый порядок, царивший среди умирающих и испытывающих безнадёжность людей, чарующим и даже, можно сказать, занятным. Все их реакции были частью экспериментального процесса, и сам робот считал, что результаты будут весьма достойными.

Эразм шествовал по коридорам своей великолепно устроенной лаборатории в развевающемся роскошном алом одеянии. Сама эта одежда была частью той манерности и претенциозности, которые он усвоил, чтобы придавать себе более царственный и аристократический вид. Но увы: жертвы в своих запертых клетках мало интересовались роскошью, уделяя гораздо больше внимания своим собственным страданиям. С этим ничего нельзя было поделать, ибо в высшей степени рассеянные человеческие существа с большим трудом сосредоточивались на вещах, не имевших к ним прямого отношения.

Много десятилетий назад строительные роботы по его, Эразма, индивидуальному проекту воздвигли это огромное и удобное куполообразное сооружение. В многочисленных хорошо оборудованных и оснащенных – и, что важно, совершенно изолированных друг от друга лабораторных помещениях – было все, что требовалось Эразму для его экспериментов и исследований.

Продолжая один из своих регулярных обходов, независимый робот задерживался у смотровых окон палат, внутри которых, привязанные к койкам, лежали зараженные инфекционной болезнью подопытные люди. Некоторые особи страдали настоящей паранойей и бредом, что входило в симптомокомплекс ретровирусной инфекции, другие испытывали страх, имея на то вполне разумные причины.

Исследование и эксперимент были уже почти закончены. Естественная смертность при данной болезни достигала сорока трех процентов – это, конечно, не идеально, но в истории человечества не было более смертоносного вируса. Он послужит необходимой цели и в таком виде, тем более что Омниус не может больше ждать. Что-то надо было предпринять немедленно.

Священный поход людей против мыслящих машин тянулся уже почти сто лет, принося большие разрушения и беспорядок. Постоянные фанатичные атаки Армии джихада приносили неисчислимый урон Синхронизированной Империи, уничтожая боевые корабли роботов с большей быстротой, чем местные воплощения Омниуса успевали их заново отстраивать. Прогресс Омниуса неоправданно застопорился, и наконец он потребовал найти окончательное решение. Поскольку прямое военное противостояние доказало свою неэффективность, были исследованы альтернативы. Например, биологическая – бактериологическая или вирусная – война.

Согласно построенным моделям молниеносная тотальная эпидемия могла быть превосходным оружием, способным полностью искоренить человеческую популяцию – включая ее вооруженные силы, – оставив при этом в неприкосновенности инфраструктуру и ресурсы, которые целыми попадут в руки мыслящих машин. После того как пройдет волна искусственной эпидемии Омниус сможет по фрагментам восстановить все системы.

Эразм проявлял некоторую настороженность по отношению к новой стратегии, опасаясь, что достаточно тяжелая болезнь сможет уничтожить все человечество до последней особи. В

то время как Омниус скорее всего порадовался бы такой возможности, независимый робот не был сторонником такого окончательного решения человеческого вопроса. Ему по-прежнему были интересны эти создания, особенно Гильбертус Альбанс, которого он воспитал как приемного сына, вытащив из рабского убогого барака. Из чисто научного любопытства и исследовательских соображений Эразм нуждался в органическом материале для лабораторного и практического изучения человеческой природы.

Их нельзя было убивать *всех*, только большую часть.

Правда, эти твари чрезвычайно выносливы и живучи. Эразма мучили сильные сомнения относительно того, что даже самая страшная эпидемия сможет убить всех представителей этого вида. Люди обладают интригующей способностью приспосабливаться к неблагоприятным условиям и преодолевать их весьма неортодоксальными средствами. Если бы мыслящие машины могли научиться этому...

Плотно запахнув просторную одежду, Эразм вошел в палату, где находился изменник – плененный тлулак, который и изготовил превосходный образец РНК-содержащего ретровируса. Мыслящие машины были эффективны и преданны, но требовалось извращенное человеческое воображение, чтобы направить гнев Омниуса в нужное русло и воплотить в конкретные действия. Ни один робот или компьютер не смог бы состряпать такую ужасную смерть и сконструировать такую вредоносную гадость. Для этого требовалось воображение обуянного местью человеческого мозга.

Рекур Ван, биотехнолог и генетик, которого теперь поносили и проклинали на всех углах Лиги Благородных, скорчившись лежал в своей кювете в окружении аппаратуры жизнеобеспечения, способный двигать только головой за полным отсутствием конечностей. Вскоре после того как Рекур был взят в плен, Эразм распорядился удалить ему руки и ноги, посчитав, что в таком виде тлулак станет более управляемым. Ему не стоило доверять в отличие от, скажем, Гильбертуса Альбанса.

Робот изобразил на своем флюометаллическом лице бодрящую улыбку.

– С добрым утром, Обрубок. Сегодня нам предстоит масса дел. Может быть, нам наконец удастся закончить этот долгий опыт и добиться поставленной цели.

И без того узкое лицо тлулакса еще больше вытянулось; его темные, близко посаженные глаза лихорадочно забегали, словно у затравленного зверя.

– Тебе давно пора было прийти. Я уже давно не сплю и пью по сторонам.

– Значит, у тебя было много времени, чтобы обдумать какие-нибудь замечательные новые идеи. Я горю нетерпением выслушать их.

В ответ пленник хрипло и грязно выругался. Потом, взяв себя в руки, продолжил:

– Как идет эксперимент по отращиванию конечностей? Есть какой-нибудь прогресс?

Робот придвинулся ближе и приподнял биологический лоскут, чтобы осмотреть кожу одной из изуродованных, покрытых рубцами культей плеч Рекура Вана.

– Есть что-нибудь? – тревожно спросил тлулак. Он выгнул шею и изо всех сил скосил глаза, стараясь рассмотреть обрубок руки.

– На этой стороне нет.

Эразм приподнял биологический лоскут на другом плече.

– Вот здесь что-то, возможно, есть. На коже видно отчетливое выбухание.

В каждое плечо были инъекцированы определенные клеточные катализаторы, вероятно, стимулировавшие рост новых конечностей на месте удаленных.

– Сделай экстраполяцию своих данных, робот. Сколько мне еще ждать, когда отрастут мои руки и ноги?

– Трудно дать ответ на этот вопрос. Может быть, это произойдет через несколько недель, но может быть, и позже. – Робот потер своей железной рукой припухлость. – Но этот вырост может означать и нечто совсем другое, например инфекцию. Вырост имеет красную окраску.

- Я не чувствую никакой боли.
- Ты хочешь, чтобы я взял соскоб?
- Нет, я подожду, когда смогу сделать это сам.
- Не будь грубым. Наша работа требует сотрудничества и совместных усилий.

Хотя результат нельзя было назвать многообещающим, робот не слишком сильно волновался. Это исследование не было приоритетным. На уме у Эразма было нечто намного более важное.

Он отрегулировал состав жидкостей, поступающих в вены пленника, и с лица тлулакса исчезло недовольное выражение. Несомненно, Рекур Ван переживал сейчас один из перепадов настроения. Надо просто внимательно следить за ним и вовремя вводить соответствующие лекарства, чтобы поддерживать пленника в работоспособном состоянии. Вероятно, так можно было предупредить и сегодняшнюю вспышку гнева. Иногда по утрам этого человека могло вывести из состояния равновесия что угодно. Иногда, правда, Эразм специально провоцировал его, чтобы наблюдать результат.

Контролировать поведение человека – даже такого противного и отвратительного, как этот, – было и наукой, и искусством. Этот обрубленный и деградировавший пленник был в такой же мере «объектом», как и любой человек в забрызганном кровью бараке или лаборатории. Даже когда тлулакс впадал в крайнее отчаяние, когда он пытался вырвать трубки систем жизнеобеспечения, пользуясь для этого только зубами, у Эразма были способы заставить его продолжить работу над биологическим вирусным оружием. К счастью, этот тлулакс ненавидел Лигу Благородных еще больше, чем мыслящих машин.

Несколько десятилетий назад во время крупного политического кризиса в Лиге Благородных были обнародованы секреты органических ферм тлулаков – к ужасу и отвращению всего человечества. Общественное мнение было возмущено этими фактами, люди загорелись ненавистью к генетическим исследованиям, они разгромили фермы, а тлулаков вынудили прятались. Репутация этого народа была прочно и необратимо подорвана.

Рекур Ван бежал в Синхронизированные Миры, захватив с собой то, что посчитал неоценимым даром для независимого робота, – клеточный материал для клонирования Серены Батлер. Эразм действительно был удивлен и обрадован, вспомнив свои интереснейшие дискуссии с этой пленной женщиной. Отчаявшийся Рекур Ван был уверен, что Эразм захочет воссоздать Серену, но – увы! – клоны, созданные Рекуром, не обладали ни памятью, ни темпераментом Серены. Это были просто бездушные копии, бледные тени.

Несмотря на неудачу с клонами, Эразм нашел весьма интересным самого Рекура Вана – к большому огорчению и испугу маленького человечка. Независимый робот наслаждался его обществом. Наконец-то нашелся человек, с которым можно было говорить на языке науки, исследователь, способный помочь лучше понять бесчисленные ветвления и пути познания, которыми пользовались человеческие организмы.

Первые несколько лет оказались настоящим испытанием, даже после того, как Эразм удалил тлулаксу руки и ноги. Со временем умелыми манипуляциями, применяя систему поощрений и наказаний, робот все же превратил Рекура Вана в плодотворный подопытный объект. Лишенный конечностей тлулак, по иронии судьбы, оказался в таком же положении, в каком находились его рабы на якобы органических фермах. Эразм находил эту иронию убийственной.

– Ты хочешь, чтобы я немного полечил тебя, чтобы мы смогли начать работать? – поинтересовался Эразм. – Может быть, ты, например, хочешь мясных печений?

У Вана загорелись глаза, ибо это было одно из немногих, оставшихся доступными ему удовольствий. Приготовленные из отходов лабораторных материалов и из человеческих тканей мясные печенья считались деликатесом на родной планете Рекура Вана.

– Накорми меня, или я откажусь с тобой работать.

– Ты слишком часто прибегаешь к этой угрозе, Обрубок. Не забывай, что ты подсоединен к флаконам с поддерживающими твою жизнь растворами. Даже если ты перестанешь есть, тебе не удастся умереть от голода.

– Ты же хочешь, чтобы я сотрудничал с тобой, а не просто жил, но при этом оставил мне слишком мало козырных карт для этой игры.

С этими словами тлулак скорчил недовольную гримасу.

– Отлично. Итак, мясные печенья! – крикнул Эразм. – Четырехрукий, неси завтрак.

В палату вошел лабораторный ассистент весьма странного вида. В четырех пересаженных руках он нес блюдо с желанным деликатесом. Тлулак зашевелился в своей кювете, чтобы взглянуть на это страшное, отвратительное блюдо, а заодно и на пару рук, которые когда-то принадлежали ему самому.

Зная методики пересадок, которыми пользовались люди Тлулакса, Эразм пересадил руки и ноги бывшего работарговца двум лабораторным ассистентам, добавив искусственные ткани, сухожилия и кости, чтобы придать пересаженным конечностям нужную длину. Хотя это были подопытные экземпляры и представляли они лишь познавательный интерес, опыт оказался чрезвычайно успешным. Четырехрукий оказался весьма эффективным в переноске разных вещей. Эразм надеялся со временем научить его жонглированию, что могло сильно позабавить Гильбертуса. Четырехногий же в беге по ровной местности мог превзойти скоростью антилопу.

Каждый раз, когда какой-либо из этих искусственных мутантов заходил в его бокс, тлулак с болью осознавал безнадежность своего положения.

Так как у Рекура Вана не было рук, Четырехрукий использовал пару своих – когда-то принадлежавших пленнику, – чтобы запихивать в жадно открытый рот мясные печенья. Ван выглядел при этом как голодный птенец, которого в гнезде мать заботливо кормит принесенными червями. Желтовато-коричневые крошки падали с подбородка на черный фартук, прикрывавший туловище; некоторые объедки попадали в специальный чан, откуда шли на повторную переработку.

Эразм поднял руку, сделав знак ассистенту.

– Пока хватит. Потом тебе дадут еще, Обрубок, но сейчас нам надо поработать. Давай сегодня оценим статистику смертности от различных штаммов вируса.

Интересно, подумал Эразм, что Вориан Атрейдедес – сын титана-изменника Агамемнона – пытался таким же способом искоренить всемирный разум Омниуса, внедрив компьютерный вирус в обновления, доставленные капитаном курьерского корабля независимым роботом Севратом. Но, оказывается, не только машины уязвимы для смертоносной инфекции...

Немного подумав, Рекур Ван облизнул губы и приступил к работе, принявшись оценивать результаты. Казалось, его вполне устраивали показатели смертности.

– Отлично, – бормотал он. – Эти инфекционные микроорганизмы – лучший способ убить триллионы людей.

Величие таит в себе собственную награду... но и имеет свою ужасную цену.

Ксавьер Харконнен. Последняя запись в диктофонном дневнике



За свою сверхъестественно длинную военную карьеру верховный главнокомандующий Вориан Атрейдедес повидал многое, но редко приходилось ему посещать такие чудесные и красивые планеты, как Каладан. Для него эта океаническая планета была сокровищницей памяти, фантастическим образом того, какой должна быть нормальная жизнь – без мыслящих машин и без вечной войны.

Куда бы ни отправлялся Вориан на Каладане, везде видел он напоминания о тех золотых деньках, какие проводил он здесь с Лероникой Тергит. Она была матерью его близнецов-сыновей, женщиной, ставшей его любимой спутницей на без малого семьдесят лет, хотя официально они никогда не были женаты.

Сейчас Лероника находилась в их общем доме на Салузе Секундус. Хотя ей уже довольно давно пошел девятый десяток, Вориан любил ее больше, чем когда-либо прежде. Чтобы дольше сохранить молодость, она могла бы, конечно, регулярно принимать омолаживающее средство – пряную меланжу, которая стала очень популярной среди богатых аристократов, но Лероника отказывалась пользоваться этими искусственными подпорками юности. Как это было в ее духе!

По разительному контрасту – благодаря процедуре, которую провел с ним его отец кимек, Вориан до сих пор выглядел как молодой человек; по виду он уже годился Леронике во внуки. Чтобы уменьшить это разительное несоответствие, Вориан красил волосы в седой цвет. Хорошо было бы взять ее с собой сюда, на эту планету, где они когда-то впервые встретились.

Теперь, глядя на безмятежные морские воды Каладана и наблюдая, как возвращаются к пристаням лодки, нагруженные водорослями и жирными масляками, Вориан сидел в обществе своего старательного молодого адъютанта Абулурда Батлера, младшего сына Квентина Вигара и Вандры Батлер. Абулурд приходился, кроме того, внуком близкого друга Вориана, но имя Ксавьера Харконнена теперь редко упоминали в разговорах, с тех пор как его во всеуслышание объявили трусом и предателем человечества. Мысль об этой несправедливости, которая приобрела непреодолимую силу легенды, больно ранила душу Вориана, мешала ему как кость в горле, но он ничего не мог с этим поделать. С тех пор прошло уже почти шестьдесят лет.

Они с Абулурдом обосновались в новом подвесном ресторане у склона прибрежной скалы. Ресторанчик медленно перемещался вдоль берега, и из него открывался изменчивый вид на море и скалистые берега. Фуражки офицеров лежали на широком подоконнике. Волны с рокотом разбивались о скалы, а потом ручейками, окутанными белой кружевной пеной, сбежали обратно в море. От воды отражались лучи неяркого, клонящегося к закату солнца.

Одетые в зелено-красную форму двое мужчин любовались начинающимся приливом, пили вино и отдыхали душой и телом от бесконечного джихада. Вориан носил форму со свойственной ему небрежностью, не нося медалей, в то время как Абулурд был вычищен, выглажен и казался таким же прямым, как стрелки на брюках. *В точности как его дед.*

Вориан взял молодого человека под свою опеку, помогал ему советом и делом, следя за его продвижением. Абулурд не знал своей матери – младшей дочери Ксавьера, – которая перенесла тяжелый инсульт, когда рожала младшего сына, после чего потеряла разум, превратившись в застывшее в кататонии растение. Теперь, когда юноше исполнилось восемнадцать, он вступил в Армию джихада. Отец и братья уже успели прославиться и заслужить множество наград. Со временем, конечно, отличится и младший сын Квентина Батлера.

Для того чтобы избежать позора носить фамилию Харконнена, отец Абулурда принял фамилию своих прославленных материнских предков, происходивших непосредственно от Серены Батлер. С тех пор как он женился на представительнице прославленного семейства – а было это сорок два года назад, – Квентин не раз посмеивался над иронией своего имени. «Когда-то словом «батлер» обозначали обычного слугу, который во всем повиновался воле своего хозяина. Но я объявляю новый девиз фамилии: мы, Батлеры, не будем слугами никому!» Два его старших сына Файкан и Риков приняли на вооружение этот девиз, с ранних лет посвятив себя службе в Армии джихада.

Как много истории в имени, думал Вориан. И как много в нем груза.

Испустив долгий вздох, он осмотрел интерьер ресторана. На одной стене висело знамя с изображением Трех Мучеников: Серены Батлер, ее невинного ребенка Маниона и Великого патриарха Иблиса Гинджо. Сталкиваясь с такими беспощадными врагами, как мыслящие машины, люди искали спасения у Бога или Его представителей. Как во всяком религиозном

движении, у мартристов тоже были свои фанатики, которые строго следовали почитанию святой троицы.

Вориан сам не разделял этой веры, предпочитая опираться на воинское искусство для того, чтобы нанести поражение Омниусу, но природа человека, включая и фанатизм, не могла не влиять на составление военных планов. Люди, которые ни за что не стали бы воевать с машинами во имя Лиги Благородных, с восторженными криками бросятся в бой ради Серены Батлер и ее невинного младенца. Но хотя мартристы многое делали для джихада, часто они мешали и просто путались под ногами.

Продолжая хранить молчание, Вориан, скрестив руки на груди, оглядывал ресторан. Несмотря на то что при строительстве применили подвесной механизм, заведение выглядело так же, как все здешние ресторанчики на протяжении многих поколений. Вориан хорошо помнил этот ресторанчик. Стулья в строгом классическом стиле, вероятно, были те же, на них только сменили потертую обивку.

Спокойно потягивая вино, Вориан вспомнил одну из местных официанток, молодую иммигрантку, которую его солдаты спасли в колонии Перидот. Она потеряла всю семью, когда машины сровняли с землей все дома на ее планете. Потом она была удостоена медали для выживших, которую Вориан вручил ей лично. Он надеялся, что ей будет хорошо на новой родине, на Каладане... Как это было давно, теперь она, наверное, уже умерла или состарилась, и у нее уже уйма внуков и правнуков.

За прошедшие годы Вориан множество раз посещал Каладан якобы для того, чтобы проинспектировать работу прослушивающих и наблюдательных станций, которые его команда построила здесь почти семьдесят лет назад. Но в действительности чаще всего он приезжал только для того, чтобы еще раз взглянуть на эту поразительно мирную океаническую страну.

Думая, что делает благо, Вориан много лет назад перевез Леронику и сыновей в столицу Лиги, когда Кагин и Эстес были еще мальчиками. Мать была очарована чудесами цивилизации, но сыновья не прижились на Салузе Секундус. Позже мальчики Вориана – мальчики? им обоим уже стукнуло по шестьдесят! – решили вернуться на Каладан, так и не привыкнув к сутолоке Салузы Секундус, к политике Лиги или к Армии джихада. Занятый на службе Вориан часто отсутствовал дома, и когда близнецы повзрослели, то уехали на Каладан – заводить семьи и детей на далекой океанической планете. Наверное, теперь у них уже появились и внуки.

По прошествии долгого времени и при таких редких встречах между Ворианом и сыновьями наступило неизбежное отчуждение. Только вчера, когда группа Вориана прибыла сюда, он отправился навестить сыновей, но выяснил, что они упаковали вещи и отправились на несколько месяцев в Зимию, пожить у старой матери. И он даже не знал об этом! Еще одна упущенная возможность.

Правда, надо сказать, что ни одна из встреч с ними за последние его визиты на Каладан не была особенно радостной. Каждый раз близнецы, конечно, соблюдали приличия, обедали с отцом, но, кажется, не знали, о чем с ним говорить. У Эстеса и Кагина были другие обязательства и другие интересы. Испытывая неловкость, Вориан жал им руки, желал удачи и... возвращался к своим служебным обязанностям.

– Вы думаете о прошлом, сэр? – спросил Абулурд. Молодой офицер долго молчал, глядя на своего начальника, но в конце концов не выдержал.

– Ничего не могу с собой поделать. Может быть, я молодо выгляжу, но в действительности я стар, помни об этом. Здесь, на этой планете, мне есть что вспомнить. – Вориан нахмурил брови и сделал глоток «Зинкаля», самого популярного на Каладане вина. Когда он приехал сюда впервые, то в таверне Лероники и ее отца он пил только горькое крепкое пиво из водорослей.

– Прошлое очень важно, Абулурд... и также важна истина. – Вориан перевел взгляд с моря на своего адъютанта. – Есть одна вещь, которую я должен тебе сказать, но пришлось ждать, пока ты повзрослеешь. Хотя, может быть, для этого ты не повзрослеешь никогда.

Абулурд нервно провел ладонью по своим темно-каштановым волосам, в которых, как и у его деда, поблескивали рыжеватые пряди. Заразительную улыбку и обезоруживающий взгляд Абулурд тоже взял у Ксавьера.

– Мне всегда интересно то, чему вы меня учите, верховный главнокомандующий.

– Не очень-то легко учиться некоторым вещам или узнавать о них. Но ты заслуживаешь знать правду. Что ты будешь делать потом – это уже твое дело.

Озадаченный и смущенный, Абулурд недоуменно прищурил глаза. Летающий ресторан остановил свое движение вдоль скалы и начал спускаться мимо ее склона к морю, к бившимся о берег волнам.

– Мне трудно начать, – заговорил Вориан, тяжело вздохнув. – Давай лучше сначала покончим с вином.

Он одним глотком допил крепкий красный напиток, встал и взял с подоконника фуражку. Абулурд последовал его примеру, оставив на столе наполовину не допитый бокал.

Выйдя из ресторана, они поднялись к вершине скалы по извилистой мощеной дорожке, обсаженной кустарником и белыми звездчатыми цветами. Подул сильный соленый бриз, и мужчинам пришлось придержать фуражки. Вориан увидел скамью, стоявшую за стеной живой изгороди, и направился к ней. Открытое пространство не годилось для доверительного разговора, а здесь, в укромном углу, Вориан чувствовал себя увереннее.

– Тебе уже пора знать, что на самом деле произошло с твоим дедом, – сказал Вориан. Он искренне надеялся, что молодой человек примет эту историю близко к сердцу, особенно после того, как его старшие братья не сделали этого, предпочитая официальную ложь неудобной правде.

Абулурд с трудом сглотнул.

– Я читал эти материалы, и знаю, что он – позорное пятно для нашей семьи.

Вориан поморщился.

– Ксавьер был хорошим человеком и моим близким другом. Иногда история, которую ты, как тебе кажется, знаешь, есть не что иное, как удобная и расхожая пропаганда. – Он горько усмехнулся. – Эх, стоило бы тебе почитать первые мемуары моего отца.

Абулурд явно смутился.

– Да, вы единственный человек, который не плюется при упоминании имени Харконнен. Я... я никогда не верил, что он мог совершить что-то ужасное. В конце концов, ведь именно он – отец Маниона Невинного.

– Ксавьер не предавал нас. Он вообще никого не предавал. Воплощенным злом был Иблис Гинджо, и Ксавьер пожертвовал жизнью, чтобы уничтожить его, прежде чем он смог принести нам еще больший вред. Своими действиями – вкупе с безумным мирным планом когиторов-отшельников – именно Великий патриарх привел Серену к гибели.

Вориан в гневе сжал кулаки.

– Ксавьер Харконнен сделал то, на что не решился никто другой, – и, если даже ему больше не удалось ничего сделать, он спас наши души. Он не заслуживает того презрения, которое обрушили на него после смерти. Но ради джихада Ксавьер был готов принять любую судьбу, даже получить от истории удар ножом в спину. Он понимал, что если коррупция и измена такого масштаба откроется в самом сердце джихада, то наш священный поход выродится в скандалы и взаимные обвинения. Мы потеряли бы из виду реального врага.

Вориан пристально посмотрел на Абулурда. Серые глаза старого примеро были полны слез.

– И все это время я... я допускал, чтобы моего близкого друга чернили как изменника и предателя. Но Ксавьер понимал, что победоносное окончание джихада должно предшествовать реабилитации, однако я устал бороться с этой мучительной для меня правдой, Абулурд. Серена оставила нам с Ксавьером послание – перед тем, как отправиться на Коррин, – понимая, что скорее всего будет убита, а точнее, принесена в жертву как мученица. Она объяснила нам, почему личные чувства должны быть оставлены ради победы святого дела. Ксавьер был того же мнения – его вообще мало интересовали медали, ордена, статус, как и то, что скажут о нем потомки.

Вориан заставил себя разжать кулаки.

– Ксавьер знал, что большинство людей не поймет того, что он сделал. Великий патриарх слишком хорошо укрепил свои позиции, окружив себя могущественным джиполом и умными пропагандистами. В течение десятилетий Иблис Гинджо создавал нерушимый миф о себе, в то время как Ксавьер был всего лишь человеком, который сражался на пределе своих сил. Когда он узнал, что Иблис собирается делать еще с одной колонией, когда ему стали известны дальнейшие планы Иблиса и тлулаков относительно так называемых органных ферм, – Ксавьер понял, что должен сделать. Его в тот момент мало заботили последствия.

Абулурд заворуженно смотрел на Вориана. В его взгляде читались волнение и надежда. Как же он молод, подумалось Вориану.

– Ксавьер был великим человеком, совершившим необходимый поступок. – Вориан пожал плечами и слабо взмахнул рукой. – Иблис Гинджо был устранен. Органные фермы Тлулакса – заброшены, их сотрудники внесены в черные списки и разогнаны. Джихад обрел новую силу; в результате мы получили пыл, с каким люди сражаются за это правое дело уже в течение шести десятилетий.

Молодой Абулурд и не думал успокаиваться.

– Но как же быть с правдой? Если вы знали, что бесчестье моего деда безосновательно, то почему не попытались утверждать это во всеуслышание?

В ответ Вориан лишь горестно покачал головой.

– Никто не хотел этого знать. Я бы вызвал бурю, которая привела бы к полному хаосу. Даже сейчас открытие этой правды привело бы к торможению военных усилий, так как мы начнем терять время, указывая друг на друга пальцами и вызывая к справедливости. Семьи аристократов будут формировать партии сторонников и противников, начнется месть... а Омниус тем временем будет продолжать свои атаки.

Молодой офицер не был удовлетворен ответом, но предпочел промолчать.

– Я понимаю, какие чувства ты сейчас испытываешь, Абулурд. Поверь мне, сам Ксавьер не захотел бы, чтобы я сейчас потребовал пересмотра истории в его пользу. Прошло много, очень много времени. Я сильно сомневаюсь, что сейчас этот вопрос вообще кого-нибудь интересует.

– Он интересует меня.

Вориан слабо улыбнулся юноше.

– Да, и теперь ты знаешь правду. – Он откинулся на спинку скамьи. – Но дело в том, что наша борьба держится на тонких нитях, сплетающих судьбы героев и мифы. Истории о Серене Батлер и Иблисе Гинджо сработаны на совесть, а мартиристы сделали этих двух человек значительнее, чем они были на самом деле. Для блага людей, для сохранения поступательной силы джихада, эти люди должны остаться незапятнанными как символы – даже Иблис Гинджо, хотя он этого и не заслуживает.

Губы молодого человека дрожали.

– Значит, мой дед никогда не был трусом?

– Совсем нет. Я бы назвал его героем.

Абулурд опустил голову.

– Я никогда не буду трусом, – убежденно проговорил он, вытирая слезы.

– Я знаю это, Абулурд, и поэтому считаю тебя своим сыном. Я был горд дружбой с Ксавьером и горжусь тем, что знаю тебя.

С этими словами Вориан положил руку на плечо молодого человека.

– Когда-нибудь мы исправим эту ужасную несправедливость. Но сначала нам надо уничтожить Омниуса.

*Тот, кто рождается на этой земле, рождается воином.
Мастер меча Истиан Госс своим курсантам*



Армия джихада поклялась любой ценой отбить Хонру у мыслящих машин. За сто лет, прошедших с начала джихада Серены Батлер, человечество привыкло к великим жертвам.

Квентин Батлер, примеро батальона, стоял на мостике своей флагманской баллисты и внимательно разглядывал поработанную планету, угрожающе нависшую перед ним. Столкнувшись с неживым, бездушным противником, он мысленно произносил горячие молитвы. Герой войны являл собой идеал настоящего мужчины – светло-золотистые слегка вьющиеся волосы обрамляли лицо с четко обозначенными чертами, упрямым подбородком, тонкими губами и пронизательными глазами – Квентин казался отлитым по образу древних римских статуй. Он командовал всеми наступающими силами, ведя Армию джихада к победе там, где раньше она потерпела одно из самых сокрушительных своих поражений.

Четыреста баллист и более тысячи штурмовиков словно смертоносная петля окружали планету, некогда населенную свободными людьми, но потерянную после достопамятной бойни на Хонру. На этот раз огневая мощь и численное превосходство были на стороне армии под началом Квентина. У мыслящих машин не было ни единого шанса устоять перед такой силой в этом священном бою.

За свою долгую военную карьеру примеро совершил немало подвигов и не мог достичь большего, но он привык к игре адреналина в крови и к радости победы и не мог уже без этого жить. Много раз приходилось Квентину стоять посреди дымящегося поля битвы между остовами уничтоженных боевых роботов. Он никогда не уставал от этого непередаваемого ощущения.

– Омниус просто подсчитает все вероятности и отключит системы обороны, – сказал Файкан, старший сын Квентина. – Это сэкономит нам время и избавит от лишних хлопот.

У Файкана, превосходившего ростом даже отца, были такие же, как у Квентина, волнистые волосы, но высокими скулами и тонкими чертами лица он пошел в мать, Вандру. В свои тридцать семь лет Файкан проявлял непомерные амбиции как в военных делах, так и в политических интригах Лиги Благородных. Квентин гордился сыном. Файкан и его брат Риков рвались в бой и требовали своей доли командования, хотя и находились в прямом подчинении у отца.

Стоявший на мостике Риков насмешливо фыркнул.

– Если победа достанется нам так легко, как ты говоришь, то не будет повода ее праздновать. Я бы предпочел немного повоевать.

Риков был на семь лет моложе Файкана и на голову ниже, но шире в плечах и с более мощной челюстью. Чувственные губы выдавали породу Харконненов, но никто обладавший здравым рассудком не напоминал об этом позоре Рикову.

– Я буду рад любой победе, лишь бы мы сумели сделать еще один шаг к полному уничтожению этих машинных демонов. – Квентин обернулся к жаждущим подвигов сыновьям. – Не волнуйтесь, славы достанет для вас обоих... и даже останется кое-что на мою долю.

Подсознательно Квентин пытался избегать младшего сына из-за того, что произошло с его любимой женой после рождения Абулурда. Квентин всегда думал о Вандре, выступая на битву. В зрелом возрасте она случайно забеременела и родила младшего мальчика Абулурда. Во время невероятно тяжелых родов у Вандры случился инсульт, который безжалостно оставил ее в живых, и теперь она была больше похожа на растение, чем на человека. Погруженный в траур, не заботясь о новорожденном, Квентин отвез жену в Город Интроспекции, где много лет провела в размышлениях ее почитаемая тетка Серена Батлер. Квентин понимал, что поступает нечестно по отношению к младшему сыну, но ничего не мог с собой поделать.

– Итак, примеро, мы собираемся просто стоять и смотреть на Хонру или все же начнем? – спросил Риков, уже стоя у выхода.

Младшие командиры доложили подробную диспозицию, отметив на картах расположение сторон и доложив о готовности атаковать. Местная инкарнация всемирного разума Омниуса, должно быть, уже поняла всю безнадежность своего положения. Оборонительные системы и боевые роботы засекли флот Армии джихада еще на подходе к солнечной системе, но мыслящие машины ничего не могли поделать с такими превосходящими силами. Судьба машин была предрешена.

Квентин встал с командирского места и покровительственно улыбнулся своим нетерпеливым сыновьям. План битвы был утвержден далеко отсюда, в командном центре на Салузе Секундус, но на войне все может измениться в самый последний момент.

– Мы направим на планету пятьсот истребителей двумя волнами с полной нагрузкой импульсных бомб. Файкан, ты поведешь первую волну, ты, Риков, вторую. Если мы сумеем в достаточной степени повредить их гель-контурные мозги, то машины ослабнут настолько, что смогут высадиться сухопутные части и довершить остальное. Население Хонру будет свободным еще до наступления ночи.

– Если кто-то еще остался в живых, – уточнил Риков. – Машины захватили планету больше девяноста лет назад.

Лицо Файкана стало мрачным и каменно-неподвижным.

– Если Омниус убил всех, то у нас есть все основания для мщения. Как бы то ни было, пора покончить с этим.

Квентин соединил ладони перед лицом в жесте, одновременно напоминающем молитву и воинское приветствие. Это приветствие было принято в армии с момента убийства Серены Батлер более пятидесяти лет назад.

– Бойня на Хонру была одной из самых мрачных страниц ранней истории джихада. – Хотя командующий говорил с сыновьями, в действительности он по системам связи обращался ко всему флоту – это была не пустая праздная болтовня, но выражение искренней веры. – Сегодня мы восстановим историческую справедливость и завершим эту драму счастливым концом.

Файкан и Риков направились к пусковой палубе, откуда им предстояло вести волны истребителей-бомбардировщиков. Отец остался на командном пункте наблюдать за развертывающимся наступлением. Квентин был уверен в своих сыновьях. Примеро погрузился в изучение обстановки по экранам мониторов, сосредоточившись на ландшафте планеты: коричневые и зеленые континенты, белые ключья облаков и темно-синие пятна глубоких морей.

Нет сомнения в том, что Омниус основательно испортил пейзаж планеты, превратив великолепные леса и луга Хонру в индустриальный кошмар. Уцелевшие жители были наверняка превращены в рабов, которых силой заставили служить мыслящим машинам. Он сжал кулаки и помолился, прося Бога укрепить его силы. Все эти повреждения и ущерб можно будет со временем ликвидировать. Первый шаг – это восстановить благодетельное человеческое правление...

Спустя пять лет после начала священного джихада Серены Батлер армада боевых кораблей Лиги попыталась освободить население Хонру – одной из планет Синхронизированных

Миров. Армада была послана сюда по настоянию первого Великого патриарха Иблиса Гинджо. Армия джихада была хорошо вооружена, моральный дух ее был очень высок, но подлые выродки рода человеческого – агенты мыслящих машин дали неверные сведения о численности сил Омниуса на Хонру.

Десять тысяч кораблей Омниуса, ожидавшие в засаде, окружили Армаду джихада. Люди ответили отчаянным мужеством, применяя подчас самоубийственную тактику, но Омниус перенял этот способ, и роботы также стали жертвовать собой для достижения победы. Роботы-смертники уничтожали корабли джихада на орбите; наземные роботы волнами атаковали деревни, убивая всех надеявшихся на спасение людей.

Предполагаемое освобождение Хонру превратилось в избиение, в бойню, которая продолжалась до тех пор, пока не были уничтожены последние корабли Армады. Помимо убитых на планете людей погибло более полумиллиона солдат.

Давно пора, подумал Квентин, поквитаться с ними.

– Эскадрильи истребителей взлетели, примеро, – доложил помощник.

Квентин кивнул.

– Готовьте к высадке наземный десант для поддержки успеха. Хочу, чтобы все прошло гладко. Наземные войска высаживать, используя весь наличный транспорт под прикрытием штурмовиков. – Он помолчал, позволив себе суровую улыбку. – Я не знаю, подгибаются ли у роботов коленки, но надо ударить так, чтобы страх проник в их программную память.

Пятьсот истребителей стартовали с материнской баллисты. Флот роботов Хонру тоже пришел в движение, некоторые корабли были запущены на орбиту, другие скопились для удара на периферии системы.

– Приготовиться к космическому сражению, – приказал Квентин. – Все защитные поля Холыцмана включить, когда роботы окажутся в зоне огня, и ни минутой раньше.

– Слушаюсь, примеро. Мы продержимся.

Квентин не слишком сильно тревожился за исход битвы с кораблями роботов; его флот всегда мог уклониться от столкновения. Его гораздо больше интересовали действия сыновей, Файкана и Рикова, поделивших между собой пятьсот истребителей. Каждый придерживался своей особой тактики, которая оказывалась эффективной в разных боевых ситуациях. Квентин не сомневался, что сегодня знаменитые братья Батлер добавят в свои послужные списки еще одну победу.

Как хотелось Квентину, чтобы Вандра могла сейчас видеть сыновей. При одной мысли об этом он испытал душевную боль. Она не понимала, что происходит вокруг нее...

Восемнадцать лет назад два старших сына Квентина видели, как по щекам отца струятся слезы. Это было, когда они оставили Вандру в Городе Интроспекции. Впервые в жизни герой войны выказал обычную человеческую слабость.

– Как много вокруг горя, отец, – сказал тогда Файкан, – везде, куда ни помотришь.

Но Квентин отрицательно покачал головой.

– Это слезы не муки и не горя, сынок. – Он положил руки на плечи обоих мальчиков. – Это слезы счастья, которое ваша мать дала мне.

Квентин не покинул Вандру. Хотя она уже почти двадцать лет ничего не понимала, он был уверен, что ее мысли просто заперты внутри ее сознания. Чувствуя ее пульс и слыша бие-ние ее сердца, он думал, что только любовь сохраняет ей жизнь. Квентин продолжал воевать в Армии джихада и мысленно каждую свою победу посвящал жене. Каждый раз, возвращаясь на Салузу Секундус, он приезжал к Вандре, уверенный, что в глубине души она помнит, кто он...

Квентин оборвал воспоминания: с театра сражения стекались донесения, взволнованные доклады с истребителей Файкана и Рикова. Боевые суда зависли над цитаделью машин на Хонру и сбросили импульсные бомбы, при взрыве которых излучалась разрушительная для

роботов энергия Хольцмана. За прошедшие годы Омниус разработал способы защиты своих гель-контурных мозгов, но в Армии джихада появились более мощные бомбы.

– Все заряды использованы, примеро, – доложил Файкан. – Главный город подготовлен ко второй фазе операции.

Квентин улыбнулся. На орбите корабли роботов попытались вклиниться в строй кораблей джихада, но их защитные поля сдержали натиск. Эти роботы были скорее раздражающей помехой, нежели реальной угрозой, пока не перегревались поля Хольцмана.

Квентин занялся перегруппировкой сил.

– Штурмовикам опуститься в атмосферу. Всем артиллерийским батареям приготовиться к обстрелу из космоса и с воздуха. Передайте гинацским наемникам приказ подготовиться к бою импульсные мечи и начать очистку города. Я надеюсь, что они подавят остатки сопротивления роботов.

Младшие командиры подтвердили получение приказов, и примеро снова стал наблюдать со своего командного пункта, как огромные боевые корабли начали приближаться к планете для закрепления успеха.

Бронированный транспортер Квентина Батлера с хрустом ехал по обломкам, усеявшим улицы главного города машин на Хонру. Командующий решил лично осмотреть поле еще не до конца завершившейся битвы. Квентин оглядывал опустошения – по большей части причиненные еще до нападения, – испытывая печаль по утерянной планете. Заводы и промышленные магистрали заменили сельскохозяйственные угодья. Войска джихада шли по вражескому городу, не причиняя вреда инфраструктуре и уничтожая только машины.

Сбитые с толку освобожденные рабы металась по улицам в поисках укрытия, выбегали из своих бараков и бросали конвейеры, оставшись без надсмотрщиков-роботов, которые стояли, парализованные после импульсного бомбометания. Квентин живо вспомнил освобождение Пармантье на заре его военной карьеры. Там бывшие рабы никак не могли поверить, что мыслящие машины наконец исчезли и отныне жизнь людей будет принадлежать только им самим. Теперь, когда наступили годы процветания, – после того, как Квентин на время передал управление Пармантье Рикову, тамошние жители боготворили Квентина и братьев Батлер как своих спасителей.

Но люди, уцелевшие здесь, на Хонру, не выражали того восторга, какого ожидал Квентин, казалось, они поражены настолько, что не знают, как реагировать на происходящее...

Группы быстрых наемников, большинство из которых прибыло сюда с Гинаца, ринулись вперед. Они никогда не представляли собой хорошо организованных боевых подразделений, но были превосходными бойцами-одиночками и мастерами рукопашного боя.

Гинацские наемники принялись разыскивать уцелевших функционирующих роботов. Незащищенные рабочие машины и сторожевые роботы считались одноразовыми, компьютерный всемирный разум не считал их ценными, и они были уничтожены во время импульсного удара. Но теперь из укрытий стали появляться боевые роботы, они начали сражаться, хотя и были повреждены и дезориентированы. Мускулистые наемники, используя импульсные мечи, генерирующие узконаправленные вспышки энергии, принялись одного за другим уничтожать этих врагов.

Даже из подпрыгивавшего на ухабах командирского вездехода Квентин мог разглядеть укрепленную цитадель, откуда местная инкарнация Омниуса управляла городом. Для достижения этой главной цели гинацские наемники, стремительные словно вихри, пробивали дорогу, подбираясь все ближе и ближе к цитадели и не считаясь с опасностью.

Квентин подавил тяжкий вздох. Если бы у него было больше таких бойцов пятнадцать лет назад во время второй обороны Икса, то он бы не потерял так много солдат и мирных жителей. Поклявшись, что Омниус никогда не сможет взять планеты, уже освобожденные Армией джи-

хада, Квентин Батлер отогнал неприятеля, но очень дорогой ценой. Сам он попал в окружение и был блокирован в одной из глубоких пещер, где едва не погиб до того, как его выручили...

Для него это была еще одна крупная победа, которая укрепит его репутацию героя и вызовет еще большее почитание, с которым он уже и так не знал, что делать. Квентин даже не носил заслуженных орденов и медалей, которые давно перестали его волновать. Правда, дома он с удовольствием их рассматривал...

Пока наемники прокладывали себе путь по улицам города, откуда-то появилась группа оборванцев, поразившая видавшего виды примеро. Эти люди несли знамена, пели, радостно выкрикивали имя мученицы Серены Батлер. Хотя эта толпа была очень плохо вооружена, она смело кинулась в бой вслед за наемниками.

Квентин мрачно наблюдал это зрелище из окна своей машины. Он никогда не сможет убедить этих преданных людей в том, что надо отойти в сторону и предоставить гинацским наемникам самим закончить их работу. Квентину уже приходилось встречаться с мантиристами.

Даже здесь, на захваченной машинами Хонру, порабощенные люди говорили, сохраняя тайну, о Жрице джихада, о ее замученном ребенке и о первом Великом патриархе. Они делали себе знамена и молились Трем Мученикам, словно те, как ангелы, могли сойти с небес и уничтожить ненавистного Омниуса. На несоюзных планетах, в свободной Лиге и даже здесь, под гнетом мыслящих машин, такие люди, как эти, клялись пожертвовать жизнью ради спасения человечества от машинной чумы – так же, как это сделали Серена Батлер, Манион Невинный и Иблис Гинджо...

Вот и теперь мантиристы бросились вперед словно безумные. Они кидались на уцелевшие машины, ломали оглушенных рабочих роботов или бросались на вооруженных механических бойцов. Квентин подсчитал, что на каждого робота, которого им удавалось дезактивировать, приходилось по пять убитых фанатиков. Но это не останавливало их и не уменьшало их безумного рвения. Единственный способ, каким примеро мог остановить гибель этих людей, – скорее закончить боевые действия, а это означало скорейшее уничтожение инкарнации Омниуса в его укрепленной цитадели.

На случай неудачи у Квентина был выбор – уничтожить цитадель ядерным зарядом. Одной боеголовки с лихвой хватило бы на испарение Омниуса и полное искоренение власти мыслящих машин на Хонру, но в таком случае погибли бы и все эти люди, а Квентину не хотелось добывать победу такой ценой, тем более что пока он мог обойтись и другими способами.

Закончив свой рейд, Риков и Файкан вернулись на командирский вездеход, доложив результаты непосредственно своему отцу. Увидев погибающих мантиристов, оба брата пришли к одному выводу.

– Надо организовать рейд командос, отец, – сказал Риков, – немедленно.

– Здесь, на поле боя, я для вас *примеро*, а не отец, – напомнил Квентин. – Извольте обращаться как положено.

– Слушаюсь, сэр.

– Но все же он прав, – вступился за брата Файкан. – Позвольте мне возглавить группу наемников. Я поведу их в цитадель. Мы заложим взрывчатку и истребим всемирный разум.

– Нет, Файкан. Вы – армейский офицер. Эту работу сделают другие.

– Так точно, например я, – сказал Риков. – Разрешите мне собрать наемников, сэр. Через час мы уничтожим Омниуса.

Квентин снова отрицательно покачал головой.

– У вас жена и маленький сын, Риков. Нет никакой нужды в таком риске.

– Но это должно быть сделано, примеро! Подумайте, сколько людей погибнет за это время...

В дальнем квартале города раздался мощнейший взрыв. Цитадель некогда всемогущего Омниуса превратилась в ослепительную вспышку света. Ударная волна вдребезги разрушила цитадель и повалила окрестные здания. Когда свет вспышки померк, на ее месте стало видно гигантское облако пыли. От крепости всемирного разума не осталось и следа.

– Вот видите, ваша помощь не понадобилась, – сказал Квентин сыновьям.

Глава наемников подошел к командирской машине.

– Поставленная перед нами задача выполнена, примеро.

– И выполнена блестяще, – с улыбкой похвалил наемника Квентин.

Он обернулся к Файкану и Рикову, хлопнул их по ладоням и вскинул вверх руки в победном жесте.

– Мы сегодня отлично поработали – и отвоевали у Омниуса еще одну планету.

Путь к победе не всегда бывает прямым.

Тлалок. «Время титанов»



Когда мощный военный флот Омниуса приблизился к крепости кимеков на Ричес, Агамемнон просто застонал от невероятной и упорной глупости всемирного разума.

– Если его гель-контурные мозги, как все считают, устроены очень мудро, то почему же этот Омниус никогда ничему не учится?

Гремящий в динамиках, установленных на устрашающем ходильном корпусе генерала, голос источал заметное раздражение.

Он не ожидал, что плененный независимый робот ответит на этот чисто риторический вопрос, но Севрат заговорил:

– Непреклонность и упорство мыслящих машин часто дают им преимущество. Такая тактика принесла нам множество побед, и вы прекрасно это знаете, генерал Агамемнон.

Хотя Севрат не оказывал никакого сопротивления и не проявлял неповиновения – в конце концов, это был всего лишь несчастный робот, хотя и независимый, – его ответы на вопросы и советы были на удивление бесполезными. Казалось, он играет с кимеками, не желая давать нужных ответов и утаивая важную информацию. Он огорчал генерала титанов вот уже пятьдесят лет, но Агамемнон пока не хотел его убивать.

Генерал титанов расхаживал по огромному открытому помещению и страшно злился, наблюдая приближение к планете флота роботов. Его крабовидное механическое тело было намного больше тех ходильных форм, какими он пользовался, когда исполнял роль комнатной собачки Омниуса до того, как оставшиеся титаны восстали и отделились от Синхронизированных Миров. После того как мыслящие машины были выведены из строя на Бела Тегейзе, куда сам Севрат занес опаснейший компьютерный вирус, Агамемнон и его кимеки завоевали еще и Ричес, превратив его в стратегическую базу для своих дальнейших операций.

– Уже седьмой раз Омниус присылает флот на Бела Тегейзе или сюда, – злобно ворчал генерал. – Каждый раз мы успешно отражаем его атаки, и ведь он прекрасно знает, что у нас есть шифрующие поля, которые уничтожают гель-контурные системы. Он вертится в этом порочном кругу как белка в колесе и никак не может сообразить, что нас давно уже пора оставить в покое.

Агамемнон, правда, умалчивал о том, что прекрасно видел – на этот раз флот Омниуса был гораздо многочисленнее, чем во время предыдущих нападений. *В конце концов, наверное, и он все же чему-то научился.*

Гладкое, зеркальное, цвета темной меди лицо Севрата было постоянно спокойным и лишенным всякого выражения.

– Вы, кимеки, сломали и испортили множество сфер с обновлениями для Омниуса и тем самым нанесли значительный ущерб Синхронизированному Миру. Всемирный разум будет атаковать до тех пор, пока не добьется желаемого результата.

– Я бы предпочел, чтобы вместо всех этих глупостей он воевал с хретгирами. Может быть, эти черви, люди, и Омниус уничтожат друг друга, чем окажут нам неоценимую услугу.

– Я бы не стал называть это услугой, – произнес Севрат.

В раздражении Агамемнон отошел от робота, грохоча своими снабженными мощными поршнями ногами. Раздались сигналы системы тревожного оповещения.

– Сам не знаю, почему я до сих пор не разобрал тебя по винтикам.

– Я тоже этого не понимаю. Наверное, нам стоит вместе подумать над этим вопросом.

Генерал титанов никогда не доверял Севрату свои секреты. Он взял в плен независимого робота только потому, что тот когда-то провел много времени с его изменником-сыном Ворианом Атрейдесом. Вориан был доверенным человеком роботов, имел массу преимуществ и привилегий и обладал большой властью. Но из-за любви к женщине, Серене Батлер, он бросил все, обратился против мыслящих машин и переметнулся на сторону свободного человечества.

Уже много лет генерал Агамемнон мучился этим страшным вопросом – почему Вориан предал своего отца? Агамемнон возлагал на него большие надежды, строил грандиозные планы – и все это в одночасье рухнуло. Он хотел превратить Вориана в кимека, сделать его наследником славы и мощи титанов. Теперь же у него нет надежды продлить свой род. У Агамемнона не будет других потомков.

Севрат, рассуждая теоретически, мог пролить свет на образ мыслей и поведение Вориана.

– Хотите, я расскажу вам анекдот, генерал Агамемнон? Когда-то давным-давно мне рассказал его ваш сын. Сколько хретгиров потребуется для того, чтобы заполнить одну емкость для мозга?

Титан на мгновение задержался у высокой арки выхода. Не для того ли он до сих пор держит здесь этого бесполезного робота, чтобы слушать истории о тех давно ушедших временах, когда Вориан был вторым пилотом на «Мечтательном путнике»? Этот вздор был слабостью, которую Агамемнон не имел права выказывать.

– Я не в настроении слушать анекдоты, Севрат. Мне предстоит серьезное сражение.

Кимеки мобилизуют свои силы, подготовят флот и отразят нападение контратакой. Потом, избавившись от надоедливой Омниуса, он наконец решится уничтожить независимого робота и начнет все с чистого листа.

На командном пункте хозяйничал Данте, один из трех оставшихся в живых первоначальных титанов. Сейчас он настраивал связь и приводил в боевую готовность системы, установленные на Ричес.

– Они повторили свой ультиматум уже пять раз, устно. Все то же, что было и в предыдущие разы. Они предлагают нам сдаться.

– Я хочу послушать этот ультиматум, – сказал Агамемнон.

В громкоговорителе зазвучал монотонный, лишенный выражения голос.

– Титану Агамемнону, Юноне и Данте. Вы, кимеки, своим мятежом нанесли значительный урон Синхронизированному Миру, поэтому ваша угроза должна быть искоренена. Омниус издал приказ о вашем немедленном захвате и об уничтожении всех ваших последователей и сторонников.

– Ты думаешь, что после этого мы должны признать себя виновными? – вопросом на вопрос ответил Агамемнон. – Юноны здесь нет.

Возлюбленная Агамемнона уже несколько лет была королевой, в каковом качестве управляла планетой Бела Тегейзе.

Данте сделал странное движение, словно собирался чисто по-человечески пожать плечами своей ходильной формы.

– В течение тысячи лет Омниус позволял нам служить мыслящим машинам. Согласно его вычислениям, мы должны быть ему за это вечно благодарны.

– Кажется, своему чувству юмора ты учишься у Севрата. Беовульф готов? Я хочу, чтобы он нанес удар, если что-то пойдет не так.

– Его флот готов.

– Все взаимозаменяемы и вооружены шифрующими минами?

– Да, все неокимеки получили четкие указания.

Неокимеки были созданы из населения покоренной Бела Тегейзе, из бывших рабов мыслящих машин на Ричес и Бела Тегейзе. Людям были сделаны тончайшие хирургические операции, в ходе которых головной мозг отделяли от брэнного тела и помещали в специальные механические ходильные корпуса. Бдительные и подозрительные титаны обеспечили лояльность своих новых товарищей весьма простым способом, установив в корпуса специальный режим «умерщвления». Даже пребывавшие на далеких планетах неокимеки должны были каждые два года получать сигнал повторного включения, без которого они погибнут. В случае, если генерал и два других титана будут убиты, то со временем неизбежно умрут и все неокимеки. Поэтому они всеми силами оберегали титанов и были фанатично преданы Агамемнону, Юноне и Данте.

Генерал продолжал ворчать:

– Не знаю, право, чего мне больше хотеть – чтобы Беовульф выжил или чтобы он погиб. Я просто не знаю, что вообще с ним делать.

В ожидании развязки надвигающейся драмы он грохочущими шагами своих металлических ног мерил помещение командного пункта.

Беовульф стал первым неокимеком, вступившим в заговор титанов против Омниуса. Когда Беовульф напал на россакскую колдунью Зуфу Ценва и бизнесмена Аврелия Венпорта, воспользовавшись информацией, полученной от человека-шпиона, работавшего на роботов, Беовульф получил серьезные травмы. Металлическое тело можно было легко заменить, но пострадал головной мозг неокимека. Титаны сохранили его, но неуклюжий и утративший здравый смысл Беовульф стал скорее обузой, чем подмогой.

– Думаю, мне надо самому присутствовать на поле боя. Есть у нас корабль, куда можно перенести мою емкость?

– Как всегда, генерал Агамемнон. Что мне ответить машинам?

– Мы дадим им ясный ответ, обрушив на них гифрующие мины.

Агамемнон направился к взлетной площадке. Механическая рука отделила емкость от ходильного корпуса и вставила его в специальное гнездо на борту корабля, соединив мозг с сенсорами управления. Когда генерал запустил свой острый как бритва корабль на орбиту, он чувствовал себя атлетом, наслаждающимся своей неограниченной силой и мощью.

Сбившийся в кучу флот машин следовал своей – как всегда – предсказуемой тактике. Агамемнон уже устал слушать устрашающие заявления грозящих роботов. Да, конечно, Омниус, беспрекословно повинаясь своей программе, не мог, не имел возможности убить трех титанов, но зато мог уничтожить и испепелить все остальное. Неужели Омниус всерьез рассчитывает на то, что кимеки сдадутся и сами, фигурально выражаясь, перережут себе горло?

Но генерала не покидало чувство какой-то внутренней неуверенности, которое он подавлял и никому не показывал. На этот раз численность атакующих была значительно больше, чем во время любой из предшествующих атак, и для победоносного отражения нападения потребуется максимальное напряжение сил обороняющихся кимеков.

Если хретгиры не смогли победить Омниуса своими бесчисленными ударами, то горстка мятежников Агамемнона просто не в состоянии будет сопротивляться такому численному превосхождению – не важно, роботы это будут или хретгиры. Каждый из этих противников мог при-

слать силы, имеющие подавляющее численное превосходство, если бы вдруг захотели это сделать. Генерал понимал, что его положение на Ричес постепенно становится безнадежным.

Когда Агамемнон присоединился к кораблям кимеков на орбите, с теневой стороны планеты показались разведывательные зонды, которые должны были следить за флотом роботов.

– Они-они-они готовятся к атаке. – Беовульф говорил раздражающе медленно, заикаясь и спотыкаясь на каждом произносимом им слоге. Поврежденный неокимек стал таким бестолковым и неуклюжим, что разучился посылать внятные сигналы, а на земле Беовульф не ходил, а ковылял, и ему стоило большого труда не наткнуться на окружающие предметы.

– Я беру командование на себя.

– Б-б-благодарю.

По крайней мере теперь Беовульф не пытался притворяться, что сохранил свои таланты и способности.

– Рассредоточиться. Импульсными снарядами – огонь!

Корабли неокимеков бросились вперед с яростью волков, обнаживших свои клыки. Флот роботов стремительно построился в боевой порядок, изготовившись к броску, но корабли кимеков были меньше, их было труднее поразить, и к тому же они рассредоточились в большом пространстве. Воины Агамемнона увертывались от выстрелов машин, чтобы применить импульсные шифрующие мины.

Эти маленькие магнитные капсулы, сконструированные с использованием технологии полей Хольцмана, были скопированы с оружия хретгиров, образцы которого отчасти были собраны на полях битв, а отчасти – доставлены шпионами. Кимеки были устойчивы к действию шифрующего поля, но против мыслящих машин Лига Благородных использовала это оружие уже на протяжении целого столетия.

Во время установки мин роботы испепелили десятки неокимеков, но множество крошечных мин уже плавали в пространстве и сталкивались с корпусами вражеских кораблей. При каждом таком столкновении происходил взрыв, мина разряжалась пачкой импульсов, которые стирали всю информацию в гель-контурах машин. Корабли роботов теряли управление и начинали дрейфовать в пространстве, сталкиваясь друг с другом.

Не видя необходимости подвергать себя ненужному риску, Агамемнон удалился на безопасное расстояние и наслаждался видом сражения издали. Мыслящие машины терпели поражение более сокрушительное, чем он ожидал.

Из города стартовал какой-то корабль. Когда он с ревом приблизился к строю вражеских судов, Агамемнон сначала подумал, что Данте тоже хочет поучаствовать в битве, но потом решил, что это маловероятно. Титан с наклонностями завязанного бюрократа, Данте не любил находиться в гуще событий. Нет, это был кто-то другой.

Агамемнон знал, что многие неокимеки горят желанием броситься в бой против Омниуса, – и в этом не было ничего удивительного. Всемирный разум угнетал Ричес очень давно – в те уже далекие времена, когда люди этой планеты были просто людьми. И было вполне естественно, что они горели жаждой мести. Неокимеки никогда не жаловались на то, что правление титанов было слишком твердым. С тех пор как Агамемнон дал им возможность стать машинами с человеческим мозгом, они прощали ему довольно частые вспышки жестокости.

Таинственный корабль уже оказался в самой гуще вражеского флота, но огня он не открывал. Корабль, ловко увертываясь от снарядов, миновал первую линию из поврежденных машинных судов. Сигналы рикошетом отскакивали от металлических корпусов, заполняя частоты линий связи. Некоторые сигналы были закодированы и звучали на непонятном машинном языке попеременно с издевательскими замечаниями и свистом неокимеков.

– Наступайте, расстройте ряды Омниуса и уничтожьте как можно больше его кораблей, – приказал Агамемнон. – Пусть уберутся восвояси с большим уроном.

Неокимеки рванулись вперед, а таинственный корабль продолжал углубляться в гущу неприятельского флота. Агамемнон настроил оптические сенсоры и увидел, как одинокое судно завершило свою странную игру. Когда оно приблизилось к огромному кораблю машин, с его борта протянулся гигантский рычаг и, захватив смельчака, затащил его внутрь, словно хамелеон, отправляющий в рот муху своим длинным клейким языком.

Неокимеки выпустили новый заряд шифрующих мин. Очевидно, машины рассчитали вероятности и пришли к выводу, что здесь у них нет шансов на победу. Стремясь избежать большего поражения, флот роботов отступил от Ричес, оставив на орбите груды мусора в виде мертвых неуправляемых кораблей.

– Мы подсчитали, что другие битвы имеют для нас большую важность и являются приоритетными, – объявил по системе связи один из командиров кораблей машин. Это служило роботам малым утешением. – Мы вернемся с большими силами, восполним наши потери и доведем численность до приемлемого уровня. Знай, генерал Агамемнон, приговор Омниуса в отношении тебя и твоих неокимеков по-прежнему остается в силе.

– Конечно, остается, но знайте и вы, – передал Агамемнон, сожалея о том, что машины не смогут распознать его язвительный тон, – что если вы явитесь снова и напомним о своем существовании, то опять получите хорошего пинка.

Оставив на поле боя более сотни разрушенных и неуправляемых кораблей, дрейфующих на орбите вокруг Ричес, флот Омниуса убрался восвояси. Обломки могут, правда, создать опасность для навигации, но, вероятно, Агамемнон и его кимеки используют их в качестве элемента полосы обороны. Для планетной базы трудно придумать лучший заслон от вторжений противника из космоса.

Правда, кимеки не могли не понимать, что угроза командующего флотом робота не была пустым звуком. Мыслящие машины вернутся, в этом не могло быть никаких сомнений, и огневая мощь их флота на этот раз будет такой, что они смогут обеспечить себе победу. Агамемнон понимал, что титанам придется покинуть Ричес и отступить на какую-нибудь отдаленную планету, где надо будет создать непроницаемую и несокрушимую систему обороны. Этого будет достаточно, чтобы спастись от Омниуса – по крайней мере на некоторое время.

Надо будет обсудить эту проблему с Юноной и Данте, но действовать нужно без промедления. Всемирный разум может быть неуклюжим и предсказуемым, но он абсолютно беспощаден.

Много позже, вернувшись в город и подсчитав понесенные в результате машинной атаки потери, Агамемнон, к своей досаде, обнаружил, что пилотом одинокого корабля был вовсе не неокимек.

Каким-то образом, после пятидесяти шести лет заключения, независимый робот Севрат нашел способ сбежать и присоединиться к флоту мыслящих машин.

*Бог вознаграждает страдающих.
Арракийская поговорка*



Хотя вид заваленного книгами и чертежами кабинета едва ли мог удовлетворить воображение Нормы Ценва, она редко покидала свое рабочее помещение. Сознание ее могло побывать в любом месте по ее выбору.

В высшей степени сосредоточившись на решении важных задач, она беспрестанно работала с чертежами на электронных чертежных досках, а на Колхарской верфи, гудевшей по соседству, тысячи рабочих воплощали в жизнь проекты Нормы. Завод строил корабль за кораб-

лем, производил защитные поля, двигатели и оружие. Этот процесс был нескончаем, как и работа Нормы. Джихад продолжался.

Она без особого удивления обнаружила, что уже наступило утро. Норма опять проработала всю ночь, а может быть, и дольше. Она не знала даже, какое сегодня число и какой день недели.

Снаружи от Колхарской верфи, которой теперь управлял ее старший сын Адриен, доносился гул работы тяжелых машин. Это был... так сказать, продуктивный, полезный шум, который не отвлекал ее и не мешал творить и работать. Адриен был одним из пятерых детей Аврелия Венпорта, но другие четверо не имели ни склонностей, ни способностей к бизнесу. Они – двое сыновей и две дочери – работали в корпорации «ВенКи», но на незначительных должностях в представительствах компании. Адриен сейчас находился на Арракисе, наблюдая за добычей и распределением специ.

Рабочие бригады собирали торговые суда и военные корабли, в большинстве своем оснащенные старыми обычными двигателями, но строили здесь и корабли с двигателями, свертывающими пространство, двигателями, способными мгновенно переносить корабли из одной точки космического пространства в другую. К сожалению, системы навигации продолжали оставаться ненадежными и по определению рискованными. Процент потерь был так высок, что люди не желали летать на таких кораблях, даже солдаты джихада пользовались ими только в случаях крайней необходимости.

Несмотря на повторяющиеся неудачи – одни обусловленные недостатками математических и физических расчетов, другие – фанатизмом, – Норма была уверена, что со временем найдет решение, если сосредоточится и не будет спешить. Более высоких приоритетов у нее сейчас не было.

Она вышла на улицу, окунувшись в утреннюю прохладу, и всмотрелась в очертания гремящих цехов, не слыша этого грохота и не ощущая запаха гари и дыма литейных печей. Большая часть ресурсов планеты шла на сборку новых кораблей для восполнения постоянных потерь Армии джихада. Одно количество энергии, материалов, сырья и рабочей силы, которое для этого требовалось, не укладывалось даже в светлой голове Нормы.

Когда-то она была низкорослой молодой девушкой, которую презирала ее собственная мать. Теперь же Норма была физически прекрасна, ее идеи и область ответственности охватывали всю вселенную и простирались далеко в будущее. Она *изменилась* фундаментально, в самих основах своей сущности, поднявшись на высочайший уровень сознания после пыток, которым подверг ее титан Ксеркс. Теперь она стала критически важным мостом, соединявшим современность и вечность. Человечество не могло теперь воспользоваться этим потенциалом без Нормы Ценва.

Какое-то время Норма была счастлива. Она была любима и любила сама. Аврелий, ее опора и поддержка, погиб вместе с ее суровой и эгоцентричной матерью, став одной из жертв нескончаемой войны. Отношения ее с Зуфой всегда были сложными, но милый и любимый Аврелий был просто даром богов, выручавшим ее во многих тяжелых ситуациях. Не проходило ни одного дня, чтобы она не вспоминала о нем. Без его беззаветной помощи и поддержки она никогда не смогла бы достичь своей жизненной цели и не осознала бы свои мечты. С самого начала Аврелий разглядел ее скрытые возможности и вложил в нее все свое состояние, всю свою душу.

Благодаря соглашению, которое Аврелий заключил в свое время с Сереной Батлер, корпорация «ВенКи» сохранила монополию на производство свертывающих пространство двигателей. Когда-нибудь эта новая технология приобретет даже большее значение, чем защитные поля Хольцмана, – и произойдет это, как только Норме удастся решить навигационную проблему. Но каждый раз, когда Норма, казалось бы, находила часть ответа, возникало множество

новых вопросов, которые еще больше запутывали проблему, а ответ казался еще дальше – таким далеким и маленьким кажется собственное отражение в комнате с зеркальными стенами.

Норма смотрела на гигантский промышленный пейзаж, но сознание ее было далеко, продолжая блуждать в поисках ускользающего решения. Свертывающие пространство корабли могли перебрасываться из одной точки пространства в другую мгновенно – сам толчок срабатывал великолепно, – но возможность точно направить корабль, позволить ему избежать столкновений с другими небесными телами представлялась неразрешимой проблемой. Хотя пространство на пути корабля чаще все же оказывалось пустым, существовала ненулевая вероятность того, что судно встретится со звездой или планетой, и тогда корабль погибал. Не было ни единого шанса свернуть или избежать столкновения. Экипаж не мог даже воспользоваться спасательными судами.

Приблизительно одна десятая всех полетов на свертывающих пространство кораблях заканчивалась катастрофой.

Это было похоже на бег с завязанными глазами по минному полю. Ни один человеческий ум не мог среагировать на возникавшие опасности достаточно быстро; ни одна карта не могла обеспечить пилота точной информацией о препятствиях, которые могли встретиться в свернутом пространстве. Этого не могла сделать даже сама Норма, несмотря на ее сверхъестественный интеллект.

Много лет назад она нашла временное решение, применив для этого быстродействующие компьютеры. Аналитическое приспособление для быстрого принятия решений могло предвосхищать неверный шаг за наносекунды и в течение этого времени менять курс. Тайная установка таких приборов на кораблях – первых моделях промышленных свертывающих пространство кораблей – снизила аварийность почти наполовину и сделала новые корабли *почти* пригодными для регулярной навигации.

Но когда офицеры Армии джихада впоследствии обнаружили компьютеры на борту кораблей, то поднялся такой шум, разразился такой скандал, что дело едва не дошло до закрытия Колхарской верфи. Поставленная в безвыходное положение Норма пыталась оправдываться, приводя доказательства успеха и указывая на преимущества, которые сверхскоростные корабли могут дать джихаду. Но ее никто не слушал. Великого патриарха Тамбира Боро-Гинджо едва не хватил удар, когда он узнал об «обмане», который пыталась совершить Норма.

Ее сын Адриен – блестящий оратор и умелый негоциант, такой же, как и его отец, – сумел спасти Норму и верфь, прибегнув к униженным извинениям, согласившись вопреки здравому смыслу и собственным интересам извлечь из кораблей и уничтожить все компьютерные навигационные системы под наблюдением меднолобых чиновников Лиги. Уничтожая компьютеры, он улыбался, и чиновники отбыли на Салузу, самодовольно ухмыляясь.

– Ты найдешь другое решение, – шепнул Адриен матери. – Я знаю, что обязательно найдешь.

Хотя с тех пор Норма не могла больше использовать компьютеры, она сохранила несколько спрятанных навигационных систем. А затем потратила десятки лет, начав работать над проблемой, можно сказать, с чистого листа. Это было жуткое, ничем не оправданное отставание. Без сложных компьютеров она не видела никакого решения. Навигатор должен был каким-то образом предугадывать препятствия и устранять возможность столкновения до того, как они возникали в реальности, – такое представлялось Норме абсолютно невозможным.

Проект создания свертывающих пространство кораблей превратился для корпорации «ВенКи» в настоящую черную дыру, которая требовала огромных затрат и не сулила в ближайшем будущем никаких доходов, какими можно было бы эту дыру заполнить. Техника действовала безупречно, так, как рассчитывала Норма, но управлять ею было практически невозможно.

К счастью, «ВенКи» получала приличный доход от перевозки грузов, особенно это касалось добычи и транспортировки специ с Арракиса. Пока только ее корпорация имела там необходимые связи и знала источники получения меланжа.

Норма и сама принимала специю. Она оказалась настоящим благом. *Меланж*. Готовясь к новому рабочему дню, Норма с наслаждением вдыхала аромат пахнущего корицей и упакованного в капсулу красновато-коричневого порошка, клала его на язык и проглатывала. Она даже не знала, сколько меланжа она съела за последние несколько дней. *Столько, сколько потребовалось*.

Эффект циркулирующей в крови специ на сознание был потрясающим. Например, в какой-то момент Норма, сидя у окна своего рабочего кабинета, наблюдала, как идет постройка нового судна. Вокруг корпуса сустились рабочие, передвигаясь на специальных платформах и страхуя себя специальными поясами, изобретенными Нормой...

В какое-то мгновение, однако, она ощутила мощный внутренний толчок, это было, видимо, похоже на свертывание пространства, но присутствовало здесь и нечто особенное, но природу этой особенности Норма пока не могла постичь. В течение последнего месяца она увеличила потребление меланжа, экспериментируя на себе, как на своих кораблях, отчаянно ища разгадку тяжелой проблемы безопасной навигации. Это было какое-то сверхъестественное оживление, поток мыслей, которые неслись к окончательному решению, словно бурная горная река – по порогам глубокого узкого ущелья.

Внезапно во время этой ментальной вспышки Норма вдруг ощутила, что сознание ее находится очень далеко от Колхара. Она явственно увидела высокого худощавого мужчину, стоящего среди безбрежного моря иссушенной песчаной пустыни. Мужчина следил за ремонтом машины для сбора специ. Несмотря на какую-то рябь перед глазами – было такое впечатление, что она смотрит сквозь толстое рифленое стекло, – Норма узнала патрицианский профиль и темные волнистые волосы, в которых, несмотря на шестидесятичетырехлетний возраст их обладателя, не было видно седины. Таков был гериатрический эффект регулярного приема специ.

Адриен. Мой сын. Он на Арракисе. Она вспомнила, что Адриен действительно уехал на Арракис для переговоров с дзенсуннитами относительно условий сбора специ.

Сын был до такой степени похож на отца, что Норма могла вполне вообразить, что видит Аврелия. Учитывая успехи сына в делах, Норма доверила ему проведение всех торговых операций корпорации «ВенКи», а сама сосредоточилась на своей работе.

Было ли это видение реальным? Норма не знала, чему верить. Может быть, это было просто видение того, во что она хотела верить?

Она продолжала явственно видеть образ своего старшего сына, когда голову ее пронзила сильнейшая боль. Норме показалось, что череп распиливают зазубренным лезвием. Она громко закричала. Теперь она видела перед глазами только полосы и пятна яркого света, окрашенные в разные цвета. Она ощупью потянулась к ящику и извлекла оттуда еще одну капсулу меланжа, которую немедленно проглотила. Постепенно боль улеглась, и к Норме вернулась четкость зрения.

Видение отступило от Адриена, как взор орла, который обозревает с высоты просторы пустыни, покрытые бесчисленными дюнами. Потом Норма потеряла сознание и погрузилась в черный непроницаемый мрак, словно слепой червь, зарывшийся в глубины песка...

Позже Норма, обнаженная, стояла перед зеркалом. С момента той памятной ментальной стимуляции она обрела способность перестраивать свое тело и поддерживать его совершенство и красоту, пользуясь генным пулом своих предков по женской линии. Аврелий всегда любил ее такой, какой она была, даже в то время, когда Норма отличалась уродством, но она пользовалась своими новыми способностями, чтобы ради Аврелия придать себе совершенную

форму. Она перестала стареть. Теперь, внимательно глядя на свое отражение, она исследовала безупречные формы тела и черты прекрасного лица, которое она когда-то создала для своего любимого.

Норма чувствовала, что в ее организме происходит какое-то отчуждение от физического мира; ее перестроенное тело продолжало изменяться дальше, видимо, уже по собственному желанию. Тело не умирало и не приходило в упадок... но оно каким-то образом развивалось, и Норма пока не понимала сути этого процесса.

Физическая внешность потеряла свою значимость: на самом деле она лишь отвлекала. Норме надо было контролировать свою силу, верно направлять ее, как это делали ее предки-колдуньи, но масштабы этого контроля невероятно возросли. То, что намеревалась делать Норма Ценва, требовало гораздо больше ментальной энергии, чем придание определенной формы одному телу, и намного больше, чем для актов разрушения, которые могли производить колдуньи.

Для того чтобы творить, всегда требуется больше энергии, чем для того, чтобы разрушать.

Норма ощущала усталость, утомление от постоянного стресса, от бремени того, что ей нужно было сделать, ее силы тратились на создание образов, на конструирование, на испытания... и иссушение усиливалось от постоянных неудач. А когда Норма уставала, ей требовалось больше меланжа.

Глядя в зеркало, она наблюдала, как по ее телу пробегает светящаяся рябь. На одном плече появилось красноватое пятно. С усилием направив на пятно ментальную энергию, Норма восстановила совершенство тела. Изъязн пропал.

Она поддерживала свою красоту только в память об Аврелии Венпорте. Теперь его больше нет, но даже его смерть не остановит ее от исполнения задуманного.

Граница между жизнью и смертью узка, и в пустыне ее перешигиваешь мгновенно.

Наставление для искателей специй



Адриен Венпорт стоял на гребне обдуваемой знойными ветрами дюны и наблюдал, как механики чинят комбайн для сбора специй, в то время как другие члены команды разошлись в разных направлениях, чтобы не пропустить признаков приближения червя. Адриен мало разбирался в технике, но понимал, что в его присутствии механики будут работать более быстро и тщательно.

Здесь, в опаленной беспощадным солнцем пустыне Арракиса, время, казалось, навсегда остановилось. Океан песка был бесконечен, жара невыносимой, воздух таким сухим, что в нем трескалась незащищенная кожа. Он чувствовал себя беззащитным и уязвимым и испытывал предательское ощущение того, что за ним наблюдает какая-то невидимая и мощная сила.

Откуда берутся люди, не испытывающие страха и трепета перед этой планетой?

Одна из маленьких машин для сбора меланжа сломалась, и корпорация «ВенКи» несла большие убытки за каждый час простоя. Под началом Адриена находились также и другие сборщики и дистрибьюторы, ожидавшие доставки очередной партии в Арракис-Сити. Дальше, в обширном бассейне песка два огромных экскаватора раскапывали большое пятно оранжевой специй. Воздушный грузовик висел над карьером, а отважные сборщики, работая механическими лопатами, выкапывали ржавые отложения меланжа, наполняли ящики и относили их в грузовик для дальнейшей обработки.

По связи, прорываясь сквозь статический треск, послышался взволнованный голос разведчика:

– Червь!

Бригада наемных рабочих бросилась к грузовику, а механики, стоявшие возле Адриена, оцепенели от ужаса.

– Что будем делать? Мы не можем улететь отсюда на этой штуке.

Один из выпачканных пылью механиков беспомощно взглянул на части двигателя, разложенные на пластиковой подстилке, брошенной на песок.

– Надо было скорее шевелиться! – злобно крикнул другой старатель.

– Прекратите работу и не издавайте никаких звуков, – приказал Венпорт, расставив ноги и прочно упершись ими в песок. – Стойте неподвижно.

Он кивнул головой в сторону одного из двух больших экскаваторов.

– Они производят гораздо больше шума, чем мы. Червю нет никакого смысла обращать внимание на нас.

Было видно, как вторая и третья бригады старателей спешно взбираются на борт тяжелого вертолета, который, помимо этого, взял максимальный груз. Спустя мгновение вертолет взмыл вверх, оставив на земле брошенные комбайны – весьма дорогостоящее оборудование, невольно отметил про себя Венпорт.

Исполинский червь неся под самой поверхностью песка, стремясь настигнуть намеченную жертву. Покинутая техника тихо стояла на земле, но двигатели взлетевшей машины ревели и стучали, создавая вибрацию, будившую в звере охотничий инстинкт. Как артиллерийский снаряд, червь внезапно вынырнул на поверхность и одним броском поднялся в воздух, с умопомрачительной скоростью взмывая все выше и выше. Двигатели вертолета, едва не захлебываясь, взвыли – пилот из всех сил пытался увести машину от опасности. Открылась гигантская пасть, и громадная глотка словно пену бешенства извергла тучи песка.

Червь вытянулся в воздух почти во всю свою длину, едва не достав в рывке тяжелую машину. От движений червя возник ветер, бросивший в сторону вертолет, который, приподнявшись, провалился в воздушную яму, когда червь тяжело рухнул обратно на песок, сокрушая брошенную технику. Пилот снова овладел управлением и продолжил подъем, на полной скорости направляясь к спасительным скалам.

Оказавшиеся в затруднительном положении механики и Адриен облегченно вздохнули, видя спасение товарищей, но сами остались недвижимыми. Вертолет не мог прийти к ним на выручку, пока не уйдет червь.

Зверь принялся извиваться на поверхности, пожирая комбайны, а потом мгновенно зарылся в песок и устремился прочь. Адриен, затаив дыхание, следил за происходящим, глядя, как движение червя прочерчивает в песке волну, уходящую к горизонту в противоположном от них направлении.

Покрытые пылью и грязью старатели радовались, что сумели перехитрить пустынного демона. Тихо смеясь после пережитого страха, они принялись поздравлять друг друга с чудесным спасением. Адриен взглянул на вертолет, продолжавший свой путь к черной гряде скал. На противоположном склоне гряды в укрытом от песка и червей ущелье находится стоянка корпорации «ВенКи», где людей ждут еда, вода и кровати для отдыха. Оттуда пришлют машину, чтобы забрать Адриена и остальных.

Ему не понравилось, как изменился цвет неба. За линией скал, куда направлялся вертолет, небосвод окрасился в грязно-зеленый цвет.

– Люди, вы знаете, что это может значить? Уж не надвигается ли песчаная буря? – Он слышал о невероятно сильных ураганах Арракиса, но сам ни разу не попадал в них.

Один из механиков оторвался от работы, двое других внимательно вгляделись в горизонт.

– Правда, это песчаная буря. Маленькая, так, порыв ветра, это намного лучше, чем Кориолисова буря.

- Но вертолет летит прямо туда.
- Тогда это очень плохо.

Адриен устремил взор в удаляющуюся машину. Вертолет начало сильно трясти. В приемнике слышались тревожные сигналы и взволнованные восклицания пилота. Завитки казавшейся издали нежной и мягкой пыли и песка взметнулись в воздух, подбираясь к вертолету, словно руки, стремящиеся заключить его в любовные объятия. Машина беспорядочно заметалась из стороны в сторону, потеряла управление и врезалась в стену черных скал. На месте удара вспыхнуло рыжее пламя и повалил черный дым, который вскоре бесследно рассеялся.

Проклятые черви всегда получают назад свою специю, подумал Адриен. *Так или иначе.*

Такова была страшная правда этого рискованного делового предприятия. Невзирая ни на какие меры предосторожности, неожиданные несчастья и катастрофы обрушивались на не готовых к ним людей.

– Заканчивайте ремонт как можно скорее, – тихо, но твердо сказал Венпорт, – чтобы мы быстрее убрались отсюда и вернулись в Арракис-Сити.

Позже, стоя в окружении своих людей на рыночной площади Арракис-Сити, Адриен разговаривал со старателями, многие из которых из всех сил старались обмануть корпорацию. Таков был обычай, но Адриен успел хорошо изучить местные повадки и не позволял себя надувать.

– Вы хотите за специю слишком много, – не дрогнув ни одним мускулом, сказал Адриен, обращаясь к бородатому старателю, который был крупнее его в два раза. Так же как и другие местные уроженцы, человек был одет в пустынный камуфляж; пыльные инструменты пристегнуты к широкому поясу. – «ВенКи» не может мириться с такими ценами.

– Добыча специи – опасное дело, – возразил бородач. – Риск надо компенсировать.

– Это не моя вина, что людям приходится рисковать, и я не люблю, когда меня обманывают.

Адриен шагнул вперед, приблизившись к великану, так как это было именно то, чего бородатый ожидал меньше всего, рассчитывая на свою устрашающую внешность. Венпорту надо было выглядеть не менее сильным и грозным.

– «ВенКи» заключила с вами большой контракт. Вы надежно обеспечены работой. Удовольствуйтесь этим. Вы хнычете больше, чем немощные старухи.

Бородач онемел от такого оскорбления. Рука его скользнула к поясу, где, несомненно, висело спрятанное под плащом оружие.

– Ты хочешь сохранить свою воду, чужестранец?

Не колеблясь, Адриен схватил великана за грудки и резко оттолкнул старателя. Человек упал на спину. Товарищи упавшего обнажили клинки; громиле помогли встать на ноги.

Адриен, скрестив руки на груди, одарил туземцев ослепительной и самоуверенной улыбкой.

– И вы еще хотите работать с «ВенКи»? Вы думаете, что здесь нет дзенсуннитов, готовых ухватиться двумя руками за мои предложения? Вы заставили меня терять время, пригласив на Арракис, и продолжаете делать это своим нытьем. Если вы люди чести, то будете исполнять условия нашего соглашения. Если же у вас нет чести, то я отказываюсь от сотрудничества с вами.

Хотя Адриен вел себя как игрок, он понимал, что вовсе не блефует. Племена пустыни привыкли собирать и продавать специю. «ВенКи» была единственным надежным и регулярным покупателем, и сам Адриен был «ВенКи». Если он решит внести этих людей в черный список, то им придется вернуться в пустыню и добывать там средства к пропитанию... а многие местные жители-дзенсунниты уже забыли, как это делается.

Противники злобно смотрели друг на друга, стоя среди духоты и вони большого рынка. В конце концов он предложил им символическое увеличение цены, решив, что возьмет разницу с покупателей, которые в большинстве своем были очень богаты. Они будут рады платить и, возможно, даже не заметят разницу, так как меланж был и без того страшно дорогой редкостью. Жители пустыни ушли, удовлетворенные только наполовину.

После их ухода Адриен горестно покачал головой.

– Какой-то извращенный джинн испортил эту планету как только мог... а потом именно сюда, в самое пекло, сунул специю.

Измениться может вся Вселенная, но никогда – пустыня. Арракис живет по своим особым часам. Человека, отказывающегося это признать, поразит его собственное безумие.

Легенда о Селиме Укротителе Червей



Как только начал спадать дневной зной, группа дзенсуннитов вышла из своих потайных тенистых укрытий и приготовилась продолжить путь вниз от Барьера. Сам Исмаил не очень сильно тревожился по поводу похода к шуму и вони городской цивилизации, но он не желал, чтобы Эльхайим без постороннего присмотра, один, отправился в поселок корпорации «ВенКи». Сын Селима Укротителя Червей слишком часто выбирал опасную и скользкую дорожку, ведущую к чужеземцам.

Исмаил в отличие от своих молодых спутников выказал здравый смысл и надежно прикрыл обветренную кожу защитной одеждой. На сухощавое лицо он надел маску, сохранявшую выдыхаемую воду, фильтруя ее через слои ткани, – это был конденсатор, сберегавший воду. Исмаил не потеряет ни капли драгоценной влаги.

Другие люди проявляли полную беззаботность в этом отношении и не берегли воду, надеясь, что всегда смогут добыть ее. Они носили одежду чужеземного производства, выбирая ее по красоте, а не по пригодности ношения в пустыне. Даже Эльхайим предпочитал яркие цвета, пренебрегая обычным пустынным камуфляжем.

Исмаил поклялся его матери, лежавшей на смертном одре, что позаботится о ее сыне, и он честно старался это делать – возможно, слишком усердно и часто, – чтобы молодой человек понял, как надо жить. Но Эльхайим и его друзья были новым поколением, слепленным из совершенно иного теста; для них Исмаил был древним реликтом старой жизни, живым ископаемым.

Трещина между Исмаилом и Эльхайимом расширялась и углублялась, угрожающе превращаясь в пропасть. Когда заболела мать, Эльхайим умолял ее поехать к врачам в Арракис-Сити, но Исмаил изо всех сил противился влиянию недостойных доверия чужеземцев. Марха послушалась мужа, а не сына. По мнению Эльхайима, именно это упрямство и стало причиной смерти матери.

Молодой человек бежал и в Арракис-Сити сел на борт одного из кораблей «ВенКи», который умчал его к далеким планетам, включая и Поритрин, все еще разрушенный и опустошенный после достопамятного восстания рабов, во время которого Исмаил и его последователи бежали на Арракис. Позже Эльхайим вернулся домой, к своему племени, но то, что он увидел и узнал за время своего путешествия, произвело на него неизгладимое впечатление. Этот опыт больше чем что-либо другое убедил его во мнении, что дзенсунниты должны перенимать чужеземные обычаи и привычки – так же как сбор и продажу специй.

Для Исмаила это было проклятием, плевок в лицо Селиму Укротителю Червей и предательством его миссии. Но он не мог нарушить клятвы, данной Мархе, и поэтому скрепя сердце отправился вместе с Эльхайимом в его безумный поход.

– Давайте собираться и распределять вес, – бодрым довольным голосом распорядился Эльхайм. – Мы легко дойдем до поселка за несколько часов, и вся остальная ночь будет в нашем распоряжении.

Дзенсунниты рассмеялись и с готовностью принялись собираться, предвкушая, как они потратят свои презренные деньги. Исмаил нахмурился, но удержал свои мысли при себе. Он так часто говорил им об их позоре, что они стали воспринимать его слова как клекот старой гарпии. У Эльхайма – нового наиба деревни – были свои представления, куда и как надо вести свой народ.

Исмаил же понимал, что он просто упрямый старик, на древние кости которого давит груз прожитых им ста трех лет. Тяжелая жизнь в пустыне и постоянное потребление меланжа сохранили ему силу и здоровье, а вот другие люди племени расслабились и перестали быть сильными. Хотя он и выглядел как Мафусаил из древнего Писания, Исмаил был убежден, что перехитрит и победит любого из этих молодых и ранних, вздумай кто-нибудь из них вызвать его на поединок.

Но они не сделают и этого, лишний раз демонстрируя их отказ следовать путем предков.

Они подняли мешки, плотно набитые концентрированным очищенным меланжем, который собрали в песках. Хотя он и был против продажи специй, Исмаил взвалил на плечи свою ношу, такую же тяжелую, как и у остальных. Он был готов первым, когда молодые дзенсунниты продолжали суетливо копать со снаряжением и мешками. Он ждал их, храня стоическое молчание. Наконец Эльхайм пошел вперед, шумно и легкомысленно зашагав по песку. Остальная группа пошла за своим наибом на запад, спускаясь по крутым склонам дюн.

Когда тени стали длинными и солнце начало заходить за горизонт, впереди показались огни поселка корпорации «ВенКи», расположенного под надежным прикрытием Барьера. Здания представляли собой случайное скопление чужеродных и уродливых построек, поставленных здесь без всякого плана. Поселок был похож на раковую опухоль, выбросившую метастазы в виде готовых домов, детали которых были доставлены сюда грузовыми космическими кораблями.

Исмаил прищурил свои синие от меланжа глаза и удивленно уставился на поселок.

– Это поселение построили мои люди, когда мы прибыли сюда с Поритрина.

Эльхайм улыбнулся и понимающе кивнул.

– С тех пор он немного разросся, не правда ли? – Молодой наиб был слишком разговорчив, тратя немыслимое количество влаги впустую, теряя ее с дыханием, вырывавшимся из ничем не прикрытого рта. – Адриен Венпорт хорошо платит и всегда готов заказывать специю.

Исмаил подошел к нему, уверенно ступая по камням.

– Ты, кажется, забыл видения своего отца?

– Нет, – резко ответил Эльхайм. – Я не помню своего отца. Он позволил червю проглотить себя до того, как я родился на свет. Как теперь я могу узнать, где правда, а где миф?

– Он понимал, что торговля специей с чужеземцами уничтожит образ жизни дзенсуннитов и со временем убьет Шай-Хулуда – если мы не остановим и не прекратим эту торговлю.

– Это все равно что пытаться остановить песок, просачивающийся сквозь щели в дверях. Я выбрал другой путь, и вот уже десять лет нам сопутствует процветание. – Он улыбнулся отчиму. – Но ведь ты всегда найдешь повод пожаловаться и побрюзжать? Разве не хорошо то, что мы, уроженцы Арракиса, собираем и продаем специю, а не кто-то другой? Разве не мы должны быть теми, кто собирает специю и доставляет ее в корпорацию «ВенКи»? В противном случае они пришлют сюда свои команды сборщиков из чужестранцев...

– Они уже сделали это, – сказал один из мужчин.

– Ты спрашиваешь меня, какой из этих двух грехов приятнее, – сказал Исмаил. – По мне они отвратительны оба.

Эльхайим покачал головой и посмотрел на своих спутников, словно желая показать им, насколько безнадежен этот старик.

Много лет назад, когда Исмаил взял в жены Марху, мать Эльхайима, он постарался воспитывать мальчика, а потом юношу в уважении к традициям, в следовании видениям Селима Укротителя Червей. Возможно, Исмаил слишком сильно давил на ребенка, что и заставило пасынка избрать другую дорогу, другой путь.

Недавно Эльхайим вообще совершил непростительную, на взгляд Исмаила, ошибку – он позволил двум маленьким транспортерам чужеземцев пролететь к одному из тайных убежищ дзенсуннитов в открытой пустыне. Эльхайим посчитал, что это более удобный путь обмена меланжа, так как избавляет от необходимости таскать на плечах большие тяжести. Но Исмаилу эти безобидные воздушные суда напомнили приблизительно такие же корабли работорговцев, которые в детстве лишили его свободы.

– Ты делаешь нас уязвимыми. – Исмаил говорил спокойным голосом, чтобы не обидеть наиба. – Что, если эти люди замышляют похитить нас?

Но Эльхайим беззаботно отмахнулся от предостережения.

– Они не работорговцы, Исмаил. Они купцы.

– Ты совершаешь рискованный шаг.

– Мы просто вступаем в деловые отношения. Этим людям можно доверять.

Исмаил в гневе, который он уже не мог сдержать, тряхнул головой.

– Тебя соблазнили удобствами. Ты должен был изо всех сил стараться остановить эту торговлю и отказаться от развращающих удобств и комфорта.

Эльхайим тяжело вздохнул.

– Я уважаю тебя, Исмаил... но временами ты бываешь невероятно близорук.

С этими словами он отвернулся и ушел на встречу с купцами из «ВенКи», оставив Исмаила кипеть от ярости в гордом одиночестве...

Когда спустилась ночь, группа достигла Барьера. Множество строений, конденсаторы влаги и солнечные батареи электростанции вползли из старого укрытия на склон горы, покрыв ее словно плесенью.

Исмаил по-прежнему шел твердым размеренным шагом, в то время как молодые члены группы стали идти быстрее, стремясь поскорее окунуться в свою любимую так называемую цивилизацию. В городке стоял постоянный шум – какофония отвратительных звуков, так неприятно контрастировавших с тишиной открытой пустыни. Люди болтали, машины гремели и стучали, генераторы неумолчно жужжали. Исмаила оскорбляли уже сами свет и запах этого места.

Об их приходе сразу стало известно, о них заговорили на улицах поселка. Навстречу вышли служащие компании, одетые в странные костюмы и несшие какие-то непонятные инструменты и приспособления. Когда новость дошла до администрации, из ее здания вышел представитель корпорации и с довольным видом зашагал навстречу прибывшим. Он приветственно поднял руку, но Исмаилу его улыбка показалась масляной и неприятной.

Эльхайим обменялся с чужестранцем крепким рукопожатием.

– Мы доставили еще одну партию, и вы можете купить ее – если, конечно, цена осталась прежней.

– Меланж несколько не утратил своей ценности, а все удовольствия нашего города в вашем распоряжении, если вы хотите ими воспользоваться.

Люди Эльхайима шумно выразили свою радость. Исмаил только прищурил глаза, но ничего не сказал. Он неохотно снял с плеч мешок со специей и небрежно бросил его в пыль у своих ног, словно это был ничего не стоящий мусор.

Представитель «ВенКи» весело подозвал носильщиков, чтобы они освободили прибывших от ноши, отнесли специю на склад, где ее предстояло рассортировать, взвесить и расплатиться.

Когда искусственные огни разгорелись ярче, рассеивая ночной мрак, по ушам Исаила ударили звуки сиплой чуждой музыки. Эльхайм и его люди дали себе волю, тратя деньги, вырученные от продажи специи. Они во все глаза смотрели на водянистых танцовщиц с бледной неаппетитной кожей, неумеренно пили меланжевое пиво и вскоре стали неприлично пьяными.

Исаил не стал принимать участие в общем веселье. Он просто сидел и смотрел на соплеменников, ненавидя каждую проведенную здесь минуту и всей душой желая только одного – скорее вернуться домой, в тихую и надежную пустыню.

С тех пор в течение нескольких столетий обмена обновлениями между мной и Омниусом не было. Омниус не знает моих мыслей, некоторые из которых, возможно, являются нелояльными. Но я не возражаю против такого их толкования. Просто по природе я очень любопытен.

Эразм. Диалоги



Окруженный со всех сторон гниющими заживо телами, слыша мучительные стоны и видя жалобные выражения искаженных страданием лиц, Эразм прилежно, с одинаковым старанием, записывал результаты наблюдений каждого подопытного объекта. Этого требовала научная точность и добросовестность. Смертельный РНК-содержащий вирус был почти готов к практическому использованию.

Эразм только что вернулся с очередной встречи со своим коллегой Рекуром Ваном, с которым обсудил оптимальные пути распространения заразы, но результатами встречи робот был не очень доволен – насколько может быть недовольной мыслящая машина, – так как тлукс постоянно отвлекался и уводил разговор к отрицанию новых конечностей, настаивая на новом проведении эксперимента с конечностями пресмыкающихся. Ван был просто-таки одержим идеей получения новых рук и ног, но у робота были другие приоритеты.

Для того чтобы успокоить Рекура, Эразм внимательно осмотрел трансплантат и солгал, несколько приукрасив результат. Правда, на месте культей действительно начали набухать выросты, в которых появилась и костная ткань, хотя скорость этого роста была незначительной. Возможно, сам по себе и этот эксперимент был интересен, но он являлся лишь одним из текущих опытов. Этим утром пришлось увеличить дозу вводимых Вану лекарств, чтобы заставить человека сосредоточиться на важном деле, а не на мелких личных неприятностях.

Надев одну из своих роскошных и пышных – на этот раз синюю – одежду, Эразм перешел из бокса в бокс, храня на флоуметаллическом лице застывшую приятную улыбку. Процент заражения составил около семидесяти, а смертность, как и ожидалось, равнялась сорока трем процентам. Но те, кто выживал, навсегда становились инвалидами из-за поражений сухожилий, обусловленных все тем же ретровирусом.

Некоторые жертвы опыта пытались спрятаться, забиваясь в углы своих грязных вонючих боксов. Другие умоляюще протягивали Эразму руки, в отуманенных болезнью глазах этих людей явственно читалось отчаяние. Возможно, решил робот, эти подопытные объекты страдают делирием и галлюцинациями, также ожидаемыми симптомами инфекции.

Эразм включил и настроил обонятельные сенсоры с тем, чтобы собрать и сравнить разнообразные запахи, плававшие в лаборатории. Он понимал, что это очень важная часть чувственного опыта. Без усталости проводя многолетние эксперименты по подбору подходящих штам-

мов вирусов, Эразм теперь мог по праву гордиться достигнутым. Создать болезнь, могущую убить хрупкое биологическое создание, было нетрудно. Весь фокус заключался в том, что эта болезнь должна стремительно распространяться, убивать большой процент заболевших и не поддаваться практически никакому лечению.

Робот и его тлулаксианский коллега начали работу с генетической модификации передающегося воздушно-капельным путем РНК-содержащего вируса, который хотя и был в какой-то степени неустойчив во внешней среде, легко передавался, проникая сквозь неповрежденные слизистые оболочки и открытые раны. После попадания в организм, вирус в отличие от подобных ему микроорганизмов инфицировал печень, быстро там размножался и начинал вырабатывать фермент, превращающий различные гормоны в ядовитые соединения, которые печень была не в состоянии нейтрализовать.

Начальными проявлениями были поражения познавательных способностей, что приводило к иррациональному поведению и открытой агрессии. Словно хретгиры нуждались в усугублении их и без того совершенно хаотичной деятельности!

Поскольку первые симптомы были довольно мягкими, люди не обращали на них внимания и продолжали исполнять свои социальные функции, заражая при этом окружающих. Но как только в организме начинали продуцироваться модифицированные гормоны, болезнь вступала во вторую стадию, стремительную, молниеносную и неостановимую, приводящую к смерти более чем в сорока процентах случаев. После того как в течение нескольких недель погибнет сорок процентов населения Лиги, остальные потерпят неминуемый крах в войне с машинами.

Будет замечательно, если удастся задокументировать такое событие. Пока планеты Лиги будут одна за другой погибать, Эразм надеялся собрать достаточно информации, чтобы потом изучать ее в течение многих столетий, пока Омниус будет заниматься восстановлением Синхронизированных Миров.

Он вошел в следующий сектор с наглухо запечатанным боксом, в котором находились еще пятьдесят подопытных экземпляров. Робот был вполне удовлетворен, видя, что одни из них корчились в предсмертной агонии, а другие уже умерли и лежали, скрючившись, в вонючих лужах рвоты, мочи и экскрементов.

Осматривая больных, Эразм отмечал и регистрировал различные кожные поражения, открытые язвы (причиненные самими больными?), отмечал похудание и обезвоживание. Он внимательно присматривался к трупам, к их неестественным позам, задумавшись о мере мучений, которые жертва испытывала, умирая, и о возможности их количественной оценки. Эразм вовсе не был мстительным, он просто хотел найти эффективное средство, чтобы нанести смертельный удар Лиге. И он сам, и всемирный разум видели только благо в том, чтобы внести машинную упорядоченность в человеческий хаос.

Без сомнения, инфицирующий агент был готов к применению.

Изменив собственной привычке, Эразм сделал шире улыбку на зеркально-серебристом лице. После многочисленных консультаций с Рекуром Ваном Эразм, воспользовавшись своими конструкторскими талантами, создал специальные снаряды для доставки и распространения смертоносного вируса. Это будут контейнеры, которые, сгорая в атмосфере планеты, распылят в ней капсулы с вирусами, а те распространятся по планете, зараженной хретгирами. РНК-содержащий вирус будет неустойчив в атмосфере, но достаточно силен для того, чтобы заразить какую-то часть людей. Дальше эпидемия распространится сама собой.

Занеся в протокол данные о последнем из умерших, Эразм направил свои оптические сенсоры к наблюдательному окошку. Там находилась маленькая комната, откуда он иногда подсматривал за подопытными объектами сквозь тонированное зеркальное стекло. Окно было сконструировано так, чтобы люди с их слабым несовершенным зрением могли видеть в стекле только свои отражения. Робот соответствующим образом настроил сенсоры, чтобы смотреть

сквозь пленку, и был поражен, увидев в комнате Гильбертуса Альбанса, наблюдавшего за ним. Как он сумел попасть сюда, в охраняемую зону? Верный ученик и воспитанник улыбнулся роботу, зная, что Эразм видит его.

Эразм отреагировал удивлением и изумлением, граничащими с ужасом.

– Гильбертус, оставайся на месте, не двигайся. – Он активировал контрольные системы, чтобы убедиться, что наблюдательная камера заперта и стерильна. – Я же говорил, что тебе нельзя даже приближаться к лаборатории. Для тебя это слишком опасно.

– Запоры и изоляция целы, отец, – ответил Гильбертус, который за прошедшие десятилетия уже давно превратился во взрослого мужчину. Он был мускулист от постоянных физических тренировок, кожа оставалась гладкой и чистой, волосы густыми.

Тем не менее Эразм очистил воздух в камере и заменил его новым отфильтрованным газом. Он не мог рисковать и допустить заражения Гильбертуса. Если его любимый ученик и воспитанник подвергнется экспозиции хотя бы к одному микроорганизму, то сможет заразиться, заболеть и умереть. Такого исхода робот отнюдь не желал.

Перестав обращать внимание на подопытные экземпляры, не заботясь о возможной потере данных по последней неделе напряженного труда, Эразм выскочил из бокса и пробежал мимо запечатанных камер с ожидавшими кремации трупами. Он не смотрел на их остекленевшие глаза, обмякшие лица и скрученные трупным окоченением конечности. Гильбертус был не таким, как все прочие люди, ум его был эффективен и организован подобно машинному – насколько это допускала его биологическая природа, – так как Эразм сам воспитал и выучил его.

Хотя Гильбертусу было уже больше семидесяти лет, он выглядел так, словно находился в самом расцвете юности, благодаря омолаживающему лечению, которое он получил от Эразма. Некоторые особые люди не должны были болеть и стареть, и Эразм сделал все, чтобы именно этот человек получил все привилегии и защиту.

Гильбертусу не следовало приходить сюда и зря рисковать. Это была неприемлемая опасность.

Дойдя до стерилизационной камеры, Эразм снял пышную синюю одежду и сунул ее в печь. Одежду всегда можно заменить. Он облил свое тело дезинфицирующими растворами и антивирусными препаратами, заботливо промыв каждое сочленение, каждую бороздку. Потом он насухо вытерся и потянулся к ручке двери. Поколебавшись, он вернулся назад и повторил всю процедуру дезинфекции второй раз, а потом третий. Просто для пущей уверенности. Нет лишних предосторожностей, если речь идет о сохранении жизни Гильбертуса.

Когда наконец испытывавший облегчение робот странно нагим, без чудесной одежды, предстал перед своим приемным сыном, он был намерен обратиться к человеку с суровым предостережением о глупом, ничем не оправданном риске, но вдруг какое-то чувство смягчило слова Эразма. Когда-то он отчитывал этого дикого мальчишку, когда тот плохо себя вел, но теперь Гильбертус был тщательно запрограммированным и сотрудничающим человеческим существом. Он являл собой пример того, что может получиться в будущем из представителей его биологического вида.

Гильбертус просиял, увидев приемного отца и воспитателя, и улыбка его была такой искренней, что Эразм почувствовал, как его заливают волна... гордости?

– Нам пора играть в шахматы. Ты хочешь составить мне компанию? – спросил человек.

Робот понимал, что Гильбертуса надо под любым предлогом увести отсюда, из здания лаборатории.

– Я буду играть с тобой в шахматы, но не здесь. Мы должны уйти подальше от этого зараженного места туда, где нет опасности.

– Но, отец, разве ты не иммунизировал меня против всех возможных инфекционных болезней во время продлевающего жизнь лечения? Находиться здесь для меня достаточно безопасно.

– Достаточно безопасно – это не эквивалентно понятию абсолютно безопасно, – ответил Эразм, удивившись собственной озабоченности, граничившей с иррациональностью.

Гильбертус несколько не встревожился.

– Что же такое безопасность? Разве не ты учил меня, что абсолютная безопасность – это иллюзия?

– Прошу тебя, не пререкайся со мной без необходимости. У меня для этого сейчас недостаточно времени.

– Но ты сам говорил мне о древних философах, которые учили, что нет такой вещи, как безопасность, ни для биологических объектов, ни для мыслящих машин. Так какой смысл уходить? Вирус может заразить меня, а может и не заразить. Твой собственный механизм может отказать по причине, о которой ты сейчас даже не догадываешься. С неба может упасть метеорит и убить нас обоих.

– Мой сын, мой воспитанник, мой дорогой Гильбертус, неужели ты не пойдешь со мной? Даже если я попрошу тебя? Мы можем обсудить эти вопросы потом. И не здесь.

– Ты произнес вежливые слова, что является манипулятивной человеческой уловкой. Я сделаю то, о чем ты просишь.

Вслед за независимым роботом Гильбертус вышел из куполообразного здания лаборатории, пройдя через шлюзы. Они наконец оказались под красноватым небом Коррина. Когда они отошли на порядочное расстояние, человек заговорил о том, что увидел в лаборатории:

– Отец, ты никогда не испытываешь неудобств от того, что убиваешь так много людей?

– Но я делаю это для блага Синхронизированных Миров, Гильбертус.

– Но они же люди... такие же, как я.

Эразм повернулся к нему.

– Они не такие люди, как ты.

Когда-то, много лет назад, робот придумал специальный термин для того, чтобы воздать должное поразительным мыслительным способностям Гильбертуса, его замечательному умению организовывать мышление и память и умению логически мыслить.

– Я твой ментор, – сказал тогда независимый робот, – ты же мой менторируемый. Я наставляю тебя в овладении ментальными, то есть умственными процессами. Поэтому я дам тебе прозвище, которое я произвел из этих терминов. Я буду использовать это прозвище при обращении, когда буду особенно тобой доволен. Надеюсь, ты тоже будешь считать этот термин ласкательным.

Гильбертус расцвел улыбкой от похвалы своего хозяина.

– Это будет ласкательный термин? Какой же, отец?

– Я буду называть тебя моим *Ментатом*.

С тех пор эта кличка прижилась.

– Ты понимаешь, что Синхронизированные Миры могут с пользой применять способности людей. А эти люди – просто расходный материал на пути к цели. И я позабочусь о том, чтобы ты прожил достаточно долго и сам увидел, как созреют плоды того, что мы запланировали, мой Ментат, – сказал робот.

Гильбертус просиял.

– Я подожду и посмотрю, как будут разворачиваться события, отец.

Дойдя до виллы Эразма, они вошли в дышавший покоем ботанический сад – островок пышных растений, журчащих фонтанов и колибри – это было их частное убежище, место, где они могли приятно вместе проводить время. Гильбертус, не теряя времени, расставил фигуры, ожидая, когда Эразм закончит свои дела.

Человек двинул вперед пешку. Эразм всегда предоставлял Гильбертусу право первого хода, это была покровительственная отцовская поблажка.

– Когда мой ум находится в смятении, то для того, чтобы сохранить мышление в организованном порядке, я делаю так, как ты меня учил – я произвожу математические вычисления и мысленно совершаю путешествия. Это помогает мне избавляться от тревог и сомнений.

Он ждал, когда робот сделает ответный ход.

– Это блестяще, Гильбертус. – Эразм улыбнулся человеку так искренне, как только смог. – Ты – само совершенство.

Несколько дней спустя Омниус вызвал Эразма в башню Центрального Шпиля. Только что на Коррин прибыл маленький космический корабль, на борту которого находился единственный во всей Вселенной человек, который мог безнаказанно появляться на территории главного воплощения всемирного разума, в святая святых первичных Синхронизированных Миров. Из корабля вышел сухощавый жилистый человек и встал перед входом в механическую башню. Обиталище Омниуса, подобно фантастическому живому существу, могло менять свою форму, могло вырасти до поднебесья, а могло распластаться по земле.

Эразм сразу узнал этого смуглого человека с оливковой кожей. Это был мужчина с близко посаженными глазами, лысый, более высокий, чем тлулак, и, по всей видимости, не такой хитрый. Даже сейчас, много лет спустя после своего исчезновения и мнимой смерти, Йорек Турр продолжал не покладая рук работать над уничтожением рода человеческого. Тайный союзник мыслящих машин, он за многие годы успел принести неисчислимые беды Лиге Благородных и Серене Батлер с ее драгоценным идиотским джихадом.

Когда-то давно Йорек Турр был правой рукой Иблиса Гинджо и начальником полиции джихада – джиопола. На этом посту Турр проявил немалые способности, раскрывая мелкие заговоры и отыскивая малозначимых предателей, сотрудничавших с мыслящими машинами. Конечно, такая безусловная верность Омниусу проистекала из того простого факта, что она была принесена Омниусу в обмен на лечение, продлевающее жизнь, хотя оно и было проведено, когда Йорек был уже далеко не юношей.

Все годы пока Турр руководил джиполом, он посылал регулярные и обстоятельные донесения всемирному разуму. Работа его была безупречна, а те козлы отпущения, которых он вылавливал и уничтожал, были необходимыми жертвами ради упрочения положения Турра в Лиге Благородных.

После смерти Иблиса Гинджо Йорек Турр в течение нескольких десятилетий переписывал заново историю джихада, очернив при этом Ксавьера Харконнена и сделав мученика из Великого патриарха. Вместе с вдовой Гинджо он много лет заправлял делами Совета джихада, но когда пришло время занять место его главы, вдова Гинджо сумела переиграть его и посадить в это кресло сначала своего сына, а потом и внука. Чувствуя себя преданным людьми, которым он служил, Турр инсценировал свою смерть и начал служить мыслящим машинам открыто, получив в управление планету Синхронизированных Миров Уаллах IX.

Увидев Эразма, Турр обернулся к нему и расправил плечи.

– Я явился сюда доложить о наших планах относительно уничтожения Лиги. Я знаю, что мыслящие машины умны, упорны и беспощадны, но прошло уже больше десяти лет с тех пор, как я предложил идею вирусной войны. Почему все так затянулось? Я хочу, чтобы вирусы были пущены в дело. Мне не терпится посмотреть, что из этого получится.

– Ты всего лишь предложил идею, Йорек Турр. Настоящую работу сделали Рекур Ван и я, – парировал Эразм.

Лысый человек скривился и махнул рукой.

Из башни загремел голос Омниуса:

– Я буду действовать в моем личном темпе и буду исполнять мои планы тогда, когда сочту это нужным.

– Конечно, лорд Омниус. Но поскольку я принимал некоторое участие в этом плане, предложив его идею, то мне, естественно, интересно знать, как он выполняется.

– Ты будешь доволен ходом испытания, Йорек Турр. Эразм убедил меня в том, что полученный им штамм ретровируса достаточно смертоносен, обладая способностью вызывать заболевание со смертностью сорок три процента.

Турр издал удивленное восклицание.

– Так много? Никогда еще не было такой страшной чумы.

– Но все же эта болезнь не кажется мне очень эффективной, так как она не сможет убить и половины наших врагов.

Темные глаза Турра сверкнули.

– Но, лорд Омниус, не следует забывать, что будет много непредсказуемых вторичных потерь от инфекции, недостаточного ухода и лечения, от голода и несчастных случаев. Притом что двое из пяти заболевших умрут, а остальные будут с большим трудом выздоравливать и тяжело болеть, то просто не хватит врачей для оказания им помощи – тем более что мы не говорим о других болезнях и травмах. Подумайте также о смятении, которое охватит правительства, общество, армию! – Казалось, Турр сейчас подавится собственной радостью. – Лига окажется неспособной наносить удары по планетам Синхронизированных Миров; более того, она не сможет ни защититься – в случае удара мыслящих машин, – ни даже позвать кого-нибудь на помощь. Сорок три процента! Ха, да это поистине смертельный удар по остаткам человеческого рода!

– Экстраполяции Йорека Турра заслуживают доверия, Омниус. В этом случае сама непредсказуемость человеческого сообщества вызовет куда большие поражения, чем ретровирус с его смертностью в сорок три процента.

– Мы достаточно скоро получим опытные, так сказать, эмпирические данные, – сказал Омниус. – Первая обойма зараженных снарядов уже готова к запуску, а вторая сейчас находится в производстве.

Турр расцвел радостной улыбкой.

– Превосходно. Я хочу посмотреть запуск.

Эразм удивился, неужели Турр повредился умом во время продлевающего жизнь лечения? Или он скотина и предатель от рождения?

– Пойдемте со мной, – произнес наконец робот. – Мы найдем место, откуда вам будет удобно наблюдать за запуском.

Спустя некоторое время они смотрели на огненные хвосты ракет, выпущенных в багровое небо, освещенное красным гигантом Коррина.

– В человеческой природе радоваться фейерверкам, – сказал Турр. – И для меня это действительно славное зрелище. Отныне исход борьбы столь же очевиден, как сила тяготения. Ничто не сможет остановить нас.

Нас – это интересный выбор слова, подумал Эразм. Но я все равно не полностью ему доверяю. Его ум полон темных замыслов.

Робот поднял свое улыбающееся металлическое лицо к небу, глядя вслед следующей партии смертоносных контейнеров, улетающих в сторону пространства Лиги.

Люди приветствуют меня как героя-освободителя. Я воевал с кимеками и изгонял мыслящих машин. Но мое наследие не ограничится достигнутым. Сделанное – это всего лишь начало.

Примеро Квентин Батлер. Мемуары в библиотеке Парламента



После того как Хонру была отвоевана у мыслящих машин, Квентин и его войска провели на планете еще месяц, завершая зачистку, помогая в восстановлении хозяйства и оказывая помощь уцелевшим людям. Половина гинацских наемников осталась на Хонру, чтобы обеспечивать безопасность и освобождать планету от остатков армии роботов.

Когда все подготовительные работы были завершены, примеро Квентин Батлер и два его старших сына отбыли на близлежащий Пармантье. Туда Квентин привел значительный флот с солдатами, которые предвкушали давно заслуженный отпуск. Риков рвался домой к жене и единственной дочери.

До того как освобождение Хонру отодвинуло границу с Синхронизированными Мирами, Пармантье был самой близкой к владениям Омниуса планетой Лиги Благогородных. В течение нескольких десятилетий переселенцы добились замечательных успехов в восстановлении планеты после длительного и разрушительного господства машин. Тяжелая промышленность роботов была демонтирована и приведена в порядок, токсические выбросы вредных химических соединений нейтрализованы и вывезены, восстановлено земледелие, насажены леса, реки очищены и направлены в другие русла.

Хотя Риков Батлер проводил много времени на службе в Армии джихада, его любили здесь как толкового и эффективного правителя поселений. Стоя с отцом на мостике флагманской баллисты, он широко улыбался, видя, как приближается безмятежная мирная планета — его родной и любимый дом.

— Не могу дождаться, когда снова увижу Коге, — тихо проговорил он, задумчиво расхаживая по кабине вокруг командирского кресла. — До меня только сейчас дошло, что Райне уже исполнилось одиннадцать. Мне так хочется, чтобы она все время была маленькой.

— Можешь наверстать упущенное, — сказал Квентин. — Я хочу, чтобы у тебя было много детей. Мне лично мало одной внучки.

— У тебя никогда не будет других детей, если ты не побудешь наедине с женой, — толкнув брата локтем в бок, насмешливо произнес Файкан. — Между прочим, в городе есть приличные гостиницы, так что у вас есть шанс на уединение.

Риков рассмеялся.

— Мои отец и брат всегда желанные гости в нашем доме. Да что там, Коге просто не пустит меня в постель, если я не пушу вас в дом.

— Исполни свой долг, Риков, — притворно рыкнул Квентин. — Мне кажется, что твой старший брат не намерен жениться.

— Пока, во всяком случае, нет, — отозвался Файкан. — Я не нашел среди будущих родственников достаточно влиятельных политиков с дочерьми. Но я найду.

— Какой ты романтик.

За прошедшие годы Риков и Коге купили и уютно обустроили симпатичное поместье на склоне зеленого холма с видом на столицу Ниуббе. Со временем, учитывая административные таланты Рикова, Пармантье мог превратиться в одну из самых могущественных планет Лиги Благогородных.

Когда корабли джихада приземлились на посадочную площадку, а солдаты и наемники отпущены в увольнение, Квентин вместе с сыновьями направился в дом губернатора. Когда они вошли, Коге сдержанно поцеловала мужа. Вышла встретить отца и Райна, серьезная блондеглазая светловолосая девочка, предпочитавшая проводить время с книгами, а не с подругами. В доме было и небольшое святилище Трех Мучеников. В плошках росли яркие оранжевые ноготки в память о Манионе Невинном.

Но хотя Коге Батлер была предана делу джихада и начинала каждый день с молитвы, она все же не была одной из фанатичных мартиристок, у которых на Пармантье были очень силь-

ные позиции. Жители Пармантье еще не забыли того жестокого угнетения, какому подвергали их мыслящие машины, и поэтому большая часть людей здесь обратилась в наиболее воинствующую религию, направленную против мыслящих машин.

Коге также внимательно следила за тем, чтобы никто из членов ее семьи не употреблял пряный меланж.

– Серена Батлер не принимала его. Поэтому и мы не будем делать этого.

Когда Риков бывал на войне или на маневрах, он иногда позволял себе этот распространенный порок, но дома в присутствии жены вел себя примерно и тоже не прикасался к специ.

Юная Райна сидела за столом, являя собой образец учтивости и хороших манер.

– Сколько ты пробудешь с нами? – спросила Коге.

Но Квентином овладел приступ великодушия, и он ответил за сына:

– Файкану все равно нечего делать. Поэтому он отправится со мной добывать мыслящих машин. У Рикова же есть и другие обязанности. Я и так повадился слишком надолго отбирать его у вас. Управление Пармантье – дело не менее важное, чем служба в Армии джихада. Поэтому властью, данной мне чином примеро, я предоставляю ему длительный отпуск – не меньше года, – чтобы он мог достойно исполнить свои обязанности политического лидера, мужа и отца.

У Квентина потеплело на душе, когда он увидел изумление и восторг на лицах Коге и Райны. Ошеломленный Риков не знал, что отвечать.

– Благодарю вас, сэр!

Квентин расплылся в широкой улыбке.

– Покончим с формальностями, Риков. Думаю, что в своем доме ты можешь называть меня отцом.

Он отодвинул тарелку, чувствуя себя умиротворенным и сонливым. Наконец-то сегодня он выспится на мягкой постели, а не на узкой лежанке в каюте примеро.

– Что же касается нас с тобой, Файкан, то мы будем отдыхать и пополнять запасы неделю. Солдатам и наемникам этого вполне хватит. Не одним машинам надо перезаряжать свои батареи. После этого мы снова отбудем.

Файкан коротко кивнул.

– Неделя – это очень щедро.

Несколько дней, отдыхая от службы, Квентин развлекал семейство Рикова рассказами о военных подвигах и приключениях во время обороны Икса. Рассказал он и о том, как был заживо погребен в обрушившейся пещере. Квентин признался, что в том тесном мраке чувствовал себя очень неуютно. Поведал он и о том, как встретился – и смог уйти – с титаном Юноной, когда с командой спасателей отправился выручать своих с павшей Бела Тегейзе.

Слушатели содрогались. Кимеки были еще более загадочны и страшны, чем традиционные боевые роботы. К счастью, с тех пор, как они обратились против Омниуса, титаны стали причинять меньше хлопот Лиге.

Райна, пригласившись на краешке стула и широко раскрыв глаза, внимательно слушала рассказы деда. Квентин ласково улыбнулся внучке.

– Скажи мне, Райна, что ты думаешь о машинах?

– Я их ненавижу! Они демоны. Если мы не сможем уничтожить мыслящих машин, то их накажет Бог. Так говорит моя мама.

– Если только эти машины сами не были посланы нам за наши грехи, – предостерегающим тоном произнесла Коге.

Квентин посмотрел сначала на Коге, потом на Райну и Рикова.

– Ты когда-нибудь видела мыслящих машин, Райна?

– Машины вокруг нас, поэтому трудно отличить злых от добрых.

- Вскинув бровь, Квентин горделиво взглянул на Рикова.
- Когда-нибудь она станет превосходным крестоносцем.
 - Или, может быть, политиком, – возразил Риков.
 - Ну что ж, полагаю, что Лиге нужны и политики.

Когда настало время уезжать, а батальон уже поднялся на орбиту, Квентин решил вернуться на Салузу Секундус. Там всегда находились неотложные дела в правительстве Лиги и в Совете джихада, да и с последнего посещения Вандры в Городе Интроспекции прошло уже полтора года.

Во второй половине дня солдаты и наемники начали грузиться на большие корабли, ожидавшие их на орбите. Квентин обнял Рикова, Коге и Райну.

– Знаю, ты будешь скучать по тем славным денькам, когда со своим братом воевал против мыслящих машин. Я и сам иногда скучаю по своей молодости, сынок. Но подумай о других своих обязанностях – по отношению к Пармантье, к своей семье.

Риков улыбнулся.

– Я не буду спорить. Остаться здесь, с Коге и Райной, в мире и покое – это великолепное назначение. Эта планета находится под моим управлением. Настало время мне осесть здесь и сделать этот мир моим настоящим домом.

Надев фуражку, Квентин взошел на борт челнока, который доставил его на флагманское судно. Группа кораблей проходила последнюю проверку готовности перед отлетом. Каждая баллиста и каждый штурмовик были загружены припасами и полностью заправлены топливом, готовые к долгому путешествию к главной планете Лиги. Когда корабли покинули орбиту и были уже готовы уйти из солнечной системы Пармантье, техники засекли поток маленьких ракет, которые словно метеоры неслись к планете. Точный курс и строй говорили о том, что это не случайный полет.

– Нам надо считать эти ракеты противником, сэр!

– Надо вернуться назад и привести оборонительные системы в состояние повышенной готовности, – крикнул Квентин. – Всем судам сменить курс – развернуться назад к Пармантье!

Хотя приказ был тотчас выполнен, Квентин видел, что они не успеют перехватить опасные объекты. Искусственные торпеды явно машинного производства стремительно неслись к Пармантье.

На поверхности Риков объявил тревогу, а сенсоры наблюдательных станций начали вычерчивать траектории неведь откуда взявшихся объектов. На более дальней дистанции появились возвращающиеся корабли Армии, готовые уничтожить вторгшиеся в пространство планеты мелкие корабли.

Но ракеты начали одна за другой разваливаться в плотных слоях атмосферы. Никаких разрушений они не причинили. Ни одна не упала на землю.

– Что это такое? – спросил Файкан, опершись на плечо сидящего за своим пультом техника.

– Полагаю, нам надо остаться и провести анализ случившегося, – сказал Квентин. – Свои корабли я оставляю в твоём распоряжении, Риков.

Однако сын отклонил его предложение.

– В этом нет никакой необходимости, примеро. Мы не знаем, что это за ракеты, но они не причинили никаких разрушений. Даже если они явились из машинного мира, то скорее всего это торпеды, отклонившиеся с курса...

– Тщательно все проверь, – перебил его Квентин. – Омниус наверняка что-то задумал.

– На Пармантье есть хорошие лаборатории и контрольное оборудование, сэр. Мы все сделаем сами. Кроме того, мы располагаем достаточными силами для самостоятельной обороны. Последнюю фразу Риков произнес с особой гордостью.

Ожидая развития событий, находясь на орбите, Квентин испытывал нарастающее беспокойство, особенно сильное оттого, что на планете находился его сын. Очевидно, что это были баллистические ракеты неуправляемые и без экипажей. По какой-то неизвестной причине они были направлены на Пармантье, планету, самую близкую к территории Синхронизированных Миров.

– Может быть, это был просто навигационный эксперимент, – предположил Файкан.

За свою долгую службу Квентин видел куда более ужасные и разрушительные действия мыслящих машин. Поэтому он подозревал, что за этими внешне безобидными действиями стоит какой-то угрожающий замысел.

– Держи все системы в постоянной готовности, – передал Квентин Рикову. – Это может быть лишь прелюдией.

В течение двух последующих дней Квентин держал свой рассредоточенный флот на внешнем периметре обороны Пармантье. Однако никаких торпед больше не было. Космос оставался чистым от присутствия машин. Наконец Квентин смягчился, видя, что оставаться на орбите больше нет причин. Попрощавшись еще раз с Риковым, он повел свои корабли к Салузе Секундус.

Вселенная постоянно творит нам врагов больше, чем нам по силам одолеть. Но тогда почему мы своей борьбой сами плодим себе противников?

Мастер меча Истиан Госс



Несмотря на то что исполинское цунами убило почти все население Гинаца и погубило всю растительность, через шестьдесят лет архипелаг снова был покрыт густыми джунглями. Постепенно пополнилось и население, снова приезжали ученики наемников, стремившиеся научиться искусству боя, разработанному легендарным Йоолом Норетом.

Гинац всегда был местом, где рождались и воспитывались наемники джихада, великие воины, сражавшиеся с мыслящими машинами на своих условиях, используя свою собственную тактику и не подчиняясь иерархии армии. Наемники Гинаца несли непропорционально большие потери, но среди них было больше всего героев.

Истиан Госс был уроженцем архипелага, представителем третьего поколения семьи, пережившей страшное бедствие. То были отважные люди, желавшие возродить славу островов и пополнить их население. Молодой человек с самого начала был намерен посвятить свою жизнь битвам с мыслящими машинами, чтобы нести свободу поработанному человечеству. Собственно говоря, именно для этого он и появился на свет. Он сможет считать свою жизнь удавшейся, если станет отцом нескольких детей, прежде чем погибнет в боях джихада.

Прямо держа свой металлический корпус, на песчаный берег выступил многорукий механический боец робот Хирокс. Он остановился и навел свои сверкающие оптические сенсоры на очередную группу подготовленных им курсантов.

– Вы все успешно закончили курс подготовки по моей программе. – Голос робота был невыразительным и лишенным интонаций, в отличие от более новых моделей машин. Но его и создавали с ограниченными возможностями общения и с рудиментарными зачатками ощущения собственной личности.

– Все вы доказали, что можете адекватно противостоять моей тактике боя. Вы являетесь достойными противниками для реальных боевых роботов, так же как и Йоол Норет.

Хирокс поднял одну из своих вооруженных рук, указывая на небольшое возвышение, вершину которого венчала базальтовая скала, превращенная в усыпальницу, где в хру-

стально-плазовом гробу покоилось набальзамированное тело невольного основателя новой школы боевого искусства мастера меча Йоола Норета.

Все курсанты повернули головы в указанном направлении. Истиан благоговейно сделал шаг вперед, чтобы оказаться ближе к усыпальнице, и вслед за ним шагнул его друг и спарринг-партнер Нар Триг. Истиан обратился к товарищу охрипшим от волнения голосом:

– Ты бы не хотел жить в то время, когда мы могли бы тренироваться у самого Норета?

– Вместо этой чертовой машины? – проворчал Триг. – Да, это было бы очень мило, но я рад, что мы живем сейчас, когда ближе полное поражение врага... во всех его проявлениях.

Триг был потомком поселенцев, успевших бежать из колонии Перидот, захваченной мыслящими машинами восемьдесят лет назад. Его родители были упорными и трудолюбивыми людьми, теми, кто после возвращения старательно занялся восстановлением колонии. Но сам Триг не нашел там своего места. Он испытывал такую глубокую и всепоглощающую ненависть к машинам, что отдал все свое время и все свои силы тому, чтобы научиться в бою побеждать их.

В противоположность Истиану с его золотистой кожей и медно-рыжими волосами, Триг был приземистым и смуглым темноволосым мужчиной с широкими плечами и мощной мускулатурой. Они с Истианом идеально подходили друг другу как спарринг-партнеры, когда орудовали импульсными мечами, специально сконструированными для того, чтобы выводить из строя гель-контурные цепи электронных мозгов роботов. Когда же Триг боролся с механическим сэнсэем, его гнев и страсть воспалялись с небывалой силой, и он дрался как берсерк, оставляя далеко позади всех курсантов своей группы.

Даже Хирокс однажды после особенно энергичного учебного боя похвалил его:

– Один ты, Нар Триг, овладел, как и Йоол Норет, искусством менять тактику боя в зависимости от хода схватки, не думая при этом ни о своей безопасности, ни о своем выживании. Это ключ твоего успеха.

Триг не испытывал никакой гордости от такой похвалы. Хотя Хирокс был перепрограммированным роботом и теперь находился на стороне сражающегося свободного человечества, молодой человек ненавидел все, связанное с миром мыслящих машин во всех его формах. Истиан был бы счастлив скорее покинуть Гинац вместе с Тригом, чтобы этот последний мог обратить свою ярость против реального врага, а не суррогатного противника...

Хирокс между тем продолжал свою речь, обращенную к молодым воинам:

– Каждый из вас своим боевым умением доказал мне, что теперь он достойный боец и готов к схватке с мыслящими машинами. Поэтому я посвящаю вас в воины Священного джихада.

Боевой робот втянул в корпус четыре руки, оставив только пару выше расположенных верхних конечностей, чтобы стать больше похожим на человека.

– Прежде чем отправиться на службу джихада, вам надо последовать традиции и исполнить церемонию, которая была установлена задолго до времен Йоола Норета.

– Это механическое чудовище само не знает, что делает, – пробормотал Триг. – Мыслящим машинам недоступно понимание мистицизма и религии.

Истиан кивнул, но вслух возразил:

– Но хорошо, что Хирокс чтит то, во что верим мы.

– Он просто следует программе, повторяя слова, которые он когда-то слышал от людей.

Тем не менее Триг вместе с остальными зашагал по мягкому песку к месту, где были установлены три большие корзины, наполненные круглыми резными коралловыми дисками словно монетами. Одни диски были пустыми, а на других было написано имя какого-либо из павших воинов Гинаца. В течение столетий битв с Омниусом наемники уверились в том, что эта священная миссия так сильна, что может в буквальном смысле делать дух убитых бессмерт-

ным. Каждый раз, когда какой-либо воин погибал в схватке с врагом, его дух возрождался в следующем бойце, шедшем ему на смену.

Эти бывшие курсанты, бывшие ученики, включая Истиана Госса и Нара Трига, как верили на Гинаце, несли в себе спящие души других бойцов, которые ожидали своего пробуждения, чтобы снова начать сражаться до полной победы над врагом. Только после этого души павших могли наконец обрести вечный покой. Корзин с коралловыми дисками становилось все больше, по мере того как росло число жертв долгого джихада Серены Батлер, но возрастало и число добровольцев, и каждый год новые кандидаты принимали воплощения боевого духа прежних бойцов, и порыв человечества только усиливался с каждым следующим поколением, становящимся таким же непреклонным, как и его враги – машины.

– Теперь каждый из вас выберет диск, – сказал Хирокс. – Судьба поведет вашу руку, чтобы выбрать тот дух, который уже живет внутри всех вас.

Курсанты обступили корзины, но все очень волновались, и никто не хотел быть первым. Видя нерешительность товарищей, из рядов выступил Триг, без всякого выражения взглянул на механического сэнсэя и сунул руку в корзину. Он покопался в дисках и извлек наугад первый попавшийся. Вытащив его из корзины, он прочел надпись и, не меняясь в лице, кивнул.

Никто не ожидал найти знакомое имя, так как хотя среди павших бойцов было немало легендарных героев, все же много больше наемников погибло, оставив потомкам только свои имена. На Гинаце хранилась база данных с биографиями всех известных и неизвестных героев. Каждый новый наемник мог порыться в огромной базе данных и найти все, что было известно о духе, которым он обладал.

Когда Триг отошел в сторону, Хирокс вызвал следующего курсанта сделать выбор, потом следующего. Когда наконец наступила очередь Истиана – он брал жетон одним из последних, – он очень волновался, дрожа от любопытства и внезапно подступившей робости. Он не знал даже, кто были его родители. Многие гинацские дети воспитывались в яслях, в тренировочных группах, и у воспитания этого была одна цель – вырастить бойцов, достойных чести Гинаца. И вот наконец сегодня он узнает имя человека, который незримо вплетен в его ДНК, человека, дух которого направлял его действия и поступки, совершенствовал боевые навыки и определил, в конце концов, его судьбу.

Он глубоко засунул руку во вторую корзину, пошевелил пальцами, стараясь понять, не подскажет ли какой-нибудь диск, что взять надо именно его. Он поднял голову и посмотрел сначала на Трига, а потом на бесстрастное металлическое лицо Хирокаса, понимая, что все равно выберет тот диск, какой нужно. Наконец один из дисков показался ему более холодным, чем другие; было, кроме того, ощущение, что узор на диске совпал с отпечатками его пальцев. Он вытянул диск.

Другие жетоны с тихим звоном посыпались обратно в корзину, а Истиан посмотрел на надпись – и едва не уронил диск обратно в корзину. Он зажмурил глаза и снова открыл их. В горле пересохло. Этого просто не могло быть! Он всегда гордился своими способностями, чувствовал внутри себя задатки величия, но то же самое, если верить рассказам других курсантов, испытывали и они. Но хотя Госс был талантлив, он не был сверхчеловеком. Он не мог жить с такими возложенными на него надеждами.

Один из курсантов заглянул в диск через плечо Истиана, удивившись изумлению и страху на его лице.

– Йоол Норет! Он вытащил диск с именем Йоола Норета!

Слыша все эти вздохи и приглушенные восклицания, Истиан проговорил:

– Это не может быть правдой. Наверное, я все же вытянул не тот диск. Такой дух... слишком силен для меня.

Но Хирокс согнул в поклоне свое металлическое туловище, его оптические сенсоры ярко блестели.

– Я очень рад, что ты вернулся к нам, чтобы продолжить битву, мастер Йоол Норет. Теперь мы сделали еще один шаг к победе над Омниусом.

– Мы с тобой будем сражаться плечом к плечу, – сказал своему другу Нар Триг. – Может быть, нам удастся превзойти легенду, до которой сейчас мы хотим лишь дотянуться.

Истиан облизнул пересохшие губы. У него не было иного выбора – надо было следовать за духом, который до этого тихо дремал в нем.

Те, у кого есть все, не ценят ничего. Те, у кого нет ничего, ценят все.

Ракелла Берто-Анирул. Оценка философских откровений



Ричес будет обречен, как только Омниус вернется с полностью укомплектованной армией своих боевых роботов. Бежавший Севрат, будь он проклят, конечно же, снабдил всемирный разум всеми необходимыми жизненно важными сведениями о силах и численности мятежных кимеков. Учтя прошлые неудачи, машины все просчитают, определяют численность и состав флота, учтут, кроме того, большие потери, увеличат численность флота и его огневую мощь, достаточную для уничтожения всех баз титанов. У них не было никаких шансов устоять.

Генерал Агамемнон сомневался, что в его распоряжении есть хотя бы один месяц.

Ему и его последователям кимекам надо уходить, но он не мог просто как ополоумевшая собака взять и прыгнуть на первую попавшуюся подходящую планету, которую будут яростно защищать хретгиры или, что еще хуже, другие машины. У него не было ни достаточных разведывательных данных, ни личного состава, чтобы позволить себе наткнуться на крепость противника, которую придется брать с боем.

Имея за плечами тысячу лет опыта военного командования, он понимал всю необходимость и ценность точных разведданных и полного анализа обстановки. Так как в живых остались только три первоначальных титана, Агамемнон не мог позволить себе неоправданный риск. Хотя он сам жил уже больше одиннадцати столетий, он стремился уцелеть сильнее, чем когда-либо раньше.

Юона, возлюбленная Агамемнона, тоже вынашивала такие же амбициозные планы и лелеяла те же цели. Вернувшись с другой планеты кимеков, Бела Тегейзе, она встретила с Агамемноном в обширной ричесской крепости. Юона повернула свою головную башню так, чтобы генерал видел ее сверкающие оптические датчики. Даже в таком странном нечеловеческом виде ее мозг и личность казались Агамемнону прекрасными.

– Теперь, когда мы вырвались из оков Омниуса, нам требуется новая территория и новое население, которое нам надо будет подчинить, любовь моя. – Громкоговоритель имитировал ее прежний звучный голос с соблазнительными кошачьими интонациями. – Но у нас нет сил, чтобы противостоять хретгирам или Синхронизированному Мирам. А ведь мыслящие машины вернутся на Ричес, и сделают это скоро.

– По крайней мере Омниусу запрещено убить нас троих.

– Это очень небольшое утешение! Омниус уничтожит все, что мы построили, убьет всех наших последователей и сторонников, а потом вырвет емкости с мозгом из корпусов. Если даже мы не умрем, то он выдернет все соединяющие стержни и оставит нас в вечной тьме сенсорной депривации. Это хуже смерти – мы станем бесполезными и ни на что не годными!

– Этому никогда не бывать! Скорее я сам тебя убью, чем допущу, чтобы такое случилось, – произнес Агамемнон таким громовым голосом, что задрожали колонны, поддерживавшие потолок.

– Благодарю тебя, любимый.

Он с неумолимой быстротой двинулся к сводчатому выходу, на ходу отдав приказ неокимекам готовить к вылету самый быстროходный из кораблей.

– Ты и Данте останетесь здесь и усилите оборону от мыслящих машин. Я же пока найду другую планету, пригодную для нашего правления. – Его оптические сенсоры вспыхнули, когда он записал в память образ своей возлюбленной Юоны. – Если нам повезет, то Омниус не сразу отыщет нас.

– Я бы предпочла надеяться на твои великие способности, а не на везение.

– Видимо, нам понадобится и то, и другое.

Улетая от планеты на немыслимой для хрупкого биологического существа скорости, Агамемнон спешил на встречу со своим осведомителем, находившимся в глубинах империи машин.

Уаллах IX был одной из малозначительных планет Синхронизированных Миров, на которой Йорек Турр правил несчастным стадом пленных людей. В течение нескольких десятилетий он снабжал Агамемнона надежной, хотя и очень законспирированной информацией как об Омниусе, так и о Лиге Благородных. Это он известил Агамемнона о возвращении бежавшей и исчезнувшей Гекаты и о ее неожиданном переходе на сторону хретгиров; это он раскрыл титанам план и маршрут полета Венпорта и ненавистной колдуньи Ценва, чтобы Беовульф смог устроить им засаду в поясе астероидов Гинаца. Турр, казалось, не испытывал никаких трудностей и волнений, ведя тройную игру.

Генерал титанов укрылся в весьма экстравагантном корабле, украшенном устрашающими угловатыми деталями, экзотическим вооружением и хватательными рычагами. Этот корабль служил как космическим судном, так и ходильным корпусом. Приземлившись на Уаллахе IX, Агамемнон выпустил две плоские ступни, изменил форму корпуса и превратился в страшного воина. Советы Турра, как правило, оказывались полезными, но генерал не вполне ему доверял.

Перепуганные люди бросились прятаться, когда генерал титанов направился по бульвару к импозантному дворцу, который Турр построил после того, как короновал себя правителем этой планеты. Хотя официально Уаллах IX оставался планетой Синхронизированных Миров, Турр уверял, что сумел обойти это препятствие и избавиться от вездесущего и постоянного контроля со стороны всемирного разума. Он держал местное воплощение Омниуса в полной изоляции и дурачил его своими собственными программами.

Все это мало интересовало Агамемнона. Если у всемирного разума есть секретные наблюдательные камеры, которые выявят двойную игру этого человека, то Йорека Турра ждет неминуемая казнь. В конце концов, кимекам смертный приговор уже вынесен, поэтому из-за этого уже волноваться не приходится.

Его корпус был настолько огромен, что для того, чтобы войти в ворота цитадели, ему пришлось взмахнуть металлическими руками и выломать часть стены и обрушить арочный свод ворот. В военном отношении имело смысл показать свою мощь и поставить на место этого профессионального изменника и перебежчика.

Но когда Агамемнон вошел в аудиенц-зал с установленным там тронном, Йорек Турр не выказал ни беспокойства, ни испуга. Он сидел на своем кричаще безвкусном троне и смотрел на кимека спокойными и наглыми глазами.

– Добро пожаловать, генерал Агамемнон. Мне всегда приятно принимать такого почетного гостя.

Турр поставил свой трон на массивное возвышение. Само кресло и пьедестал были изготовлены из костей, укрепленных твердыми полимерами. Длинные бедренные кости служили колоннами пьедестала, а сам он был составлен из округлых, специально обработанных черепов. Все это за милю отдавало никому не нужным варварством, но Турр ценил настроение, которое такой антураж создавал у посетителей.

Одна из стен была сплошь занята полками, на которых лежали образцы экзотического оружия. Мгновенно отвлеченный видом древнего ружья, Агамемнон во все глаза уставился

на эту диковинку. Особенно интересно было украшение белой костяной рукоятки, на которой мастер изобразил сцены страшной смерти, которую могло причинить это оружие. Агамемнон уже много лет собирал такое оружие, рассматривая его больше как музейный экспонат, а не как настоящее грозное оружие.

– Вы оказались здесь случайно, генерал? – усмехнувшись, спросил Турр. – Или вам нужна какая-то услуга?

– Я никогда не прошу об услугах. – Агамемнон включил гидравлические поршни, и его тело стремительно выросло, возносясь под потолок. – От такого как вы я *требую* помощи, и вы сочтете за честь мне ее оказать.

– Как и всегда. Я мог бы предложить вам перекусить, но боюсь, что изысканное вино пропадет зря.

– Когда нам надо поесть, мы меняем электрожидкость. Но я здесь не для того, чтобы закусывать. Мне нужны копии ваших разведывательных файлов, ваши астрономические карты и географическое описание других планет. В прошлом я постоянно расширял мою империю кимеков. Теперь мне надо решить, какая планета будет следующей.

– Иными словами, вы планируете покинуть Бела Тегейзе, прежде чем Омниус вернется и уничтожит вас. – Турр понимающе хмыкнул и возбужденно заерзал на своем троне. – Это хорошо, что вы, кимеки, заранее планируете и укрепляете свою оборону, так как очень скоро Омниус нанесет окончательное поражение хретгиру и включит его в Синхронизированные Миры.

– Это очень смелое заявление, особенно если учесть, что джихад кипит уже добрую сотню лет.

– Да, но теперь, благодаря мне, мыслящие машины изменили тактику. Да, это была моя идея! – Он зарделся от гордости. – Коррин недавно пустил в ход мощное биологическое оружие. Мы рассчитываем, что эпидемия прокатится по рядам хретгиров и практически полностью выкосит население.

Агамемнона удивила эта информация.

– Вы определенно решились на убийства и причинение настоящего ущерба, Йорек Турр. В другое время Аякс взял бы вас в рекруты.

Турр просиял.

– Вы слишком добры, генерал Агамемнон.

– Вы не боитесь заразиться? Если Омниус узнает о вашем предательстве, то вас оставят подыхать здесь, на Уаллахе IX.

Он подумал о сыне Вориане, не падет ли и он жертвой инфекции, но потом вспомнил, что полученное им лечение существенно повысило иммунитет Атрейдеса-младшего.

Турр пренебрежительно махнул рукой.

– О, я бы ни за что не предложил использовать вирусы, если бы не был иммунизирован против них. Введение вакцины заставило меня, правда, на несколько дней слечь от лихорадки, но с тех пор мое мышление стало только острее и отчетливее. – Он усмехнулся, помассировав свою гладкую лысину. – Я счастлив, что оставляю неизгладимый след в истории. Эти вирусы доказывают мое влияние больше, чем все, что я успел сделать до этого. Наконец-то я удовлетворен тем, чего сумел добиться в жизни.

– Вы очень корыстный человек, Йорек Турр. – Агамемнон поднял свое массивное железное тело и переместился ближе к стеллажам с оружием. – Вы преуспели во всех ваших делах – сначала в джиполе, потом в управлении джихадом из-за юбки Ками Боро-Гинджо, а теперь вы стали королем целой планеты.

– Всего этого мне мало! – Турр встал с трона из черепов и костей. – Прошло всего несколько десятилетий, и управление планетой кажется мне уже скучным и бессмысленным. Я нахожусь здесь в тени Синхронизированных Миров, и ни одна душа не знает, чего я сумел

добиться. На Салузе Секундус я руководил политикой джихада, но никто в это не верил. Они все думали, что это Великий патриарх такой умный. Ха! Потом эти дураки отдали предпочтение его вдове и ее молокососу сыну. Я хочу оставить свой след в истории.

Агамемнон понимал эти движения души, но все же считал непомерные амбиции этого маленького человечка необычными и весьма забавными.

– Тогда вам надо помочь мне, Турр, потому что когда наступит новая эпоха титанов, мы в нашей истории уделим вам особое почетное место.

Он подошел к шкафам с оружием, сорвал с петель дверцу и сунул механическую руку внутрь.

– Что вы делаете? – воскликнул Турр. – Поаккуратнее. Это очень ценные экземпляры.

– Я заплачу вам, сколько бы это ни стоило. – Агамемнон извлек со стойки приглянувшееся ему древнее ружье.

– Оно не...

– Все на свете имеет свою цену. – Агамемнон открыл на своем корпусе особый отсек и сунул туда ружье. У него было множество таких сундучков. С недавнего времени генерал титанов начал коллекционировать древние орудия убийства. Пока Турр с беспомощным гневом взирал на эту сцену, Агамемнон запер свой отсек. – Пришлите мне счет, – сказал он.

Глаза человека зло блеснули.

– Можете оставить это ружье у себя, как мой дар в знак особого расположения. Так что же вам нужно? Еще одна планета для захвата? Когда мои вирусы распространятся по Лиге Благородных, то планеты ее превратятся в кладбища, и у вас появится возможность занять Лигу Благородных всю целиком. Так что сможете подобрать себе тот кусок, который вам понравится.

– Эта мысль мне не по вкусу. Я завоеватель, а не мародер. Мне нужна планета для основания там новой крепости, планета, у которой сейчас нет достаточных оборонительных сил или систем. Причины, по которым мне это надо, вас не касаются. Вам надо дать ответ, и поторопитесь, пока я не потерял терпение и не убил вас.

– Итак, Агамемнон желает чувствовать себя сильным, но при этом пребывать в полной безопасности. – Угроза Агамемнона не произвела желаемого действия. Раздумывая, Турр барабанил пальцами по подлокотнику трона. Вскоре лицо его расплылось в широчайшей улыбке. – Да, есть такая альтернатива. Зная вас, титанов, и вашу вечную злобу, я полагаю, что это как раз то, что нужно.

– Да, за прошедшие столетия мы нажили себе массу врагов. – Агамемнон принялся расхаживать по тронному залу, круша плитку пола своими исполинскими железными ступнями.

– Да, но это нечто совсем другое. Почему бы вам не отправиться на Хессру и не уничтожить там башню из слоновой кости, в которой обитают отшельники когиторы? Помимо всего прочего, у них есть завод по производству электрожидкости, что вы скорее всего найдете для себя полезным. Но думаю, что с вас будет довольно и того, что вы наконец сможете их убить.

Агамемнон величественно покачал своей механической головой. В его древнем мозге зародилось несколько мыслей.

– Вы абсолютно правы, Турр. Атака Хессры на первых порах не привлечет внимания ни Омниуса, ни хретгиров. Сокрушить этих сумасшедших когиторов будет для нас большим удовольствием.

Человеческие существа всегда борются за уважение своего достоинства. Это свойственно межличностному общению на всех уровнях, начиная с уличных группировок до фракций парламента. Религиозные войны начинаются по тем же причинам, которые просты в теории, но весьма сложны на практике.

Серена Батлер. Ответы из последнего интервью



Будучи Верховным главнокомандующим Армии джихада, Вориан Атрейдес мог бы иметь шикарные апартаменты для себя и Лероники. Лига была бы счастлива дать им самое лучшее жилье или имение в награду за многолетнюю безупречную службу Вориана.

Много лет назад Вориан предложил Леронике поселиться в роскошном доме, но она предпочитала что-нибудь более скромное и простое, удобное, но не экстравагантное. Вориан нашел в интернациональном районе Зимии квартиру. То была часть города, где бок о бок жили представители самых разнообразных культур, что очень нравилось Леронике.

Когда Вориан привез семью на Салузу, он пообещал Леронике показать все чудеса планеты. Он был бы рад выполнить обещанное, но хотел дать ей больше, чем она готова была принять. Она так и осталась добросердечной, любящей Вориана женщиной. Верная в своих чувствах, она всегда ждала его и очень радовалась тем моментам, когда им удавалось побыть вместе.

Сейчас Вориан, улыбаясь, шел по улице к дому, нагруженный провизией и безделушками, привезенными только что с Каладана. До его слуха доносился пестрый говор, он различал разные языки и диалекты, зная их по посещениям многих планет, – гортанный говор Кираны III, музыкальные каденции беженцев с Чусука и даже языки рабов, бежавших с планет Синхронизированных Миров.

Радуюсь скорому свиданию, Вориан поднялся по ступенькам крыльца чистого и крепкого деревянного дома и, взойдя по лестнице на пятый этаж, вошел в дверь. В четырехкомнатной, непритязательно и просто обставленной квартире царили чистота и порядок. Не было никаких украшений, за исключением нескольких редких вещиц и голографических картин, на которых были запечатлены некоторые победы Вориана.

Пройдя на кухню в задней части квартиры, он увидел Леронику, державшую две хозяйственные сумки, казавшиеся непомерно тяжелыми в ее тонких руках. Недавно Леронике исполнилось девяносто три года, и она выглядела на свой возраст, так как никогда не отличалась тщеславием и абсурдными попытками выглядеть моложе любой ценой. Но даже в таком преклонном возрасте она по-прежнему выполняла свои домашние обязанности и вела активную общественную жизнь, когда Вориан уезжал из дома по своим военным делам.

Для того чтобы не быть праздною, Лероника занималась рукоделием для соседей, но никогда не брала за это плату, так как не нуждалась в деньгах. На Салузе высоко ценили изделия ручной работы, так как массовые фабричные товары напоминали пострадавшим людям о машинной точности. Особым спросом пользовались рыбацкие стеганные одеяла, которые Лероника украшала сценами из жизни экзотического для этой планеты Каладана.

Смеясь, Вориан вошел на кухню, обнял Леронику, отобрал у нее тяжелые сумки и поставил их на стол. Он пристально посмотрел в ее карие с ореховым оттенком глаза, выглядевшие на удивление молодо на этом морщинистом личике. Вориан страстно поцеловал ее, видя в ней не старуху, а ту молодую и прелестную девушку, в которую он влюбился много десятилетий назад.

Они обнялись, и Лероника погладила его по крашенным в седину густым волосам.

– Я раскрыла твою тайну, Вориан. Твоя старость происходит из флакона. – Она рассмеялась. – Немного найдется мужчин, которые бы красились, чтобы *выглядеть старше*. Мне кажется, что твои волосы сейчас такие же темные и густые, какими они были, когда мы с тобой познакомились, ведь правда?

Смутившись, Вориан не стал ничего отрицать. Хотя он не мог выглядеть на свои реальные сто пятнадцать лет, Вориан красил волосы, чтобы хоть как-то сократить очевидный возрастной разрыв между собой и Лероникой. Борода также прибавляла солидности, но беда заключалась в том, что на лице не было ни единой морщины.

– Хотя я ценю этот жест, в нем все же нет никакой необходимости. Я все равно люблю тебя, несмотря на твою юношескую внешность.

Она озорно улыбнулась и принялась готовить пиршество, которое собиралась учинить по случаю приезда Вориана.

Вориан потянул носом чудесные ароматы.

– Ага, это будет получше опостылевшего армейского рациона! Есть, оказывается, причины каждый раз возвращаться домой.

– Придут Эстес и Кагин. Ты же знаешь, что они приехали две недели назад?

– Да, я как раз не успел застать их на Каладане. – Ради Лероники Вориан радостно улыбнулся. – Буду рад их видеть.

Когда семья собиралась за столом в последний раз, Вориан поссорился с Эстесом по поводу какого-то саркастического замечания. Вориан уже не помнил причины, но такие эпизоды всегда печалили его, оставляя неприятный осадок. Но если повезет, то, может быть, сегодняшний вечер пройдет удачнее. Он, конечно, будет стараться, но пропасть между ним и сыновьями все равно останется.

Когда дети были подростками, Кагин случайно узнал, что Вориан был их настоящим отцом, и тотчас поделился своим открытием с братом. Лероника попыталась успокоить мальчиков, смягчить испытанное ими потрясение, но травма так и не прошла полностью. Мальчики предпочитали жить своими приятными воспоминаниями о Калеме Ваззе, который воспитывал их как собственных родных детей до того, как его убили в море элекраны.

Лероника возилась на кухне, и Вориан сам открыл дверь, когда пришли его сыновья. Эстесу и Кагину перевалило уже за середину седьмого десятка, но они замедлили темп старения, регулярно принимая меланж, отчего белки их глаз окрасились в синеватый цвет. У обоих были темные волосы, и статью они пошли в Атрейдесов. Эстес был немного выше и привлекательнее, в то время как Кагин со своей погруженностью в себя играл вторую роль. Моложавый и улыбающийся Вориан мог бы сойти за их внука.

Мужчины сухо пожали друг другу руки – никаких объятий и поцелуев, никаких радостных приветствий, просто отчужденное уважение – все это до того, как пройти на кухню. Только здесь тон сыновей изменился – всю свою нежность и привязанность они отдавали матери.

Очень давно, влюбленный, что называется, по уши, Вориан поселил Леронику и детей в прекрасном доме в Зимии. Ему приходилось часто и надолго уезжать – джихад шел своим чередом и не прекращались битвы, в которых по долгу службы должен был участвовать Вориан, и дети оказались предоставленными сами себе. Вориан долго не мог понять, что для них это означало, что он снова бросал их, оставляя в странном для них мире, где у них не было ни единого друга.

Каждый раз, возвращаясь домой, Вориан ожидал, что дети встретят его как героя, но мальчики вели себя очень отчужденно. Пользуясь своими связями с выдающимися политиками Лиги, Вориан Атрейдес обеспечил сыновей прочными и полезными связями, дал им блестящее образование и предоставил все возможности для головокружительной карьеры. Они принимали все привилегии как должное и не испытывали по отношению к отцу никакой благодарности. Правда, они не отказались принять его имя, а это было уже кое-что, хотя сделали они это лишь по настоянию Лероники.

– Большой краб и береговые улитки, – объявила она с кухни. – Одно из самых любимых блюд вашего отца.

Вориан вдохнул аромат чеснока и трав, и у него от предвкушения потекли слюнки. Он вспомнил, что это было первое блюдо, которым угостила его Лероника на Каладане.

Она внесла в комнату блюдо с четырьмя большими крабами и поставила его на плавающий стол, который был подвешен над возвышением в центре столовой. Прозрачная столешница прикрывала картину настоящего морского дна – миниатюрный подводный мир с камнями

и песком. На камнях виднелись прилепившиеся к ним мелкие улитки. Вориан специально привез этот стол с Каладана, зная, что Лероника будет без ума от радости.

Прежде чем усесться за стол, Вориан открыл бутылку недорогого «Сальнуара», любимого вина Лероники. На других планетах это сухое розовое вино называли по-разному, но по сути это был напиток из того же винограда, прекрасно подходивший к морепродуктам. Леронике была особенно по душе разумная цена вина; она очень гордилась своей экономностью.

Одно время Вориан пытался заставить ее тратить больше денег и жить лучше, но потом оставил эти попытки и сдался. Экономный образ жизни делал Леронику счастливой и позволял жертвовать деньги на действительно полезные дела. Вокруг было так много нуждавшихся, так много беженцев, согнанных с насиженных мест волнами джихада, что Лероника испытывала бы неловкость и чувство вины, живи она в роскоши. Этим она напоминала Вориану саму Серену Батлер.

Поверенный Вориана в его отсутствие оплачивал все счета, а оставшиеся сверх того деньги Лероника могла тратить по своему усмотрению на любую благотворительность. Она жертвовала деньги на детей-сирот и детей из бедных семей и даже давала средства семьям последователей буддизма, хотя их не любили за отказ воевать с мыслящими машинами. Кроме того, она посылала большие суммы сыновьям, пытаясь как-то компенсировать отсутствие возможностей и перспектив в рыбацкой деревушке на берегу Каладанского океана.

В центре стола на подвесной платформе открылись четыре небольших металлических желоба. Лероника получала явное удовольствие, управляя диковинным столом. В каждый желоб, ведущий в тарелку, соскользнул большой краб, а подвесная платформа с большим блюдом поднялась под потолок, чтобы не мешать на обеденном столе. Столовая наполнилась ароматом морской соли и острых приправ.

Эстес и Кагин достали из карманов пакетики с меланжем и, даже не попробовав блюдо, обильно посыпали его специей. Мать не одобряла слишком обильное потребление меланжа, но ничего не сказала, очевидно, чтобы не портить впечатление от обеда.

– Ты надолго задержишься на Салузе в этот раз, отец? – спросил Эстес. – Или тебя снова позовут дела джихада?

– Я буду здесь несколько недель, – ответил Вориан, от которого не ускользнули нотки сарказма, прозвучавшие в невинном вопросе. – Обычные политические и армейские дела.

Он на мгновение задержал взгляд на сыне.

– Мальчики пробудут здесь три месяца, – с довольной улыбкой вмешалась в разговор Лероника. – Они сняли в городе квартиру.

– Космические путешествия очень долгие, а приезд сюда с Каладана – вообще целая проблема, – сказал Кагин. Потом голос его как-то увял. – Кажется, так будет лучше всего.

Почти наверняка Вориан уедет отсюда раньше сыновей. Все они это хорошо понимали.

После короткого и вялого разговора Лероника открыла столешницу из прозрачного плаза. Мужчины длинными щипцами принялись вылавливать улиток, сидевших на камнях; потом их разделявали с помощью специальных маленьких вилок, извлекая из раковин нежное мясо. Вориан вылавливал улиток одну за другой, макал их в приправленное травами масло и с удовольствием ел, временами с таким же наслаждением принимаясь за основное блюдо.

Вориан поймал направленный на него взгляд карих глаз, улыбнулся в ответ, и это успокоило его. Она ела краба с удивительным для такой пожилой женщины аппетитом. После еды, как всегда, кофе, разговоры и игры с Эстесом и Кагином, а потом они уютно устроятся в спальне. Может быть, они будут близки сегодня, если у Лероники будет такое желание. Ее возраст ничего не значил для Вориана, он по-прежнему любил свою ясноглазую рыбацкую и желал ее.

Она совершенно неожиданно, повинаясь импульсу, поцеловала его в щеку. Сыновья с явным неудовольствием наблюдали это проявление любви, но что они могли поделать с чувством, которое Вориан и Лероника продолжали питать друг к другу...

Этим вечером, лежа рядом с Лероникой, Вориан обдумывал свою жизнь. Была уже глубокая ночь, но сон не шел к нему. Его отношения с сыновьями были отнюдь не лучшими, и он сам был виноват в этом не меньше, чем они. Вспоминая те дни, когда он был доверенным человеком мыслящих машин, Вориан подумал, что было бы, окажись Агамемнон хорошим отцом...

Вспомнил он и то время, когда он был молодым храбрым офицером Армии джихада, и женщины вешались ему на шею в каждом космпорте. Как раз в то время Ксавьер женился на Окте, и она предложила и ему осесть и обзавестись подругой жизни. Вориан тогда не мог представить себе такой любви и флиртовал направо и налево, имея по девушке на каждой планете, на которой ему случалось побывать. В особенности хорошо помнил он красивую женщину на Хагале. Ее звали Карида Джулан. Он знал также, что она родила от него дочь, но с тех пор, как он встретил Леронику больше полувека назад, он практически ни разу не вспомнил о той девочке...

Он помогает Абулурду в память о Ксавьере, а своих родных сыновей потерял давно и безнадежно. Надо, конечно, ломать барьеры, разделяющие их, но Эстес и Кагин уже старики, и у каждого из них своя жизнь. Сыновья пошли своим путем. Сомнительно, чтобы у него когда-нибудь сложились с ними близкие отношения. Но у него была любовь Лероники и Абулурд вместо родного сына. И возможно...

Дела джихада заносят меня на самые разные планеты, думал он. Я прослежусь судьбу некоторых моих детей – или внуков. Я каким-нибудь образом познакомлюсь с ними, а они узнают меня.

Серена Батлер смотрит на нас с небес. Мы стараемся оправдать возложенные ею на нас надежды, выполнить миссию, которую она определила для человечества. Но я боюсь, что она плачет, видя ту вялую и медлительную борьбу, которую мы ведем с нашим смертельным врагом.

Райна Батлер. Видения



Смертельный вирус распространился по Пармантье с ужасающей быстротой. Напуганная Райна Батлер смотрела из окна губернаторского дома, видя, что творится в расположенном неподалеку Ниуббе. Она была еще слишком мала, чтобы понять все сложные переплетения событий, которые заставили отца день и ночь работать со специалистами, старавшимися взять под контроль внезапную вспышку болезни.

Никто толком не понимал, что произошло, так же как никто не знал, что надо делать.

Но девочка отчетливо сознавала, что это проклятие, посланное им мыслящими машинами.

Сначала у нескольких людей появились слабые симптомы – небольшая потеря веса и повышение кровяного давления, небольшая желтизна глаз и кожи, высыпание гнойничков и язвочек на коже. Наиболее неприятным симптомом было развитие неуправляемого поведения, неспособность сосредоточиться и явная паранойя, приводившая к невероятной агрессивности. Этот симптом проявился выходом на улицы множества новоявленных фанатиков, которые крушили все без какой-либо цели и смысла.

Прежде чем губернатор Батлер и его помощники сумели сообразить, что вспышка патологической активности и насилия толпы суть симптомы болезни, появились первые жертвы тяжелых симптомов – инфекция вступила во вторую фазу. Люди резко худели, у них начинался

сильнейший понос, мышечная слабость, начинали разрушаться сухожилия. Температура тела поднималась до максимальных отметок, потом отказывала печень и наступала смерть. Через несколько дней болезнь начала проявляться у тысяч других людей, заразившихся от первых жертв во время инкубационного периода.

Беспрецедентная болезнь одновременно поразила все города и населенные пункты Пармантье. Риков и его гражданские советники пришли к выводу, что причина болезни – переносимый воздушно-капельным путем вирус, занесенный на планету странными торпедами, сгоревшими в атмосфере.

– Эту заразу нам прислал Омниус, – объявил Риков. – Демонические машины разработали особо опасный вирус для того, чтобы полностью нас истребить.

Отец Райны не колебался ни минуты. Действия его были скоры и по-военному решительны. От отбросил все прочие проекты и запустил программу исследования возможных причин болезни и разработки методов лечения и профилактики. На эти цели были направлены грандиозные средства и ресурсы, брошены лучшие медики и лучшие госпитали и больницы планеты. Понимая, что об эпидемии надо срочно оповестить других, Риков снарядил на ближайшую планету экспедицию, отобрав для этого солдат, несших службу в отдаленных гарнизонах, где вероятность заражения была ниже, чем в других местах.

Затем, отлично понимая, что этим он, возможно, выносит смертный приговор своей семье и всему населению планеты, Риков заявил о полном и неукоснительном карантине планеты Пармантье. К счастью, с момента отбытия батальона Квентина Батлера на планету не прилетел ни один корабль. В эту отдаленную область Лиги Благородных торговые и грузовые корабли прибывали довольно редко, не чаще одного-двух раз в неделю. Расположенный на самом краю Лиги, в непосредственной близости от Синхронизированных Миров, Пармантье считался опасным местом.

Затем Риков распорядился об изоляции всех, у кого проявились хотя бы легкие признаки подозрения на опаснейшую инфекцию. Пока одни люди запирались в домах, стараясь отсидеться, а другие, тоже пока не заболевшие, бежали в незаселенные места, стараясь уйти от эпидемии. Риков отобрал одиноких мужчин и женщин, не имевших семей, для несения службы на оборонительных орбитальных станциях. В их обязанность входило сбивать всякого, кто попытается вылететь с зараженной планеты.

– Если это в человеческих силах, то мы не должны позволить болезни выйти за пределы нашей планеты, – сказал Риков, выступив со специальным заявлением. – Это наш долг. Мы должны думать теперь не о себе и своем благополучии, но и о спасении человечества как такового, и молить Бога, чтобы Пармантье оказался единственной мишенью машин.

Слушая отца, произносящего речь, Райна гордилась им, его храбростью и решительностью, его командирскими способностями. Так как она сама тоже была членом семейства Батлеров, то по настоянию отца она получала полноценное политическое и историческое образование, для нее были наняты лучшие наставники и учителя. Мать была, со своей стороны, убеждена, что дочка должна получить не худшее религиозное воспитание. Спокойная и уравновешенная девочка достигла таких впечатляющих успехов в обеих областях, что отец как-то воскликнул: «Райна, ты вполне можешь стать вице-королевой Лиги или Великим матриархом джихада». Девочка не была уверена, что ей хочется занимать одну или другую должность, но она восприняла слова отца как наивысшую похвалу.

Райна находилась дома для вящей безопасности и смотрела на то, что происходит в городе, с приличного расстояния; она отчетливо видела дым костров и ощущала явственный запах страха и напряженного ожидания, разлитый в воздухе. За время эпидемии отец поседел, с лица его не сходило выражение тяжелейшей заботы. Каждый день он работал до полного изнеможения вместе с медицинскими специалистами и командованием сил сдерживания.

Мать поддалась панике, запиралась у себя комнате, которая одновременно была их семейным святилищем, и возносила жаркие молитвы, зажигая свечи перед образами Трех Мучеников, моля их о спасении народа Пармантье. Половина прислуги ушла, другие бежали ночью, навсегда покинув Ниуббе, но не было никакого сомнения в том, что некоторые из них понесли с собой страшную заразу и в сельскую местность. Для таких не было безопасного места, как бы далеко они ни убежали.

Параноидальное и агрессивное поведение больных с начальными проявлениями болезни усиливало страх и тревогу тех, кто пока не стал жертвой смертельного вируса. Мартиристы устраивали процессии по охваченному паникой городу, неся хоругви и распевая молитвы Трем Мученикам. Но духи Серены, Гинджо и Маниона оставались глухи к страстным мольбам.

Паника продолжала разрастаться, грозя окончательно захлестнуть страну, и Риков распорядился создать отряды гражданской защиты, которые должны были обеспечивать порядок на улицах. Во всякий час дня и ночи дымили передвижные крематории, в которых сжигали тела умерших от новоявленной чумы. Невзирая на дезинфекцию и строжайшие карантинные мероприятия болезнь продолжала распространяться.

Риков исхудал, глаза его ввалились от усталости и нервного напряжения.

– Заболеваемость остается поразительно высокой, – говорил он Коге. – Почти половина больных умирает, особенно если за ними не ухаживают, но нам катастрофически не хватает санитарок, сиделок, медицинских сестер, врачей и вообще медиков. Ученые не могут найти методов лечения, ни одна предложенная ими вакцина не предотвращает болезнь. Они могут лечить только симптомы. Люди умирают на улицах, так как в госпиталях нет мест или они просто закрыты. Не хватает даже добровольцев, которые бы подносили несчастным воду. Все больничные койки заняты. Доставка медицинского оборудования запаздывает, все разваливается на глазах.

– Все погибают от Бича, – ответила Коге. – Что же остается, как не молиться?

– Я ненавижу этих демонов-машин, – громко сказала Райна.

Заметив, что девочка подслушивает их разговор, мать отослала ее прочь. Но Райна уже услышала достаточно и принялась обдумывать то, что узнала. Миллионы людей умрут от болезни, насланной на них проклятыми машинами. Она не могла представить себе все множество мертвых тел, все покинутые и опустевшие дома и предприятия.

Посты на орбите уже развернули два торговых корабля, приблизившихся к планете. Гражданские пилоты разнесут весть об эпидемии по всем планетам Лиги, все узнают о болезни, поразившей Пармантье, но никто не сможет помочь им извне. Губернатор Батлер наложил такой строгий карантин, что либо эпидемия угаснет сама собой, либо вымрет все население планеты, подумала Райна. Все умрут, если их не спасет Бог или святая Серена.

Смертоносная эпидемия поразила одну из семи сторожевых орбитальных станций. Болезнь возникла у членов экипажа, находящихся в замкнутом помещении, практически одновременно. Заболели все. Некоторые солдаты, поддавшись панике и болезненной злобе, захватили корабль и попытались бежать, но были сбиты огнем с других станций. Оставшиеся на борту жертвы болезни не поддались психозу, но все погибли от вируса. Станция превратилась в братскую космическую могилу. Экипажи других станций, отборные солдаты Рикова, остались на посту, верные своему долгу и присяге.

Выходя во двор расположенного на склоне холма имения, Райна физически ощущала волны страха и безнадежности, приносимые ветром, дувшим от города. Мать запретила ей выходить в город, опасаясь, что девочка может заразиться. Если эпидемия была Дьявольским Бичом, думала девочка, то никакая профилактика не спасет от болезни, но Райна привыкла слушаться родителей...

Однажды во второй половине дня Коге удалилась в семейную молельню и заперлась там на несколько часов. По мере того как эпидемия разрасталась, поражая население Пармантье,

мать все больше и больше времени проводила наедине со святыми и Богом, моля о спасении и требуя ответов на вопросы. С каждым днем Коге выглядела все более и более отчаявшейся.

Наконец Райне стало очень одиноко, и она решила пойти к матери и помолиться вместе с ней. Она бережно хранила в памяти минуты совместных молитв, которые приносили Райне покой и утешение.

Войдя в святилище, Райна увидела, что Коге лежит на полу не в силах подняться от слабости и лихорадки. Все ее тело было покрыто потом, волосы прилипли к голове. Тело матери было огненно-горячим, ее трясло в ознобе, глаза были прикрыты, веки непрерывно вздрагивали.

– Мама! – Райна бросилась к матери и приподняла ей голову. Коге пыталась что-то сказать, но губы не повиновались ей, и Райна не смогла разобрать ни единого слова.

Желая хоть как-то помочь матери, девочка обхватила Коге и попыталась оттащить ее от алтаря. Худенькая и неуклюжая Райна не отличалась большой силой, но бушевавший в ее крови адреналин придал ей сил и решимости. Она сумела оттащить Коге в спальню.

– Я позвоню папе! Он знает, что надо делать.

Коге стонала, пытаясь хоть как-то передвигаться на ставших ватными ногах. Райна помогла ей взобраться на низкую кровать. Единственное, на что у Коге хватило сил, это кое-как лечь на простыни, с трудом управляя ставшим похожим на мешок телом. Райна не могла поверить в то, что и ее мама заразилась страшной болезнью, что ее тоже поразили Дьявольский Бич. Разве может болезнь прийти к человеку во время молитвы перед святым алтарем? Как могли Бог и святая Серена допустить до этого?

Выслушав сбивчивый рассказ дочери, находившийся в тот момент в городской резиденции губернатора Риков немедленно оставил все дела, отменил совещание и бросился домой. Посылая проклятия небу, он вбежал в свой дом. Он уже видел столько смертей и несчастий, что каждый раз возвращался домой, чувствуя себя изможденным и обессиленным. Вернувшись на этот раз, он посмотрел на Райну своими подернутыми нездоровой желтизной глазами так, словно это она, его родная дочь, была причиной болезни.

Он прикоснулся к Коге, приподнял ее, заговорил с ней, но жена не отвечала. Она горела в лихорадке как в огне, провалившись в глубокое беспамятство. Горячий пот заливал ей лицо и шею. В своем оглушении она извивалась на кровати, которая вся была покрыта рвотными массами, издававшими отвратительный кислый запах.

Девочка встала на пороге, не зная, чем можно помочь. Она смотрела на родителей и видела, что они так же уязвимы перед лицом болезни, как и все остальные. Губернатор своими глазами видел жертв болезни и понимал, что с такими тяжелыми симптомами, как у Коге, практически нет шансов выжить. Он не мог вызвать врачей, не мог ничем ей помочь. Он вообще ничего не мог сейчас сделать. Райна видела, как на лице отца отразилось страшное осознание его полной беспомощности. Хуже того, он был так поглощен видом больной жены и его так сильно занимали беды, обрушившиеся на Пармантье, что он не замечал пока признаков страшной чумы у себя самого...

Райна ощутила голод и пошла в кладовую сама, так как все слуги куда-то исчезли. Прошло несколько часов, и она почувствовала, что слабеет и что у нее подкашиваются ноги. Она решила пойти в спальню и спросить папу, что делать.

От ходьбы на лбу девочки выступила испарина, Райна едва передвигала ноги и с трудом сохраняла равновесие. Ее шатало из стороны в сторону. Дотронувшись до лба и щек, она вдруг сообразила, что ее лицо никогда еще не было таким горячим. В голове начала пульсировать сильная боль, а предметы стали расплываться, как будто кто-то плеснул ей в глаза отравленной водой. Она забыла, куда и зачем шла, и ей потребовалось довольно много времени, чтобы вспомнить...

Когда она наконец добралась до порога спальни и, ухватившись за косяк, изо всех сил старалась удержаться на ногах, ее взору предстало ужасное зрелище. Мама неподвижно лежала на кровати, свернувшись калачиком на пропитанных потом простынях. Папа спал в какой-то неестественной позе, постоянно ворочаясь и издавая невнятные стоны, прижавшись к телу Коге. Он шевелился и корчился, но не отвечал на слова дочери.

Прежде чем Райна успела сообразить, что делать дальше, ее сложило пополам и несколько раз обильно вырвало. Когда приступ рвоты затих, девочка упала на колени и не смогла встать. Надо отдохнуть, надо отдохнуть и набраться сил. Она вспомнила, что когда заболела раньше, то мама всегда укладывала ее в постель и говорила, что надо лежать и тихо молиться. Райна решила взять книгу с Писаниями, чтобы перечитать любимые места, но не могла сосредоточиться, и к тому же глаза совсем отказались ей служить. Все расплывалось и теряло четкость. Все окружающее постепенно теряло смысл.

Прошло много времени, прежде чем Райна, часто теряя направление, доковыляла до своей комнаты. У изголовья кровати она нашла чашку с тепловатой водой и выпила ее. Потом, плохо соображая, что делает, Райна забралась в уютное темное чрево чулана – там было так тихо и покойно.

Слабым голосом, преодолевая боль в высохшем и потрескавшемся горле, она начала звать родителей, потом слуг. Но никто не отозвался. Девочку подхватил поток бреда, и она отдалась этому течению, уповая на то, что кто-нибудь спасет ее от падения в водопад, ожидавший впереди.

Она закрыла глаза и калачиком свернулась на полу темного теплого чулана, уплывая в объятия лихорадки и спутанных видений. Правда, она наизусть знала много стихов из Писаний. Они с мамой так часто вместе читали их во время совместных молитв. Мысли и образы проплывали перед внутренним взором Райны, она шептала молитвы, и святые слова успокаивали ее сердце, приносили мир в душу. Огонь лихорадки между тем становился все жарче и жарче, обжигая прикрытые веки.

Наконец, когда душа девочки полностью оторвалась от окружавшего мира, от дома, от темного и тесного чулана, от самой действительности, Райна явственно увидела прекрасную, одетую в белые одежды женщину – святую Серену. Улыбающаяся женщина в ореоле божественного сияния что-то произнесла, пошевелив губами. Она сказала что-то важное, но девочка не смогла разобрать слов. Она хотела попросить женщину сказать эти слова еще раз, яснее, подойти поближе, но когда Райне показалось, что она что-то слышит, образ женщины начал таять и в конце концов совершенно исчез.

Райна стремительно погрузилась в черную пропасть глубокого сна...

Для науки характерно определенное высокомерие, убеждение в том, что чем больше мы развиваем технику и осваиваем ее, тем лучше мы живем.

Тимо Хольцман. Речь по случаю получения высшей награды Поритрина



Каждый раз когда ей удавалось решить часть проблем, связанных с навигацией свертывающих пространство кораблей, окончательный ответ ускользал еще дальше, словно таинственный и манящий огонь, привлекавший путников в темный заколдованный лес из старинных легенд. Норма Ценва уже превзошла все мыслимые способности когда-либо живших в мире гениев в своих попытках постижения совершенного, но была полна решимости не сдаваться и довести начатое до конца.

Погруженная в работу, Норма временами забывала есть, спать и даже двигаться. Иногда она сутками только писала и водила взглядом по строчкам. В течение многих дней она неутомимо и упрямо подгоняла себя, не потребляя никакой еды, кроме меланжа. Казалось, ее измененное тело поглощало энергию из каких-то неведомых источников, а меланж требовался только для того, чтобы мыслить по меркам того заоблачного стратосферного уровня, в котором постоянно обитал ее дух.

Очень-очень давно, в самые человечные годы ее жизни, вспоминалось Норме, они с Аврелием проводили часы в беседах, трапезах и испытывали при этом простую радость жизни и бытия. Вопреки всему тому, что произошло с ней впоследствии, Аврелий всегда был якорем, который прочно связывал Норму с ее изначальной человеческой сутью. За те годы, что она прожила без него, мышление ее стало отчужденным, а одержимость делом – попросту безграничной.

Усовершенствованный организм пытался сам настроиться так, чтобы соответствовать повышенным требованиям строгого расписания. Системы внутренней регуляции замедляли некоторые процессы, чтобы накапливать энергию, которую можно было направить потом туда, где она требовалась в избытке для компенсации потерь на интенсивную умственную работу. Ей не было нужды самой регулировать свои клеточные процессы и настраивать взаимодействие клеток. У нее были более важные дела.

Совершенно не интересуясь ни погодой, ни даже временами года, Норма редко выглядывала из окна своего рабочего кабинета. Иногда она смотрела на верфь просто для того, чтобы убедиться в продолжении работы, которая шла под надзором Адриена после того, как он вернулся с Арракиса.

Вычислительный центр Нормы находился в тени огромного грузового корабля, достраивавшегося в доке. Согласно расписанию это судно скоро должно было пройти первые ходовые испытания – его запустят в пробный полет. Неяркое солнце отражалось от почти готовой обшивки.

Рабочие и инженеры в белых спецовках осматривали корпус, перемещаясь над его поверхностью на плавучих гравипоясах. Трое техников, вися вниз головой, работали, осматривая брюхо почти готового корабля. Судно будет способно летать на обычных двигателях, но при желании его можно было использовать и как свертывающий пространство корабль, так как на нем были установлены и двигатели Хольцмана. Уже много десятилетий Норма настаивала на том, чтобы все корабли корпорации «ВенКи» были готовы к неизбежному будущему, к моменту, когда ей все же удастся решить проблему безопасной навигации.

Сейчас ей в голову внезапно пришел еще один способ преобразования неподатливого уравнения, и Норма вернулась к рабочему столу. Она решила использовать комбинацию первичных чисел и эмпирических формул, которые выстраивались теперь рядами на страницах электронного блокнота. Так как основная проблема заключалась в свертывании пространства, и поскольку математика есть не что иное, как численное представление реальности, Норма действительно свертывала колонки чисел в многослойные спирали, и на этот раз многоуровневая конструкция показалась ей интригующе интересной. Но Норма никак не могла выразить простыми словами и числами то, что пыталась отыскать. Ей надо было визуализировать вселенную и решить головоломку, разложив мысли в том же свернутом порядке.

Новая порция меланжа неторопливой волной залила ее сознание, обострив мысли и внутреннее зрение. Она словно замороженная смотрела на ряды и колонки цифр, неподвижная, как древние статуи, воздвигнутые на Земле титанами и простоявшие до тех пор, пока люди не повергли их в прах во время восстания.

Она едва ли слышала доносившиеся снаружи звуки – рев испытываемых двигателей и тонкий писк аппаратуры, проходящей последние тесты перед пробным запуском. Постепенно, по мере усиления шума, Норма все дальше и дальше пряталась в скорлупу своего «я», сосре-

доточившись не на внешнем мире, а на собственной ментальной галактике, на мироздании, созданном ее мышлением и воображением. Пользуясь своими сверхъестественными способностями, она избегала всяких отвлечений.

Для того чтобы еще больше усилить эту способность, она не глядя протянула руку к открытому подносу и взяла еще три капсулы меланжа, которые торопливо проглотила. Дыхание ее было напоено коричневым запахом, а внутри себя Норма ощутила ветер успокоения, словно ее тело было пустыней, откуда явилась специя, пустыней, в которой начинается очищающая песчаная буря. Мысли стали ярче, отчетливее; посторонние звуки, отвлекавшие ее, постепенно совершенно исчезли.

Как увидеть навигационную опасность прежде, чем она возникнет? Как предусмотреть катастрофу, от которой отделяет ничтожно малая доля секунды? При такой скорости пилот должен подготовиться и среагировать *до того*, как будет ясно, что надвигается катастрофа. Но это было невозможно, так как противоречило всем законам причинно-следственных связей. Никакая реакция не может возникнуть раньше, чем порождающее ее действие или стимул.

По верфи прокатился грохот сильного взрыва, послышался звон разбитого плаза и скрежет ломающегося металла. Громадный корпус корабля рухнул на площадку, разрушив здание склада, обломки которого разлетелись по вымощенной плитами площади. Было похоже на то, что Колхар атаковали кимеки. Взрывная волна сотрясла лабораторию нормы, прогнув стены внутрь. Чудовищное давление вынесло плазовые стекла с противоположной стороны вычислительного центра.

Норма не слышала ничего этого. Бумаги, чашка, письменные и чертежные принадлежности попадали на пол – все, кроме электронного блокнота, который Норма крепко держала в своей оцепеневшей руке перед намертво зафиксированным взглядом. Для нее во всей Вселенной не существовало ничего, кроме этих чисел и формул.

Были сирены и ревели клаксоны, где-то прогремел еще один взрыв. Отовсюду слышались крики. Спасательные команды вытаскивали с места происшествия пострадавших, уцелевшие рабочие бежали сами. Здание лаборатории словно живым узорчатым покрывалом окуталось языками пламени. Огонь закрыл окна и принялся жадно облизывать и пожирать стены – но Норма даже не смотрела в том направлении. Тело ее оставалось неподвижным, но разум находился в непрестанном поиске, рассматривая все ту же проклятую проблему с разных углов зрения, выискивая самые неожиданные возможности. Скорость мышления увеличивалась, набирая мощь и импульс. Разгадка становилась все ближе и ближе...

Как много альтернатив! Какая же из них будет работать?

Едкий дым начал проникать сквозь щели в стенах и в трещины разбитого плаза, клубы его стелились по полу. Пламя гудело, излучая нестерпимый жар. Крики на улице стали громче.

Как близко решение. Неужели это ответ?

Норма торопливо сделала несколько записей в блокноте, она добавила третью колонку чисел, включавшую фактор пространства-времени в отношении к расстоянию и пути. Для пробы она по непонятному капризу выбрала галактические координаты Арракиса, словно эта пустынная планета была центром вселенной. В связи с этим у Нормы возникло еще одно прозрение. Охваченная волнением, она выстроила три колонки, и в это время ее посетила совершенно неожиданная мысль.

Три – это священное число, троица. Неужели это ключ?

Она вспомнила также золотое сечение, известное еще в двенадцатиричной системе счисления Древней Земли. Мысленно она нанесла три точки на прямую, обозначив концы отрезка буквами А и В, расположив С так, чтобы множество точек в промежутке АС / СВ было пустым. Это множество, обозначаемое в двенадцатиричной системе числом «фи» в десятичном приближении равно приблизительно 1,618. Известно, что отрезок прямой, разделенный в отношении

пустого множества, может быть свернут повторно бесконечное множество раз, постоянно воспроизводя все то же соотношение. Это простое и очевидное отношение. Оно основа. Элемент.

Эта математическая истина предполагала какую-то религиозную импликацию и заставила задуматься о ее собственных откровениях. Что это было – божественное вдохновение? Наука и религия объединились в поисках объяснения эзотерической тайны мироздания, хотя и шли к решению с диаметрально противоположных направлений.

Арракис. Говорили, что древние мудры явились оттуда или поселились там на время в своих скитаниях. Их священным символом была спираль.

Не в силах удержаться, Норма, не обращая ни малейшего внимания на пожар, который уже давно охватил верфь и ее собственную лабораторию, выстроила три колонки чисел в спираль, в центре которой поместила координаты Арракиса, и снова стала свертывать колонки. В результате возникали все более сложные уравнения, и Норма почувствовала, что находится на пороге великого открытия.

Руки покрылись волдырями от ожогов, но она продолжала крепко сжимать обожженными пальцами раскалившийся электронный блокнот. Одной только мыслью Норма устраняла ожоги и повреждение электроники. Вокруг бушевало пламя, которое сожгло ее волосы и одежду и начало обжигать кожу. Каждое мгновение энергия организма тратилась на то, чтобы мгновенно восстанавливать уничтоженные огнем клетки. Все должно было оставаться стабильным, чтобы она смогла продолжать работу на грани...

Громкий и резкий звук вторгся в безмолвный мир ее вычислений. Норма ощутила какое-то резкое движение. Человек с низким и сильным голосом что-то кричал ей, схватил ее за плечи, выбил из рук блокнот и не церемонясь потащил к выходу из божественного чертога, воздвигнутого ее сознанием.

– Что вы делаете? Оставьте меня в покое!

Но человек не желал ничего слушать. На нем был надет какой-то странный костюм из плотной и толстой красной материи. На голове – блестящий, но выпачканный сажей шлем. Он протащил Норму сквозь стену трещащего пламени и клубы жирного багрово-черного дыма. В этот момент Норма ощутила боль, дискомфорт и поняла, что она абсолютно голая. Вся ее одежда сгорела, словно в своем мысленном путешествии она пролетела сквозь пылающее сердце какой-то звезды.

Сконцентрировав усилия, она сосредоточилась на биохимических процессах в организме и начала восстанавливать поврежденные клетки органов одного за другим, отдел за отделом, участок за участком, залечивая ожоги и травмы. Разум ее остался целым и невредимым, а тело можно было легко отремонтировать и восстановить, ибо оно не представляло собой ничего иного, как органический сосуд, содержащий тайные и великие мысли. Правда, она не могла воссоздать одежду, но это не имело для нее никакого значения.

Вынеся Норму из огня, санитары положили ее на носилки, завернули в лечебное одеяло и принялись за предварительное обследование.

– Со мной ничего не случилось. – Норма старалась вырваться, но сильные мужчины без труда уложили ее обратно на носилки.

Подбежал Адриен, который, казалось, потерял рассудок от горя.

– Успокойся, мама. Ты сильно обожглась, а эти люди оказывают тебе помощь. Два человека погибли, пытаясь спасти тебя из огня.

– Это было совершенно излишне. Какая напрасная потеря! Зачем они рисковали собой, если я могу легко восстановить любые повреждения моего тела? – Она посмотрела на себя. – Я не обожжена, я просто расстроена.

Она почувствовала, как ее тело стало охлаждаться, когда кожа начала заживлять ожоги поверхности, усилив каталитическое действие лечебного одеяла.

– Взгляните и убедитесь сами.

Врач что-то крикнул санитарам. Норма ощутила укол от инъекции. Она мгновенно произвела химический анализ введенного раствора и поняла, что ей ввели быстродействующее снотворное. Воспользовавшись своими способностями для устранения нежелательного эффекта, Норма легко предотвратила наступление действия лекарства. Она села, отвернула вниз лечебное одеяло. Санитар бросился к больной, чтобы остановить ее, но она протянула руки.

– У меня на коже больше нет ни единого ожога.

Ошеломленный медик отпрянул и дал Норме закончить самоисцеление. Теперь она сосредоточилась на лице и шее, которые пока не получили в полной мере ментального лечения. Норма ликвидировала глубокие ожоги и стерла с кожи волдыри. Затем она перешла к обожженному лицу и, подействовав на него, коснулась пальцами ставшей безупречно гладкой и прохладной кожи.

– Мое тело находится под моим полным контролем. Я давно переделала его, ты же это знаешь, Адриен.

Норма встала на ноги, и ненужное лечебное одеяло соскользнуло на землю. Все устали на эту необыкновенную женщину, не веря своим глазам. Если не считать волос, до которых пока не дошла очередь, вся молочно-белая кожа Нормы была безупречно чиста, если не считать большого красноватого пятна на плече. Увидев его, Норма сосредоточилась, и пятно исчезло.

Любопытно, подумала она. В течение последних нескольких недель пятно, постепенно увеличиваясь в размерах, появлялось вновь и вновь, требуя постоянного внимания. Раньше всякий изъян внешности устранялся сам собой, без ее сознательного вмешательства – так было с момента ее целенаправленного метаморфоза.

Адриен поспешно прикрыл наготу матери одеялом. Пожарные команды между тем продолжали бороться с огнем, а спасатели извлекать из-под завалов жертвы.

– Мне надо немедленно вернуться к работе, – сказала Норма. – Пожалуйста, проследите, чтобы теперь мне никто больше не мешал. И вот что еще: Адриен, в следующий раз относитесь к моим словам с большим доверием. Некоторые мои действия представляются странными, но это необходимая и неотъемлемая часть моей работы. Я не могу объяснить это более подробно.

Здесь слишком много суеты, подумала она. Так как от ее лаборатории и кабинета ничего не осталось, Норма направилась в поисках уединения к близлежащему скалистому холму, на котором она могла размышлять спокойно.

*Люди оказались настолько глупы, что создали себе конкурентов –
но с этим они ничего не смогли поделать.
Эразм. Философские заметки*



Хотя корабль «Мечтательный путник» был сконструирован как курьерское судно для доставки обновлений Омниуса, он был судном на все времена, оставаясь таким же красивым и надежным в эксплуатации, как и в то время, когда Вориан Атрейдес еще служил всемирному разуму. Сначала Вориан летал на «Мечтательном путнике» вместе с Севратом. Потом на этом же корабле он бежал с Земли, спасая на его борту Серену Батлер и Иблиса Гинджо. И каждый раз, когда Вориану приходилось летать на военных кораблях, он испытывал удивительное чувство успокоения, ступая на борт «Мечтательного путника».

Вот и теперь он летел на старом испытанном корабле, поражаясь простоте и надежности управления. Сражаясь за дело джихада вот уже почти целое столетие, он получил некоторую свободу в добровольном выборе миссий, в которых ему надо было принимать непосредственное участие. В этом была его привилегия по сравнению с другими офицерами. Когда он сказал

Леронике, что ему надо снова покинуть Салузу Секундус, она только стоически улыбнулась в ответ, так как давно привыкла к его отъездам. Отчасти такой поспешный отъезд объяснялся тем, что Вориан с удовольствием убежал от докучливой необходимости встречаться с сыновьями, которые предполагали надолго задержаться в Зимии. Но главным образом он сделал это в надежде как можно скорее отыскать других своих наследников. В конечном счете это было стоящее мероприятие.

Приняв решение, Вориан начал уточнять детали и подробности своих путешествий и командировок на многочисленные планеты за время службы в Армии джихада. Но записи часто оказывались неточными или искаженными, в особенности это касалось планет, которые в то время были заняты мыслящими машинами. Находилось какое-то количество женщин, желавших принять участие в укреплении сильно потрепанного рода человеческого и родить здоровых детей. Но если они тогда не поставили его в известность об этом, то будет очень трудно выяснить это сейчас, по прошествии многих лет.

Был, однако, исходный пункт. Вориан знал, что на Хагале жила Карида Джулан, которая родила от него дочь. Очень давно, когда она сказала ему об этом, Вориан оказал существенную материальную поддержку своему ребенку и его матери. Но после того как он познакомился с Лероникой, все прежние связи были им утрачены.

Слишком часто Вориан легкомысленно расставался со своими случайными возлюбленными, отказываясь от всяких обязательств. Частью его образа жизни становилось принятие в этом отношении скорых решений, не задумываясь при этом о последствиях. Если бы ему теперь удалось найти дочь, рожденную Каридой – он узнал фамилию ребенка – Хельмина Берто-Анирул, – то, вероятно, он сможет искупить свою старую вину.

Просматривая архивные документы, Вориан очень расстроился, узнав, что Хельмина семь лет назад погибла в автодорожной катастрофе. Однако была жива ее дочь, которую она родила уже в зрелом возрасте. Внучку звали Ракелла. Согласно заслуживавшим доверия данным, Ракелла жила на планете Пармантье, недавно отвоеванной у Синхронизированных Миров. Планетой управлял сейчас губернатор Риков Батлер.

Вориан решил немедленно, пока еще не поздно, встретиться с ней. Совет джихада и Квентин Батлер были весьма рады такому решению, так как смогли передать с ним важные документы для Рикова Батлера и надеялись получить сообщения от него. Все это очень хорошо совпадало с намерениями самого Вориана Атрейдеса.

Вориан придал бывшему курьерскому кораблю максимальное ускорение, какое тот мог выдержать не развалившись. «Мечтательный путник» был безнадежно тихоходен по сравнению с современными военными и торговыми свертывающими пространство кораблями, но зато во время долгого путешествия Вориан мог отрепетировать свою встречу с незнакомой внучкой.

Когда Ракелле было около двадцати лет, она вышла замуж за солдата Армии джихада, и солдат этот погиб, не прошло и года после свадьбы. После этого овдовевшая Ракелла изучала медицину и посвятила себя лечению боевых ранений и смертельных болезней, которые, как и в древности, продолжали поражать людей. Теперь ей было двадцать девять, и много лет она работала бок о бок с известным и уважаемым врачом Мохандасом Сукком. Были ли они любовниками? Возможно. Сам доктор Сукк приходился внучатым племянником великому хирургу доктору Раджиду Сукку, который служил Серене Батлер во время первой волны джихада. Вориан довольно улыбнулся. Его внучка, так же, как и он, обладала незаурядными амбициями!

Когда «Мечтательный путник» наконец приблизился к орбите Пармантье, по каналу связи поступило открытым текстом очень странное сообщение:

– Говорит губернатор Риков Батлер. По моему приказу на Пармантье установлен строгий карантин. Половина населения нашей планеты стало жертвой новой инфекционной болезни, вероятно, разработанной мыслящими машинами. Смертность от болезни очень высока и

колеблется от сорока до пятидесяти процентов, не говоря уже о всех бедах и хаосе, вызванном эпидемией. Общий ущерб не поддается точному определению. Уходите, пока вы не заразились. Предупредите правительства и население других планет Лиги Благородных.

Встревоженный Вориан включил передатчик.

– Говорит Верховный главнокомандующий силами джихада Вориан Атрейдес. Поясните подробности вашего положения.

Волнуясь, Вориан стал ждать ответа.

Однако вместо ответа снова прозвучал голос Рикова, повторивший прежние слова. Это была запись. Вориан снова передал свою просьбу, все-таки желая получить ответ. Но никто не отзывался.

– Есть здесь кто-нибудь?

Есть кто-нибудь живой?

Локаторы Вориана тотчас обнаружили на орбите стационарные станции, блокировавшие вылет кораблей с планеты. Эти станции, оцетинившиеся оружием, пока молчали. Ближайшая была похожа на жирного жука, огромный круглый корпус с ярко освещенными иллюминаторами, окружавшими экватор сферы. На общепринятом галактическом языке регулярно по всем линиям связи транслировались предупреждения и угрозы применить силу при попытке нарушить пояс оцепления.

Вориан принялся вызывать на связь ближайшую станцию, но ответа на свои обращения по-прежнему не получал. Однако в случаях, когда Вориан решал добиться поставленной цели, он обычно проявлял бульдожье упорство. Теперь, когда он знал, что планету поразил жестокий кризис, ему надо было непременно встретиться с Риковом Батлером. А поскольку он, кроме того, знал, что здесь Ракелла, то он никак не мог развернуть корабль и улететь, не повидав ее.

Внезапно на непрерывные сигналы Вориана откликнулась другая станция. На экране появилось изображение худой изможденной женщины.

– Уходите! Вам запрещена посадка на Пармантье – у нас строгий карантин в связи в бедствием, посланным Омниусом. Это Бич Дьявола.

– Омниус уже давно стал Бичом, отравляющим человеческое существование, – ответил Вориан. – Расскажите мне, что это за новая чума.

– Она свирепствует у нас уже несколько недель, и нас послали на станции, чтобы обеспечить карантин. Половина из нас больна. Скоро все станции опустеют.

– Я все-таки попытаю счастья, – решительно произнес Вориан. Он всегда отличался склонностью к импульсивности – к неудовольствию его друга Ксавьера Харконнена. Продлевающая жизнь процедура, которой сто лет назад подверг его Агамемнон, служила превосходной защитой от инфекционных заболеваний. Самое тяжелое заболевание, которым он страдал за все эти годы, была какая-то легкая простуда. – Карантин – это когда не разрешают улетать, а не прилетать.

Истощенная женщина выругалась, обозвала Вориана дураком и отключилась.

Сначала он пристыковался к молчащей станции. Пусть они посылают какие угодно предупреждения, но он, Вориан Атрейдес, никогда особенно не прислушивался к приказам. «Мечтательный путник» пристал к станции и после необходимого изменения конфигурации люков смонтировал переходный шлюз. Вориан еще раз назвал себя, напрасно дождался ответа, а потом открыл замки, чтобы лично узнать, что за чума поразила Пармантье.

Когда он прошел первую камеру и вдохнул то, что должно было быть стерилизованным и отфильтрованным воздухом, то сразу понял, что дела на станции идут из рук вон плохо. Он отличался поистине экстрасенсорной способностью улавливать несчастья. Вориан активировал персональное защитное поле и убедился, что может легко выхватить в случае необходимости висевший на поясе кинжал. Он сразу учуял слишком хорошо знакомый запах смерти, который невозможно спутать ни с каким другим.

В громкоговорителе прогремело очередное предупреждение:

– Приказ по коду один! Будьте бдительны! Немедленно проследуйте в безопасное помещение.

Приказ повторился еще раз, гулким эхом отдаваясь от потолка пустого помещения. Интересно, сколько еще людей проигнорировали это грозное предупреждение или двигались недостаточно быстро? Было такое впечатление, что мужчины и женщины, составлявшие экипаж станции, бежали, пытаясь перехитрить эпидемию. Он сомневался, что они смогли найти большой мощный космический корабль, который мог бы доставить их на какую-нибудь из планет Лиги. К счастью для нее.

Ботинки Вориана громко стучали по твердому пластиковому покрытию. За стеной он обнаружил два трупа, лежавшие на полу, – мужчину и женщину в коричнево-черной форме внутренней гвардии Пармантье. Тела были покрыты засохшей коркой телесных жидкостей и пены; высохшие кровь и выделения покрывали пол. Не трогая тел, Вориан понял, что они умерли несколько дней, а может быть, и неделю назад.

В каюте, расположенной за первым помещением, на стенах были развешаны мониторы. На всех экранах было видно одно и то же – пустые коридоры и каюты, в каждой из которых на полу были распростерты мертвые тела. На других станциях еще оставались живые члены экипажей, здесь же умерли все. Вориан уже догадался, что наземные службы связи были либо отключены, либо их было некому обслуживать. Та сцена, которую он наблюдал здесь, подтверждала его догадку. Делать тут было нечего, и Вориан вернулся на борт «Мечтательного путника».

Оставалось надеяться, что его внучка нашла безопасное место. Да и вообще на фоне гибели миллионов людей какое право он имел переживать за судьбу женщины, которую ни разу в жизни не видел и с которой даже заочно не был знаком? Если она была врачом, тем более сотрудницей доктора Мохандаса Сукка, то ее место было там, внизу. Он мысленно улыбнулся. Если в ее жилах действительно течет кровь Атрейдесов, то она наверняка находится в самой гуще событий.

Приземлившись в городе Ниуббе, построенном на фундаментах старого промышленного комплекса Омниуса, Вориан воспрянул духом, увидев, что многие люди живы, хотя большая их часть походила скорее на живых мертвецов, которые могли каждый миг просто рухнуть наземь под собственной тяжестью. Многие что-то бормотали и вели себя агрессивно. У других, по всей видимости, были повреждены сухожилия, так как они практически не могли ни стоять, ни ходить. Трупы были сложены на улицах штабелями, как дрова. Худые и изможденные спасатели собирали умерших, складывали их в грузовики и увозили, но сами эти люди были, очевидно, подавлены исполинскими масштабами страшной эпидемии.

Первым делом Вориан отправился к резиденции губернатора. Большой дом был пуст, но не разграблен. Он несколько раз громко позвал, надеясь, что кто-нибудь откликнется, но ответа не было. Он поднялся в личные апартаменты хозяев и нашел там два мертвых тела – мужчину и женщину, – без сомнения это были Риков и Коге Батлер. Некоторое время он безмолвно созерцал трупы, потом быстро пробежал по дому, но больше никого не нашел. В доме не оказалось ни дочери губернатора Райны, ни слуг. В здании было слышно лишь назойливое жужжание бесчисленных мух.

В трущобах неподалеку от центра города он обнаружил дом из розового кирпича, увитый плющом. Вывеска извещала, что здесь находится госпиталь для неизлечимых больных. Было ясно, что здесь, на Пармантье, Ракелла и Мохандас организовали лечебницу и исследовательский центр. Вориан читал об этом в краткой справке.

Если Ракелла еще жива, то она точно должна быть здесь.

Надев маску, скорее для того, чтобы избавиться от вони, а не защититься от инфекции, Вориан вошел в просторное приемное отделение госпиталя. Хотя здание было сравнительно

новым, его усиленно эксплуатировали и плохо содержали в последние недели, когда он подвергся буквально нашествию безнадежно больных людей.

Пройдя мимо никем не занятого стола секретаря, он начал обходить один этаж за другим. Палаты госпиталя были забиты несчастными, как когда-то – рабские загоны Эразма на Земле. Больные с пораженными сухожилиями лежали на койках словно неподвижные беспомощные куклы. Даже те, кто выжил после страшной инфекции, были не способны ухаживать ни за собой, ни за лежавшими рядом больными и умирающими.

Все сотрудники госпиталя носили респираторы, глаза врачей и сестер были прикрыты прозрачной пленкой, предохранявшей от проникновения вируса сквозь влажную оболочку роговицы. Некоторые врачи, несмотря на все меры предосторожности, выглядели больными. Вориан очень хотел знать, сколько времени продолжается инкубационный период этой болезни и сколько времени врачи смогут выполнять свой долг, до того как сами станут терминальными больными.

Он спрашивал всех до предела уставших врачей и медицинских сестер, не знают ли они, где найти Ракеллу Берто-Анирул. Ему сказали, что она на шестом этаже. Вориан вошел в зловонную битком набитую палату и стал издали смотреть на женщину. Вглядываясь в нее, он пытался уловить черты сходства с ее бабушкой, хотя за давностью лет не слишком хорошо помнил внешность Карида.

Ракелла была энергична и казалась бодрой и сильной, стремительно переходя от койки к койке. Маска из прозрачного плаза и пленка на глазах позволяли видеть ее лицо. Под глазами виднелись синие тени – видимо, от хронического недосыпания и плохого питания. У Ракеллы был вздернутый нос, золотисто-каштановые волосы заплетены в косу и уложены в пучок, чтобы не мешать в работе. Женщина отличалась стройной фигурой и грациозными, как у танцовщицы, движениями. Хотя выражение лица было усталым и угрюмым, в нем не было заметно безнадежности.

Ракелла и еще один врач – высокий худощавый мужчина – без усталости трудились в палате, где стояли не менее ста коек, занимаясь тяжелейшими умирающими больными. Санитары увозили покойников и готовили места для поступающих истощенных жертв, впавших в коматозное состояние от изнуряющей лихорадки.

Ракелла случайно посмотрела в его сторону, и Вориан увидел вдруг, что у нее поразительно голубые глаза. Он вспомнил, что у его отца, печально известного Агамемнона, когда он был еще настоящим человеком из плоти и крови, тоже были светло-голубые, очень красивые глаза... Но это было до того, как он стал кимеком.

Вориан ответил на ее взгляд, и на лице Ракеллы отразилось удивление при виде здорового человека, стоящего посреди палаты, забитой умирающими. Он шагнул вперед и уже открыл рот, чтобы заговорить, но вдруг заметил смятение в глазах внучки. Один из больных сзади бросился на Вориана и когтистыми пальцами вцепился в его маску, потом стал колотить Вориана кулаками и плевать ему в лицо. Инстинктивно сопротивляясь, Вориан отбросил нападавшего, и несчастный упал на пол. В руке он сжимал образок сына Серены Маниона и бормотал молитвы, прося Трех Мучеников спасти его, спасти их всех.

Вориан отодвинул кричащего больного, и санитар увел того к койке, а Вориан стал натягивать на лицо сорванную обезумевшим больным маску. Ракелла решительным шагом подошла к нему и опрыскала его лицо и глаза каким-то раствором.

– Антивирусная вакцина, – пояснила она будничным деловым тоном. – Эффективна только отчасти, но у нас пока нет ничего лучшего. Я не могу сказать, попала зараза в рот или глаза, но риск инфекции очень высок.

Он поблагодарил ее, умолчав о том, что надеется на свой сверхъестественный иммунитет. Он просто продолжал смотреть в ее голубые глаза и счастливо улыбаться.

Очень странно проходила его первая встреча с внучкой.

– Вориан Атрейдес, – произнес доктор Сукк. В маленьком кабинете он бегло осмотрел Вориана после нападения, хотя его ждали больные, находившиеся в куда более тяжелом состоянии. – Тот самый Вориан Атрейдес? Вы сделали глупость, прилетев сюда.

Врач был очень смугл, почти черен. Он выглядел лет на сорок, на лице уже намечались морщины, особенно вокруг темно-карих глаз. Весь его вид говорил о крайней усталости. Мальчишеские черты лица подчеркивались гривой черных волос, перехваченных серебряным кольцом. Эта грива и моложавое лицо придавали доктору вид не в меру рослого ребенка.

Даже здесь, в отдельном кабинете, стоял всепроникающий запах дезинфекции. Вориан не стал говорить о пройденном им лечении, продлевающем жизнь.

– Что ж... либо я выживу, либо умру.

– То же самое можно сказать о каждом из нас. Этот Бич дает равные шансы выжить или умереть. – Сукк пожал Вориану руку, не сняв перчатки, а потом нежно сжал руку Ракеллы, выдав тем теплые тесные отношения, связывавшие их много лет. Выпавшее на долю планеты испытание заставило многих людей соединиться в отчаянии, но Сукк и Ракелла были близки и до этого.

После того как Сукк поспешил обратно в палату, Ракелла окинула Вориана оценивающим взглядом.

– Что Верховный главнокомандующий вооруженными силами джихада делает на Пармантье без охраны?

– Я приехал сюда по личному делу – чтобы встретиться с вами.

Многие недели борьбы с эпидемией лишили Ракеллу способности выражать и испытывать какие бы то ни было эмоции.

– Зачем?

– Я был другом вашей бабушки Карида, – признался Вориан. – Очень близким другом, но я потерял ее. Очень давно я узнал, что она родила дочь, но до недавнего времени я не мог найти никаких следов. Дочь звали Хельминой, и это была... твоя мать.

Ракелла некоторое время смотрела на Верховного главнокомандующего, широко открыв глаза. Потом до нее дошел весь смысл сказанного Ворианом.

– Не тот ли вы солдат, которого любила моя бабушка? Но...

Он смущенно улыбнулся.

– Карида была чудесной женщиной, и я глубоко огорчен ее гибелью. Мне бы хотелось теперь, чтобы многое в моей жизни было по-другому, но я уже не тот человек, каким был раньше. Вот почему я приехал сюда, чтобы познакомиться с тобой.

– Бабушка думала, что вы погибли на войне. – Она свела брови над чудесными голубыми глазами. – Но она называла другое имя – не Вориан Атрейдес.

– Из соображений безопасности я не стал называть своего настоящего имени. Я делал это из-за своего высокого звания.

– Или из других соображений? Например, если вы не собирались возвращаться.

– Джихад – очень неопределенная штука. Я не мог связывать себя обещаниями. Я... – Голос его дрогнул. Он не хотел не только лгать, но даже приукрашивать истину.

Это чувство было очень несвойственно Вориану. Он отличался весьма свободными нравами на протяжении почти всей сознательной жизни, и сама мысль о том, чтобы обзавестись семьей и связать себя узами брака, пугала его. Но хотя его отношения с Эстесом и Кагином не сложились, он все же понял, что и семья открывает безграничные возможности для истинной любви.

– Мой дедушка выглядит так же молодо, как я. – Ракелла явно заинтересовалась, но ее настолько утомила эпидемия, что реакция была очень вялой. – Мне следовало бы исследовать вас, взять генетические пробы, доказать наше кровное родство – но сейчас мне некогда этим

заниматься. Во время такого несчастья личный визит для выяснения родства с незаконнорожденной внучкой – это... проявление эгоизма.

Вориан криво усмехнулся.

– Я восемьдесят лет провел в боях джихада, и вся моя жизнь прошла в «таком несчастье». Теперь, когда я вижу, что происходит здесь, я радуюсь тому, что не стал ждать. – Он взял ее руку в свои. – Поедем со мной на Салузу Секундус. Ты сделаешь доклад в Парламенте Лиги. Мы создадим группу специалистов из лучших врачей, чтобы разработать методы лечения, и тогда сможем реально помочь вашей планете.

Она резко перебила его:

– Если вы действительно верите в то, что я внучка великого Вориана Атрейдеса, то как же вы могли подумать, что я уеду, когда мое место здесь, когда я должна делать свое дело и помогать многим людям? – Она вскинула брови, и Вориан почувствовал, как сильно забилося его готовое выпрыгнуть из груди сердце. В душе он и не ожидал другого ответа.

Ракелла посмотрела на него своими ясными умными глазами.

– Кроме того, я не имею права рисковать. Ведь я могу стать разносчиком эпидемии. Но Верховный главнокомандующий, если вы твердо намерены вернуться на Салузу Секундус, то доложите Парламенту о том, с чем мы здесь столкнулись. Нам нужны врачи, медицинское оборудование и ученые.

Он кивнул.

– Если эта эпидемия действительно послана Омниусом, то я несколько не сомневаюсь, что он отправил такой же вирус и на другие планеты. Надо предостеречь Лигу.

Ракелла, испытывая неловкость, собралась выйти и встала.

– Я передам вам все наши записи, истории болезни и результаты анализов. Здесь эпидемия вышла из-под контроля. Причина ее – РНК-содержащий ретровирус. За короткое время умерли сотни тысяч людей. Смертность составляет более сорока процентов, но это непосредственная смертность, не говоря о летальных случаях, обусловленных вторичными причинами – сопутствующими инфекциями, обезвоживанием, недостаточностью различных органов и так далее. Мы можем лечить симптомы, облегчать в какой-то степени страдания больных, но пока не можем ничего сделать с самим вирусом.

– Есть ли какой-то шанс найти средство такого радикального лечения?

Она подняла глаза, услышав крик из какой-то палаты, потом вздохнула.

– Здесь, при нашей оснащенности и ресурсах, такого шанса нет. Мы не обладаем оборудованием и соответствующим персоналом. Когда позволяют время и обстановка, Мохандас делает анализы и изучает особенности течения болезни. Мы не видим здесь обычного течения, характерного для других вирусных инфекций. Вирус накапливается в печени. Что само по себе очень неожиданно. Мы открыли этот факт всего несколько дней назад. Лечение не... – Она осекла себя. – Но мы всегда можем надеяться.

Вориан в этот момент думал о том времени, когда он, будучи доверенным человеком мыслящих машин, не задумывался о том страшном вреде, который они могут причинить.

– Я должен был давно понять, что когда-нибудь мыслящие машины предпримут нечто подобное. Омниус... хотя, скорее, это дело рук Эразма.

Поколебавшись одно мгновение, Вориан снял с лица маску.

– Все, что вы здесь делаете, и все, что вы, несмотря на очевидную невозможность, пытаетесь делать, – в высшей степени благородно.

Глаза Ракеллы блеснули.

– Спасибо... дедушка.

У Вориана перехватило дыхание.

– Я горжусь тобой, Ракелла. Я так горд, что не могу выразить это никакими словами.

– Я не привыкла выслушивать такие комплименты. – Она стеснялась признаться, что польщена его похвалой. – Особенно ужасно, когда я вижу, скольким больным я не могу реально помочь, сколько их умерло, несмотря на мои усилия, когда я вижу несчастных сломленных людей, которые не имеют ни надежды, ни шансов когда-нибудь выздороветь. Даже когда болезнь проходит, большинство пациентов остаются инвалидами на всю жизнь.

Он взял внучку за плечи и заглянул ей в глаза.

– Но я все равно горжусь тобой. Мне надо было найти тебя намного раньше.

– Спасибо и на том, что ты потрудился найти меня сейчас. – Хотя и испытывая некоторую неловкость, она заговорила с прежней напористостью: – Если ты действительно сможешь улететь с Пармантье, то улетай прямо сейчас. Я молю Бога, чтобы ты не заразился и благополучно добрался до Салузы. Будь осторожен. Если... если ты все же заразился, то инкубационный период очень короткий, и болезнь разовьется до того, как ты успеешь долететь до ближайшей планеты Лиги. Но если ты заметишь проявления болезни, то не надо рисковать и...

– Я все понимаю, Ракелла. Но даже если карантин, наложенный на Пармантье, не будет нарушен, то я боюсь, что Омниус уже отправил вирус на другие планеты. Машины любят действовать с запасом. – Он увидел, как вздрогнула Ракелла, когда до нее дошел смысл его слов. – Если это так, то ваш карантин не сможет спасти остальные планеты Лиги. Предупреждение их и рассказ о том, чего ты и доктор Сукк уже добились, могут сделать для защиты человечества много больше, чем любой карантин.

– Тогда поспеши. Мы будем вдвоем из всех сил бороться с этой новоявленной чумой.

Вориан сел на борт «Мечтательного путника» и стартовал с Пармантье, установив координаты Салузы. Он без труда проскочил мимо сторожевых орбитальных постов, на которых практически не осталось людей, и с тревогой подумал, что кроме него это может сделать кто угодно. Ему было грустно, когда он покидал эту несчастную планету, и он мог только надеяться, что еще увидится с Ракеллой.

Мысленно он снова и снова представлял себе ее застенчивую радость, когда она услышала, что он гордится ею. В тот момент – столь же эфемерный, сколь и прекрасный, – он понял, что ради одной этой улыбки стоило совершить это долгое путешествие.

Но теперь его ожидал другой долг перед человечеством.

Если мы позволим себе стать чересчур гуманными, признаемся в слабости любви и сочувствия, когда это наиболее опасно, то сделаем себя уязвимыми настолько, что позволим мыслящим машинам полностью истребить нас. Да, человеческие существа обладают сердцем и душой, которых нет у проклятых роботов, но мы не можем допустить, чтобы сердце и душа стали причиной нашего поголовного вымирания.

Квентин Батлер. Из письма сыну Файкану



Вернувшись домой после освобождения Хонру, Квентин Батлер на некоторое время отправился в Город Интроспекции навестить жену Вандру. Она, как обычно, не реагировала на окружающее и хранила безмолвие, но закаленный в боях примеро любил просто сидеть рядом с ней, уверенный, что доставляет ей радость одним своим присутствием, получая взамен такое же чувство. Глядя в лицо Вандры, он по-прежнему видел ее прекрасные черты, тени прошлых счастливых времен. Он говорил с ней, рассказывал о том, что делал во время последней своей миссии, говорил о семье Рикова на Пармантье.

К огорчению Квентина, он успел побыть с женой всего час, когда его по срочному делу разыскал молоденький квинто. Офицер поспешно шел по усыпанному гравием красивому

двору этого впечатляющего религиозного убежища. Старый ученый метафизик в пышной мантии провожал офицера, но он шел очень медленно, и молодой человек не скрывал своего нетерпения.

– Примеро Батлер! Мы только что получили экстренное сообщение с Пармантье. Губернатор несколько недель назад выслал корабль с сообщением. Судно прибыло только сейчас. Нам прислано предостережение.

Квентин ласково сжал слабую руку Вандры, встал, выпрямился и весь обратился в слух.

– Предостережение от Рикова? Где посланник?

– Я очень сожалею, примеро, но вы не сможете с ним встретиться. Он не явился на Салузу. Посланец остался на орбите и передает сообщения по линиям дальней связи. Он опасается выходить, так как боится заразить нас.

– Заразить нас? Что случилось?

– И это еще не все, сэр, – аналогичные сообщения приходят и с других планет Лиги!

Пока квинто лепетал какие-то объяснения, примеро, взяв его за руку, буквально тащил молодого офицера к выходу из Города Интроспекции. Ученый метафизик смотрел им вслед, не меняя выражения своего бесстрастного, покрытого морщинами лица. Потом старик поправил свои одежды и принялся излагать Вандре свои эзотерические воззрения, словно она могла что-то ответить ему на это.

Сохраняя на лице озабоченное и хмурое выражение, Квентин слушал, как члены Совета джихада проигрывают запись послания Рикова. Кадры, переданные с разведывательного судна, которое вращалось сейчас на орбите, показывали ужасные вещи. Эпидемия распространилась в столице Ниуббе и в сельской местности. На улицах лежали умирающие и уже умершие люди. Госпитали переполнены сверх всякой меры – и это было несколько недель назад, когда эпидемия только начиналась.

– Эти новости уже устарели, – сказал Великий патриарх Ксандер Боро-Гинджо. – Может быть, уже найдено средство лечения. Кто вообще может знать, что произошло за это время?

– Я был там как раз тогда, когда взорвались торпеды, посланные с какой-то из планет Синхронизированных Миров. В тот момент никто из нас не знал, что задумал Омниус. Теперь ясно, что Риков заперт на своей планете, как в бутылке, этой эпидемией, – сказал Квентин.

– Кто вообще может знать, что на уме у Омниуса? – спросил исполняющий обязанности вице-короля. Бревин О'Кукович вообще славился тем, что часто произносил ничего не значащие слова.

Квентин не обратил никакого внимания на этот бессмысленный вопрос политика.

– Если мыслящие машины разработали биологическое оружие, то всем нам надо быть начеку. Мы можем уничтожать торпеды с канистрами, содержащими вирусы, в космосе, но если вирус проникнет в атмосферу, то никакие карантинные и медицинские мероприятия не произведут достаточного эффекта. Никаких гарантий здесь нет и быть не может.

Хотя у Квентина было мало времени на подготовку к совещанию, он успел собрать донесения капитанов недавно прибывших на Салузу кораблей. Он также отправил Файкана патрулировать подступы к Салузе Секундус и расставить на стационарных орбитах чувствительные сенсоры для своевременного выявления проникших в окрестности планеты снарядов с заразой. В обычных условиях было бы практически невозможно различить эти маленькие торпеды среди массы всякого хлама, который замусорил околопланетное пространство, но так как торпеды были зарегистрированы и опознаны кораблем Квентина при отлете с Пармантье, то их описание имелось в памяти сенсоров, и их можно было отфильтровать от ложных сигналов.

– Нам надо убедиться в адекватности донесения, – сказал вице-король. – Надо предпринять взвешенные действия.

Квентин встал. Теперь, когда отсутствовал главнокомандующий Вориан Атрейдес, который – по странной иронии судьбы – отправился именно на Пармантье, он, Квентин Батлер, должен был взять на себя всю полноту ответственности.

– Нам надо предпринять немедленные действия! Если интерпретации Рикова верны, то мы не имеем права терять ни одной секунды. При имеющем место объеме межзвездной торговли, при перемещении массы людей и грузов между планетами Лиги и неприсоединившимися планетами эпидемия может причинить непоправимый и страшный ущерб всему человечеству...

В приемнике Квентина послышался сигнал вызова, и Квентин принял сообщение. В маленьком динамике раздался голос Файкана – достаточно громкий, чтобы его услышали все члены Совета.

– Примеро, ваши подозрения подтвердились. Как вы и предсказывали, мы видим на периферии системы приближающиеся торпеды, похожие на те, которые сгорели в атмосфере Пармантье.

Квентин оглядел мужчин и женщин, сидевших вокруг большого стола.

– Вы перехватили их?

– Да, сэр.

Один из членов Совета высказал свое предложение:

– Нам надо сохранить одну такую торпеду, чтобы понять, что делает Омниус.

Файкан не дал политику договорить:

– Мы уничтожили их все, чтобы исключить риск случайного заражения.

– Отличная работа, – похвалил примеро сына. – Продолжайте наблюдение. Так как Салуза – самая важная цель в Лиге, Омниус наверняка сделает больше одного залпа.

Файкан отключился, и Квентин снова оглядел собравшихся.

– Кто может сомневаться в том, что Омниус уже выпустил свои торпеды на многие планеты Лиги? Надо остановить их, чтобы успеть предупредить распространение этой чумы.

– Как именно вы предполагаете это сделать? – спросил О'Кукович.

Квентин решительно изложил свой план:

– Немедленно и как можно скорее рассредоточить Армию джихада на максимально большом пространстве. Разослать разведчиков по планетам с приказом провести подготовку к карантинным мероприятиям. Неотложность ситуации может потребовать применения свертывающих пространство кораблей, – сказал он после некоторого раздумья. – Мы потеряем один корабль из десяти, но если мы не подготовимся и не наладим адекватную оборону, то можем потерять все наше население.

– Все это звучит, э-э... я бы сказал, э-э... несколько драматично, – нерешительно произнес О'Кукович и обвел взглядом присутствующих в поисках поддержки.

– Именно так – и в этом заключается дьявольский план Омниуса.

Квентин словно обычный офицер лично возглавил патрульный полет. Он перемещался от одной планетной системы к другой, помогая местному населению налаживать защитные системы и выполнять профилактические мероприятия. На многих планетах уже были перехвачены и уничтожены летевшие в атмосферу торпеды с вирусом, но некоторые из них, очевидно, поразили свои цели. Пармантье Рикова была уже инфицирована и практически погибла – и вот теперь пришли известия о том, что эпидемия разразилась еще на пяти планетах.

Квентин боялся, что катастрофа зашла слишком далеко.

На пораженных планетах были введены строгие карантинные меры, но напуганные люди все же находили способы бежать, разнося с собой заразу. Нельзя было исключить, что многие из беглецов станут искать спасения на Салузе Секундус. Столицу Лиги не удастся на сто процентов обезопасить даже самыми жестокими драконовскими мерами. Как можно реально

перехватить все без исключения, тем более мелкие корабли? Требовалась сверхъестественная бдительность для того, чтобы выявлять такие суда, перехватывать их и держать в карантине до тех пор, пока не минует инкубационный период и не появятся возможные признаки заболевания. Счастье еще, что скорость кораблей была сравнительно небольшой, а инкубационный период инфекции коротким, поэтому признаки болезни появлялись раньше, чем судно успевало добраться до Салузы.

Квентин мерил шагами капитанский мостик, разглядывая хмурые осунувшиеся лица членов экипажа. Техники, следившие за сенсорными системами, не могли позволить себе отвлечься хотя бы на краткое мгновение, ибо его было достаточно, чтобы смертоносная торпеда проскочила к планете и погубила на ней все население.

Все годы, пока тянулся джихад Серены Батлер, Лигу раздирали внутренние противоречия, но всех объединяла ненависть к мыслящим машинам. Квентин опасался, что эта агрессивная зараза и паника, которые распространялись быстрее, чем сама болезнь, приведут к распаду человеческой цивилизации.

*Я стала могилой всего, что было, и кладезем всех воскресших
жизней... но таковы же и все вы.*

Райна Батлер. Истинные видения



После того как во тьму небытия, в котором пребывала Райна Батлер, вторглись лихорадочные видения и сны, рассеяв черноту похожего на смерть сна, Райна поплыла по реке беспамятства, изо всех сил держась за ускользающую жизнь, как за тонкую нить шелковичного червя. Картины святых небес, которые рисовала ей мать во время их ежедневных молитв, совершенно не соответствовали тому, что она сейчас видела.

Когда же наконец к Райне вернулось сознание, когда жизнь снова вернулась в ее тело и в ее разум, девочка поняла, что изменилось решительно все.

По-прежнему лежа в темном и тесном чулане, она поняла, что одежда ее выпачкана и грязна, став жесткой от засохшего пота. Рукава блузки, потерявшие первоначальный цвет и растрепанные, стали розовыми от крови, которая вместе с болезненным потом просачивалась из пор. Хотя это открытие было весьма тревожным и неприятным, Райна, как ни странно, не испытала ни малейшего эмоционального потрясения. Чувства ее умерли. Она даже не стала привыкаться к запаху, исходившему от одежды.

С трудом поднявшись на ноги, Райна ощутила, как задрожали от напряжения ноги. Девочку мучила невыносимая жажда, и Райна удивилась, как ей удалось выжить столько времени без воды. Но теперь ее мало волновал смысл происходившего. Каждый шаг, каждый вдох уже были маленькими победами на пути к выздоровлению, и она инстинктивно понимала, что ей предстоит еще более трудные препятствия, которые придется преодолеть.

Райна оглядела себя и удивилась, обнаружив, что вся одежда покрыта прядями выпавших с головы волос и мелкими катышками волосков, росших на руках. Кожа была белой и совершенно гладкой.

Изо всех сил борясь с медлительностью и болезненной слабостью, боясь, что ее тело может рассыпаться на части в любой момент, девочка шла в спальню родителей, чтобы рассказать им о лихорадочных видениях и религиозных откровениях, явившихся ей в страшном сне. С ней говорила сама святая Серена! Райна была уверена, что теперь ей удастся растолковать слова женщины в ослепительно-белом одеянии. Небесные увещания, без сомнения, были эхом голоса истинного Бога, который Райна слышала только благодаря своей тяжелой болезни.

Однако добравшись до родительской спальни, девочка обнаружила отца и мать в тех же позах, в каких они лежали, когда она видела их в последний раз до своего беспамятства.

Правда, теперь их тела почернели и распухли, а в комнате стоял тяжелый запах трупного разложения. Эта жуткая вонь и страшное зрелище одним ударом пробудили все ее чувства. Райна некоторое время постояла на пороге спальни и только потом побрела прочь.

В холлах и коридорах она обнаружила еще два трупа слуг, о которых Райна думала, что они убежали из города. В доме стояла гнетущая, неправдоподобная тишина.

На счастье, водопровод продолжал работать. В ванной комнате девочка открыла воду и начала принимать очищающий душ. Стянув грязную одежду, она встала под струи холодной воды, делая при этом жадные глотки. Система нагревания воды не работала, но и кожа девочки потеряла всякую чувствительность. Все суставы болели и скрипели так, словно хрящи превратились в битое стекло. Чтобы сохранить равновесие, Райна ухватилась за перила и просто стояла, подставив тело струям почти ледяной воды. Своявшиеся волосы продолжали падать с головы, и светлые пряди с бульканьем засасывались в сток вместе с завихрениями воды.

Девочка не знала ни какой сегодня день, ни который теперь час. Но, собственно говоря, для нее это не имело теперь ни малейшего значения...

Когда Райна, роняя капли воды и ощущая в теле свежесть, вышла из ванной и встала перед большим – в рост человека – зеркалом, она увидела в нем незнакомку. Тонкое худенькое тельце невообразимо изменилось. Все волосы на голове и на теле выпали без остатка – исчезли даже ресницы и брови. Руки, лицо и грудь одиннадцатилетней девочки были совершенно гладкими, а в дневном свете, проникавшем в окна, кожа казалась прозрачной и светящейся. *Как у настоящего ангела.*

Она не знала, сколько времени прошло после того, как она ела в последний раз, и хотя ее мучил голод, Райна знала, что сначала должна исполнить более важный долг. Она оделась в чистое и направилась в семейное святилище, где когда-то так часто молилась вместе с матерью. Сидя перед алтарем Трех Мучеников, девочка просила о наставлении, помня об откровении, данном ей святой Сереной. Наконец, когда ее разум и дух очистились, Райна встала и пошла в заброшенную и тихую кухню.

Большая часть еды испортилась, а некоторые холодильники и кладовые были разграблены неумелыми ворами. Должно быть, она пролежала без памяти много дней. Перед разделочным кухонным столом лежал еще один труп – одного из кухонных слуг. Сладковатый запах разложения смешивался с острой вонью тухлого мяса. Интересно, что хотел приготовить повар, прежде чем его сразила смертельная болезнь?

Сначала девочка попила еще немного воды – холодной воды из домашней цистерны. Организм ее был сильно обезвожен. Должно быть, кроме того, она сильно похудела. Глаза запали и потускнели, щеки ввалились. Она сделала последний глоток воды и прекратила пить, ощутив, как взбунтовался желудок. Райна нашла немного сыра и кусочек консервированного тушеного мяса, но приправы показались ей слишком сильными, и она выбросила их.

Она была очень слаба и понимала, что для восстановления сил надо есть, поэтому продолжила поиски и, найдя кусок черствого хлеба, съела его. Хлеб и вода помогали сохранить благочестие и чистоту, придавая одновременно божественную силу.

Хотя Райна все еще дрожала от слабости, она решила, что достаточно отдохнула. Она вышла из губернаторского дома и направилась вниз, в город. Болезнь была Бичом Божьим, но она выжила. Значит, Бог избрал ее для свершения великих деяний.

Хотя Райна была еще ребенком, она точно знала, что надо делать. Она получила наставления от явившейся ей в видении святой Серены – и теперь у Райны была миссия, от которой она не могла и не имела права уклоняться.

Босиком она спустилась с холма.

Люди, шедшие по улицам, выглядели усталыми и истощенными и вздрагивали при каждом неожиданном шуме. У многих умерли почти все родственники и друзья, которых эти люди

не смогли сберечь, несмотря на все свои усилия. Большинство уцелевших стали хромыми, суставы были искривлены и изуродованы – такова была жестокая насмешка судьбы над теми, кто оказался достаточно силен, чтобы побороть лихорадку. Инвалиды передвигались на самодельных костылях или ползали, громко прося еды и помощи. У выздоровевших был подорван дух, они были сломлены бременем свалившейся на них ответственности и необходимостью работать за десятых.

Райна шла по улицам с гордо поднятой головой и горящими глазами. Она знала, зачем пришла в город. По дороге она замечала, что над ней за закрытыми окнами и ставнями домов и деловых учреждений шевелятся какие-то боязливые тени. Хотя она была всего лишь девочкой-подростком, она отважно шествовала по городу, высокая, тонкая, уверенная в своей правоте, белая и прозрачная, напоминая скелет или... дух смерти. Еды в городе было достаточно для уцелевших и инвалидов, но если никто не уберет с улиц разлагающиеся тела, не позаботится о производстве и не будет заниматься профилактикой и лечением сопутствующих вторичных инфекций, то неминуемы новые жертвы в дополнение к уже умершим от ударов демонического Бича.

Райна вытащила ломик, обнаруженный ею в водосточной канаве. Она помнила рассказы отца о драках на улицах. Причиной были шествия мартиристов, и в схватках погибло множество людей – как фанатиков, так и невинных свидетелей. Она ощущала тяжесть и теплоту ломака, меч в руке праведной молодой женщины, получившей прямое наставление от Серены.

Наконец она увидела первую цель своей миссии.

Девочка остановилась перед витриной магазина, торговавшего механическими устройствами, приспособлениями и безобидными безделушками бытового назначения, которые не стали объектом посягательства разбойников, бродяг и воров. Граждане Лиги пользовались всеми этими вещами, не задумываясь о том, что эти высокотехнологичные игрушки и приборы были отдаленными родственниками Омниуса. Вся электроника, все машины, все электрические контуры были искушениями, воплощенным злом. Оно незаметно проникало в обыденную жизнь, и люди слепо мирились с вездесущим присутствием мыслящих машин.

Набрав в легкие воздух, Райна взмахнула ломиком и вдребезги разбила стекло витрины, добравшись до хрупкого оборудования. Она начала крушить его, топчась по осколкам металла и пластика. Это было ее первое выступление против машин. Видение велело ей начать искоренение зла изнутри, уничтожать машины во всех их злокозненных обликах, чтобы люди в будущем никогда больше не смели поддаваться слабости и искушению.

В зловещем тихом безумии Райна сокрушила все, что ей удалось увидеть. Когда все механические приспособления в магазине были разбиты, Райна принялась искать их в других зданиях и нашла наконец бухгалтерскую фирму, в которой использовались электронные калькуляторы. Девочка разбила их все до единого. Откуда-то появился испуганный и по виду сильно ослабевший мужчина, который попытался ее остановить, но отступил, когда Райна осадил его свирепым ругательством, обвиняя его в том, что он позволил мыслящим машинам пробраться на его рабочее место.

– Люди обретут одни только несчастья, если мы не истребим механического демона во всех его обликах. Я слышала голос Бога и буду следовать ему.

Столкнувшись с таким неистовством в лице маленькой девочки, мужчина предпочел ретироваться.

Райне предстояло свершить настоящий подвиг. Она крушила все механическое, не разделяя машины по уровню технологической сложности и особенностей компьютерного дизайна. Она без устали переходила из одного учреждения в другое, пока ее наконец не задержали двое похожих на скелеты сотрудников службы безопасности Пармантье. Но она была еще ребенком,

тем более дочерью умершего губернатора, и, посмотрев на нее, мужчины обменялись понимающими сочувственными взглядами.

– Ей пришлось пережить трудное время, она вымещает свой гнев единственным доступным ей способом. Да и устал я, чтобы заниматься такими мелочами.

– Я вообще перестал обращать внимание на подобные вещи. – Один из сотрудников – смуглый высокий мужчина – ткнул пальцем в грудь девочки. – На этот раз мы отпустим тебя, но не делай этого больше и не ищи неприятностей на свою голову. Возвращайся домой.

Только теперь Райна заметила, что приближалась ночь. Она до того устала, что послушно побрела к себе, в губернаторский дом.

Но на следующий день она снова вышла на улицу с ломиком и принялась искать новые объекты разрушения, разбивая все, отдаленно похожее на мыслящих машин, что ей удавалось обнаружить.

На этот раз за ней следовала небольшая группа сочувствующих, многие из которых были истощенными мартиристами. Они пели гимны, а некоторые тоже брали в руки ломы и дубины...

Вера и решимость – самое мощное оружие воина. Но вера может стать искаженной. Берегитесь, чтобы такое оружие не обернулось против вас.

Мастер меча Истиан Госс



Нар Триг и Истиан Госс надеялись, что сразу после выпуска они отправятся на войну и вступят в схватку с реальными мыслящими машинами Омниуса. Но вместо этого им пришлось принять участие в полицейской операции и в зачистке отвоеванной у машин планеты Хонру.

– Ты воображал, что они возьмут и пошлют человека, носящего дух Йоола Норета, на самый опасный участок фронта, – ворчал Триг. – Эту планету освободили от Омниуса, так почему местные жители не могут сами навести и поддерживать здесь порядок?

– Вспомни, чему тебя учили: важна каждая битва, в которой защищают человечество, – ответил Истиан с тяжелым вздохом. – Если, как ты считаешь, эта работа слишком легкая, то давай закончим ее скорее и освободимся для других сражений.

После того как батальон Квентина Батлера покинул Хонру, уцелевшие жители пришли в совершеннейшее неистовство, разжигаемое еще больше фанатично настроенными мартиристами. Все сторожевые и охранные роботы, все электронные контуры, все наблюдательные камеры всемирного разума были разобраны и разбиты на куски. Нар Триг смотрел на беснующихся ревнителей веры с жадным любопытством, чувствуя, что их ненависть к мыслящим машинам близка его собственной.

К несчастью, думал Истиан, выжившие местные жители так увлеклись своей местью, что причиняли большой вред, не занимаясь восстановлением нормального быта. Если бы они обратили свою энергию и энтузиазм на восстановление Хонру вместо того, чтобы крушить уже поверженного врага, то два мастера меча могли бы сразиться с реальным противником, а не терять даром свое драгоценное время.

Баракы, служившие жилищем для рабов, были разрушены до основания, на месте бывшей цитадели Омниуса люди ставили палатки и строили временные навесы, воруя мебель и бытовую технику с фабрик и заводов машин. Экстравагантные и богато украшенные мемориалы Трех Мучеников росли как грибы после дождя. Их было теперь великое множество как в городе, так и в сельской местности. Длинные полотнища с изображениями Серены Батлер, Маниона Невинного и Великого патриарха Иблиса Гинджо свисали с остовов высоких зданий. Вместо того чтобы выращивать сельскохозяйственные культуры, мартиристы устраивали

сады для выращивания ноготков – цветов, символов страданий маленького замученного сына Серены Батлер.

Истиан и Триг шли по улице, сохраняя обычную бдительность. Ряды мучеников значительно пополнились за последнее время, и их последователи часто устраивали бдения, празднества и молитвенные собрания. Они находили остатки нетронутых машин Омниуса и на своих ритуальных вечерах символически разбивали эти машины.

Тем не менее постепенно обстановка становилась спокойнее. Каждый день все больше местных жителей возвращались к производительному труду. Истиан надеялся, что они с Тригом смогут улететь отсюда уже со следующим кораблем Лиги.

На Хонру прибывало множество людей с других планет Лиги Благородных. Некоторые хотели захватить пустующие земли, другими двигало искреннее желание помочь. Известный филантроп лорд Порсе Бладд, внучатый племянник погибшего во время бунта рабов на Поритрине лорда Нико Бладда, пожертвовал на восстановление Хонру огромную сумму денег. На восстановление и строительство денег, людей и ресурсов хватало с избытком – не хватало инициативы и организованности...

Вдруг друзья услышали крик. Истиан обернулся и увидел бегущего к ним человека в офицерской форме. Это, как оказалось, был военный администратор отвоеванной колонии. Несмотря на свой высокий военный чин, это был аристократ и в большей степени политик, нежели военный. Триг включил импульсный меч и приготовился.

– Наемники, там нужна ваша помощь!

Побагровевший от быстрого бега администратор, запыхавшись, остановился перед двумя воинами.

– Рабочие открыли один из запертых складов и наткнулись на трех боевых роботов. Они оказались действующими! Эти механические чудовища убили двух человек, прежде чем мы успели снова запереть роботов в здании. Вам надо сразиться с ними.

– Да, – с хищной волчьей улыбкой произнес Триг. – Конечно, надо.

Истиан тоже был доволен.

– Да, пошли.

Два мастера меча бежали вслед за администратором в сопровождении дюжины хорошо вооруженных солдат Армии джихада по улицам той части города, которая была застроена кубическими промышленными и складскими зданиями. Можно было, конечно, уничтожить уцелевших роботов с помощью ракеты или взрывчатки, но строителям были нужны материалы, хранившиеся на складах. Кроме того, Тригу и Истиану представилась возможность победить врага мастерством – не причиняя никаких разрушений городу, а солдаты горели желанием посмотреть на прославленное мастерство рукопашного боя воинов Гинаца.

Когда они добрались до места происшествия, их сопровождала уже большая толпа. Люди что-то возбужденно кричали. Некоторые несли хоругви с изображениями Трех Мучеников. Триг поднял импульсный меч, и мученики оживились. Истиан сосредоточился, приготовившись к схватке с сильным противником. Он вспомнил древние легенды о закованных в латы рыцарях, выступавших на битвы с драконами, в то время как на них с надеждой смотрели охваченные ужасом запуганные крестьяне. Кажется, сейчас им с Тригом придется исполнять роль таких рыцарей.

Когда они встали напротив двери, Истиан заметил, что на идеально гладкой и отполированной металлической поверхности появились сделанные изнутри вмятины, словно из здания по двери стреляли круглыми пушечными ядрами. Похоже, боевые роботы пытались вырваться из западни.

Как только дверь открыли, эта преграда была убрана, и из здания вышли мощные машины-убийцы. Они оцетинились оружием, метательными приспособлениями, пушками и

рубящими и колющими клинками. Три боевые машины казались порождениями ночного кошмара – именно на такие цели были натасканы Триг и Истиан. Хирок не зря учил их.

Выкрикнув боевой клич, воины бросились на врагов, подняв свои импульсные мечи. Боевые роботы были, казалось, удивлены столь малыми силами противника. Из огнеметов на руках роботов вырвались языки пламени, но Триг стремительно нырнул влево, перекатился через спину и вновь вскочил на ноги. Истиан рванулся к машине, размахивая мечом. Он направил пучок сфокусированной энергии на этого же врага, поразив его руку, которая бессильно повисла в воздухе.

Другие два робота, объединившись, напали на Трига, который и не думал уклоняться от схватки. Глаза его горели, он не замечал грозившей ему опасности. В левой руке он держал импульсный меч, а в правой небольшой энергетический кинжал.

Набросившись на первого робота, который пытался его сжечь, Триг схватился с ним. Он сдвинул рычажок на рукоятке меча, увеличив подачу энергии, и в серии блестящих ударов сумел выключить контуры в цепях систем управления электронного машинного мозга. Робот оказался необратимо парализованным и остановился.

Истиан сосредоточился на втором, оставшемся целым роботе. Эта машина подняла два артиллерийских орудия, но Истиан сумел сойтись с роботом на дистанцию ближнего боя, прежде чем машина успела изменить прицел. Руки-стволы выпустили свои заряды уже после того, как Истиан нырнул в слепое поле. Снаряды взорвались, оставив дымные кратеры в метре за спиной воина. Но он был уже в непосредственном контакте с боевым роботом.

Машина спрятала артиллерийские и метательные орудия, выставив взамен смертоносные клинки ближнего боя, которые, сливаясь, замелькали в воздухе. Истиан парировал удары и направлял свою ментальную энергию, стараясь прислушиваться к безмолвным советам духа павшего Йоола Норета. Когда Истиан переставал слышать этот голос, он всегда мысленно спрашивал: «Почему ты замолчал?»

Впервые в жизни Истиан сражался беззаветно, не думая ни о чем, не испытывая ни страха, ни боли. Еще до того, как он успел сообразить, что сделал, три вооруженные руки робота безвольно повисли словно ветви плакучей ивы.

Хорошо рассчитав движение, Истиан нанес удар импульсным мечом по нижним пушкам, чтобы робот не смог выстрелить в толпу фанатиков, которые горели желанием помочь воину голыми руками. Если бы мартиристы подошли слишком близко, робот смог бы превратить этот поединок в кровавую баню.

Завывая, как дикарь, Триг между тем добивал последнего робота. Машина размахивала механическими руками, пытаясь использовать разные наборы орудий убийства. Было видно, что робот только обороняется, подавленный напором выступившего против него берсерка. Бросив взгляд на друга, Истиан с горечью решил, что, видимо, дух Йоола Норета все же возродился не в нем, а в Наре Триге.

Заскрипев зубами, он с новой решимостью бросился в бой.

Одна из режущих рук машины ранила его в плечо, второй клинок поразил грудь. Но Истиан успел уклониться от ударов, и на месте касаний клинков остались лишь тонкие неопасные порезы на плече и на груди.

Истиан рванулся на врага, как распрямившаяся пружина. Импульсный меч, тоже запущенный на полную мощность, ударил по бронированному корпусу механического чудовища. Истиан выпустил еще один удар, до конца разрядив батарею, но этот заключительный импульс парализовал системы движения робота, обездвигив его руки и ноги, артиллерийские установки оказались отключенными, и только голова продолжала беспомощно вращаться из стороны в сторону.

Триг в это время ударил мечом по шейному столбу своего противника, посыпались искры, и весь корпус боевого робота, поколебавшись, затрясся. Триг нанес следующий удар по

тому же месту с такой силой, что перерубил систему магистральных трубок и энергетических контуров и снес роботу железную голову. Тяжелый корпус рухнул на землю.

Чувствуя, как его организм покидает адреналин и присутствие духа – быть может, это был дух Норета? – Истиан обмяк и выпустил из рук разряженный меч, который со звоном упал на плиты мостовой. Утомленные схваткой мышцы противно дрожали. Триг расхаживал из стороны в сторону как тигр в клетке, готовый сразиться со следующим противником.

Они не успели заняться первым парализованным боевым роботом, который продолжал беспомощно вращать головой. На обездвиженного врага набросилась толпа фанатиков-мартирисов. У них на этот случай было свое оружие – дубины, кувалды, ломы. Толпа обратила свою ярость на поверженных врагов, круша и ломая то, что от них осталось. Люди выкрикивали яростные проклятия и долбили огромные остовы железных убийц, стараясь разнести их на мелкие куски.

Сыпались искры, отваливались детали. Передаточные механизмы были разбиты, гелевые контурные модули вылетали из гнезд и рассыпались по мостовой. Толпа не остановилась и не прекратила своего буйства до того момента, когда на месте бывших боевых роботов оказались разбросанные куски металла и пластика.

– Мы сможем с пользой употребить этот металл, – бодро заявил военный администратор. – Мартиристы уже начали выполнять программу по использованию металлолома для производства строительных материалов, сельскохозяйственных орудий и плотницкого инструмента. В древних Писаниях тоже содержался призыв перековать мечи на орала.

– Недостаточно победить миньонов всемирного разума, – согласился с ним Нар Триг. – Победа будет слаще, если мы заставим их служить себе.

– Как Хирокса, – подчеркнул Истиан. Но друг в ответ промолчал.

Я представлял себя на месте Омниуса, и мне виделось те далеко идущие решения, какие я мог бы принимать на его месте.

Эразм. Диалоги



Вопреки обещаниям Рекура Вана, новая версия Серены Батлер оказалась сплошным разочарованием. Еще одна ошибка.

Эразм тем не менее продолжал надеяться, что неудачи с созданием Серены не являются неисправимыми. Используя сохранившиеся клетки Серены, которые он привез в машинный мир после бегства из Лиги и рассчитывал использовать как залог в торге по поводу своей безопасности, тлулакс снова и снова старался воссоздать женщину, но каждый раз сталкивался с одной и той же проблемой. Он вывез с Тлулакса клетки, в которых содержалась только генетическая программа внешнего вида – но не она сама. Не *ее* сущность. Секрет заключался не в клетках, но в ее душе – как бы сказала сама Серена.

И вот теперь лишенный конечностей торговец плотью дерзко отказался заниматься выращиванием других клонов.

Вероятно, это была реакция на неудачу, постигшую Рекура Вана и Эразма в выращивании приживленных зачатков конечностей пресмыкающегося. После многообещающего начала трансплантаты отторглись и отвалились от плеч, оставив очаги гнойного воспаления и обнаженные участки плоти. Тлулакс сильно расстроился, и это плохое настроение наверняка отразилось на неудачном исходе опытов по воссозданию Серены. Для того чтобы покончить с этим, Эразм отрегулировал дозы лекарств, которые он вводил Рекуру, чтобы тот сосредоточился на деле и забыл о несущественных мелочах. Этот человек постоянно требовал внимания и изменений схем лечения.

Нельзя одновременно заниматься многими вещами и смешивать опыты, думал независимый робот.

Теперь, видя фальшивую Серену в своем великолепном ухоженном саду, Эразм все же надеялся, что в ее лавандовых глазах промелькнет узнавание или хотя бы страх. Верный и послушный Гильбертус стоял рядом с роботом.

– Она выглядит точно так же, как на сохранившихся изображениях, отец, – сказал Гильбертус.

– Внешность часто оказывается обманчивой, – ответил Эразм, выбрав фразу из хранившихся в его памяти словесных клише. – Она соответствует человеческим стандартам красоты, но этого одного недостаточно. Это не то, чего я от нее жду.

Обладая бездонной и безотказной памятью, Эразм мог в точности воспроизвести все свои беседы с прежней Сереной Батлер. Он мог оживить в памяти все те многочисленные споры, которые они вели, когда Серена была особой рабыней на Земле. Но Эразм желал нового опыта общения с прежней Сереной, продолжения овладения теми знаниями, которые он получал, беседуя с ней. Эти озарения могли стать великолепным контрапунктом к опыту, который он получал, общаясь с Гильбертусом.

Нет, этот новый клон Серены тоже никуда не годится.

Она была тупа и неинтересна, как и все прочие образцы человеческого типа, и не обладала памятью и чистым упрямством, от которого Эразм, помнится, получал большое удовольствие. Да, эта новая женщина достигла физической зрелости, но не обрела просвещения прежним опытом.

– Мне кажется, что ее возраст эквивалентен моему кажущемуся возрасту, – сказал вдруг Гильбертус.

Почему он так заинтересовался этой женщиной?

Реальная Серена Батлер воспитывалась в Лиге Благородных, где она научилась верить в разнообразные интересные глупости вроде превосходства человека и врожденного права на свободу и любовь. Эразм досадовал, что в то время не обратил должного внимания на уникальность Серены. Но теперь было поздно жалеть об этом.

– Ты не знаешь меня, да? – спросил он у нового клона.

– Ты – Эразм, – ответила она, но голос ее был при этом ровен и бесстрастен.

– Я подозревал, что именно так ты и ответишь, – сказал Эразм, зная наперед, что надо сделать. Он не любил напоминаний об ошибках, когда они слишком часто попадались ему на глаза.

– Пожалуйста, не уничтожай ее, – попросил Гильбертус.

Робот обернулся к своему воспитаннику, не забыв изобразить на металлическом лице удивленное выражение.

– Позволь мне говорить с ней, учить ее. Вспомни, что когда ты взял меня из рабского загона, я тоже был необразован, дик и пуст, не выказывая своих потенциальных возможностей. Может быть, заботой и терпением я смогу чего-нибудь добиться.

Внезапно Эразм все понял.

– Ты находишь Серену Батлер привлекательной?

– Я нахожу ее интересной. Из того, что ты рассказывал о прежней Серене Батлер, я заключил, что она сможет быть подходящей спутницей для меня, разве не так? Может быть, она сможет стать мне подругой?

Робот не ожидал такого поворота событий, но он показался ему весьма интригующим.

– Мне следовало подумать об этом самому. Да, мой Ментат, постарайся сделать это.

Рассматривая клон женщины, Гильбертус вдруг испытал робость, ему показалось, что он взваливает на плечи слишком тяжелую для себя ношу.

Робот решил подбодрить его.

– Даже если эксперимент не удастся, я все равно сохраню тебя, Гильбертус. Я никогда не пожалею о таком объекте эксперимента, как ты, – и о таком спутнике и товарище.

Для того чтобы лучше изучить предпочтения человека, Эразм сконструировал множество тренажеров, которые должны были укрепить мышцы Гильбертуса. Некоторые тренажеры были очень просты в применении, другие, напротив, представляли собой весьма сложно устроенные механизмы, трудные в управлении. Гильбертус был великолепным образчиком человека – как в физическом, так и в умственном отношении, – и Эразм стремился сохранить этот пик формы. Подобно механизму, живой организм нуждался в постоянном поддержании работоспособности.

Регулярно тренируясь, Гильбертус стал безупречным образцом мужчины с точки зрения физического совершенства. Когда человек постоянно использует компоненты своих мышц, сила его увеличивается; если же робот постоянно задействует компоненты какого-либо механизма, то он скорее изнашивается. Это была странная, но фундаментальная разница между людьми и машинами.

Эразм наблюдал, как Гильбертус без труда пробегает по дорожке много километров, поднимая при этом тяжести и занимаясь силовыми упражнениями для верхней половины тела в специально сконструированных полях сопротивления. Ум этого человека был упорядочен до невообразимой для существ его вида степени; все мышление было разложено по полочкам, разделено на ячейки, и только поэтому он мог выполнять такие невероятно сложные упражнения. Обычно Гильбертус в течение дня тренировался на тридцати снарядах, практически не отдыхая. Единственное, что ему приходилось делать, – это пить воду для компенсации ее потерь.

Так как тренировки отнимали много времени, Эразм сделал новое предложение:

– Пока ты укрепляешь свою физическую силу и выносливость, ты можешь точно так же тренировать свои умственные способности, мой Ментат. Ты должен также упражнять память, делая вычисления и решая головоломки и отгадывая загадки.

Гильбертус помолчал, тяжело дыша. На соломенно-желтых волосах блестел пот, на лице появилось выражение, которое Эразм истолковал как удивление.

– Именно этим я постоянно и занимаюсь, отец. Я тренирую тело и ум одновременно. Я постоянно произвожу вычисления, выполняю проекции фигур и решаю уравнения. Каждая задача требует знаний, недоступных обычному мыслителю. – Сделав паузу, он добавил: – Я говорю тебе это, чтобы ты поверил в то, что ты сделал из меня.

– Ты не можешь обмануть меня. Какой цели ты сможешь достичь обманом?

– Ты сам учил меня, что людям нельзя доверять, отец, и я хорошо усвоил урок. Я не доверяю даже самому себе.

Гильбертус был его воспитанником уже почти семь десятков лет, и Эразм не допускал даже мысли о том, что этот человек может тайно обратить свои способности против мыслящих машин. Он бы уловил изменения в настроении Гильбертуса, да и Омниус бы усмотрел доказательства измены – наблюдательные камеры витали повсюду, и спрятаться от них было практически невозможно.

Независимый робот опасался, что если Омниус когда-либо сформулирует какие-то подозрения, то он наверняка предложит в качестве самого надежного средства уничтожение Гильбертуса до того, как у человека появится шанс причинить машинам какой-либо ущерб. Эразму следовало приложить максимум усилий, чтобы у всемирного разума никогда не возникли подобные мысли.

Это Омниус потребовал от меня, чтобы я воспитал из дикого человеческого ребенка интеллектуального цивилизованного человека, думал Эразм. Но Гильбертус превзошел даже мои самые смелые ожидания. Он заставил меня задуматься о таких вещах, о существовании

которых я в прошлом даже не догадывался. Он заставляет меня испытывать по отношению к нему такие чувства и такую любовь, которых у меня никогда не возникло бы без него.

Гильбертус перешел к упражнениям в силовом поле и одновременно продолжал тренировать ноги и нижнюю часть тела. Наблюдая за воспитанником, Эразм вдруг вспомнил то отвлечение, какое высказывал Гильбертус относительно РНК-содержащего ретровируса, который сейчас начал успешно распространяться на планетах Лиги. Что, если он решит помогать своему биологическому виду, а не Эразму?

За ситуацией придется понаблюдать. Робот понимал, что и сам проявляет сейчас очень человеческую черту – паранойальную манию преследования. *Мышление не всегда соответствует реальности. Должны быть связи, документальные доказательства, которые устанавливают действительную связь между подозрением и фактом.*

Еще древние исследователи занимались сложной проблемой того, как присутствие наблюдателя влияет на исход наблюдаемого им опыта. Эразм давно перестал быть объективным и беспристрастным наблюдателем того прогресса, который совершал Гильбертус. Не делал ли его приемный сын чего-то такого, чтобы доказать что-то выгодное для себя своему ментору? Не были ли эти чрезмерные физические упражнения способом выставить напоказ свое превосходство? Действительно ли Гильбертус был более мятежен по своей сути, чем показывал это внешне?

Хотя эти мысли вызывали тревогу, а положение могло в будущем создать сложные проблемы, все же это было намного интереснее, чем возня с тупыми клонами Серены Батлер. Не хочет ли Гильбертус превратить клона в своего союзника?

Наконец человек соскочил с тренажера, сделал два сальто назад и без труда приземлился на ноги.

– Меня заинтересовала одна проблема, отец, – сказал Гильбертус. У него почти не было одышки. – Делает ли использование механических тренажеров меня больше похожим на машину.

– Обдумай этот вопрос и представь мне свой анализ.

– Подозреваю, что здесь нет однозначного ответа. Мы могли бы обсудить разные варианты и поспорить насчет их верности.

– Это прекрасная тема для дискуссии. Мне всегда нравятся наши обсуждения. – Эразм до сих пор часто вел эзотерические дебаты с корринским Омниусом, но предпочитал общество Гильбертуса. На определенном уровне Гильбертус был интереснее Омниуса, хотя Эразм полагал, что ради собственного спокойствия не следует ставить об этом в известность всемирный разум.

Робот сменил тему разговора:

– Скоро вернутся наши зонды, которые наблюдают сейчас результаты первого внедрения инфекции в атмосферу планет.

Закончив тренировку, Гильбертус сбросил одежду и вошел в открытую душевую кабину. Робот сканировал изображение воспитанника, анализировал его и не мог удержаться восхищения совершенством обнаженного человеческого тела. На всякий случай он отошел подальше, чтобы брызги не попали на его роскошный наряд.

– Йорек Турр, несомненно, порадуется всем этим несчастьям и смертям, – сказал Гильбертус, смывая с себя пот. – Ему нравится быть предателем своего собственного биологического вида. У него нет совести.

– У машин тоже нет совести. Ты считаешь это недостатком?

– Нет, отец. Но поскольку Турр человек, то я могу оценивать его поведение человеческими мерками. – Встав под сильную струю теплой воды, Гильбертус принялся намыливать свои светлые волосы. – Полагаю, однако, что теперь я могу верно оценить поступки и действия

Турра, особенно прочитав множество древних человеческих документов. – Он усмехнулся. – Все очень просто: Йорек Турр – безумец.

Гильбертус ополоснулся холодной водой, выключил воду и вышел из кабины посвежевший и бодрый.

– Ясно, что лечение, сделавшее его бессмертным, лечение, которого он потребовал как плату за службу, сделало его ум неустойчивым. Возможно, он оказался слишком стар для бессмертия. Возможно, сама процедура была проведена с какими-то погрешностями.

– Или, что тоже возможно, я целенаправленно провел лечение не вполне... адекватно, – сказал Эразм, удивляясь тому, что Гильбертус самостоятельно пришел к таким непростым выводам. – Возможно, я почувствовал, что он недостойн такой высокой награды, и даже теперь он не знает, что именно я с ним сделал. – На флоуметаллическом лице робота появилась лукавая усмешка. – Но ты все же должен признать, что идея с заразой оказалась весьма плодотворной. Она поможет одержать нам победу без больших издержек и значительных разрушений.

– Если, конечно, кто-то из нас выживет. – Гильбертус тщательно вытерся и надел чистую одежду, сложенную возле душевой кабины.

– В особенности ты. Я научил тебя быть чрезвычайно эффективным. У тебя высокоорганизованный ум, способный анализировать факты не хуже компьютерного разума. Если и другие люди научатся этому, то им будет легче сосуществовать с машинами.

– Может быть, мне удастся превзойти как людей, так и машин, – вслух подумал Гильбертус.

Это и есть то, на что он надеется? Надо обдумать это замечание.

Они вышли из спортивного зала.

*Машины могут быть только такими, какими мы их создали.
Ракелла Берто-Анирул. Заметки с периферии сознания*



Агамемнон, Юнона и Данте летели в пространстве в своих чудовищно исполинских боевых корпусах. Генерал снова был на коне – он планировал и осуществлял военную операцию с целью захвата удаленной от Ричес планеты, где до них не дотянутся щупальца тупых разбойников Омниуса. Он найдет место, где они смогут перегруппироваться, нарастить силу и мощь, а после этого начать следующую фазу создания новой империи кимеков.

Три титана летели в сопровождении крупных сил неокимеков, каждый из которых представлял собой гигантский боевой корабль, управляемый человеческим мозгом, соединенным с системами корабля с помощью специальных пропускающих нервные импульсы проводников и стержней. Все эти неофиты наперебой стремились доказать свою верность Агамемнону, тем более что они знали о встроенной в их мозг команде самоуничтожения, которую Агамемнон мог в любой момент активировать по собственному желанию или прихоти. Итак, генерал был совершенно уверен в преданности и лояльности своего воинства. Что еще оставалось делать этим неокимекам после того, как их мозги были удалены из тел и помещены в специальные емкости?

Покинув Ричес, орда имевших зверское обличье кораблей сошлась возле замороженного планетоида Хессра, где много столетий в полной изоляции жили когиторы-отшельники, превратив его в своеобразную башню из слоновой кости по образцу древних философов.

– Согласно нашим расчетам, на Хессре нет никаких оборонительных систем, – объявил Данте. – Когиторы утверждают, что не участвуют ни в каких внешних делах. Они просто уединяются и размышляют.

Юнона издала насмешливый горловой звук.

– Они могут претендовать на все, что им нравится, но на самом деле когиторы никогда не были столь нейтральны, как они об этом заявляют. Они постоянно лезут в чужие дела.

– Он-н-ни т-т-так-к-к ж-же п-п-п-плохи, к-к-к-как-к-к-к хрет-т-т-тиры, – запинаясь, произнес Беовульф.

Терпя Беовульфа за его прежние заслуги, Агамемнон все же испытывал немалое раздражение, когда этот неокимек вмешивался в беседы титанов.

С преувеличенным терпением Данте пояснил:

– Я считал, что здесь наша победа обеспечена. Я предвижу, что на Хессре у нас не возникнет никаких сложностей.

– Тем не менее я бы хотел насладиться каждым мгновением этой победы. – Агамемнон приказал своему войску сделать разворот и начать снижение. Выставив вперед заменимых неокимеков, флот устрашающих угловатых судов построился в боевой порядок, готовый атаковать закованную в ледяной панцирь крепость древних философов.

Хотя когиторы и утверждали, что не испытывают никакого интереса к галактическим делам, они все же не были вполне самодостаточными. Они давно уже занимались тайным бизнесом, снабжая кимеков электрожидкостью, продолжая делать это и после того, как Агамемнон поднял мятеж против Синхронизированных Миров.

Не желая полностью зависеть от Видада и его когиторов, Данте создал собственное производство электрожидкости на Бела Тегейзе и на Ричес. Но в то время, как неокимеки удовлетворялись электрожидкостью серийного массового производства, титанам требовалось более высокое качество, но его могла обеспечить только жидкость, которую производили для уединенных философов-отшельников. Сегодня генерал захватит эти предприятия, объявит Хессру своей новой штаб-квартирой и начнет свой затянувшийся марш в историю...

Вершины черных башен торчали из ледника, спускавшегося с гор в течение многих столетий. Строения были почти погребены подо льдом, высокие шпили башен стали ниже, и здания, где хранились емкости с мозгами философов, казались мачтами кораблей, затонувших в море снега и льда.

Агамемнон и Юона, летевшие в первых рядах, с восторгом активировали свое огнеметное оружие, питаемое потоком кислорода, добытого тут же в разреженной атмосфере Хессры. Языки пламени вырвались из жерл огнеметов, ударили в каменные плиты, сметая их со своего пути и расплавляя глыбы льда и завалы снега. К тусклому небу поднялась исполинская завеса пара.

– Это расчистит нам поле для деятельности, – сказал Агамемнон, сажая корабль.

Данте сухо отдавал распоряжения неокимекам. Своими оптическими сенсорами он засек троих одетых в желтую одежду посредников, бросившихся к окнам и балконам башни. Рты их были открыты от изумления, смешанного с диким страхом. Они осознали опасность и кинулись искать укрытия в глубине здания.

Неокимеки продолжали садиться на планету, похожие на стаю ворон, окруживших огромных стервятников – гигантские корабли титанов. Агамемнон перенес емкость со своим мозгом в небольшую, но мощную ходильную форму, чтобы без помех проникнуть в коридоры и помещения цитадели когиторов. С собой он взял большую группу неокимеков, огнем прожег проход в стене и отбросил мешавшие двери. Поменяв свои мощные корабли на мелкие ходильные корпуса, неокимеки пошли вперед, похожие на шествие тяжеловооруженных муравьев. Торжествующий Агамемнон замыкал эту победную процессию. Острые ноги высекали искры из каменных плит пола.

Больной неокимек Беовульф плохо рассчитал посадку и потерпел крушение, он снес скалу и рухнул в расщелину льда, где и застрял без всякой надежды самостоятельно выбраться оттуда. Когда неокимеки доложили Агамемнону об этом несчастье, генерал подумал было про-

сто оставить Беовульфа там, где он находился, чтобы он замерз и постепенно покрылся километровой коркой медленно ползущего ледника.

Но когда-то Беовульф оказался ценным союзником, куда более талантливым и надежным, чем идиот Ксеркс, за которым числилось куда меньше заслуг. Поколебавшись, генерал неохотно приказал вытащить из трещины емкость с мозгом Беовульфа и переместить ее в ходильный корпус неокимека. *Я, кажется, совсем теряю голову, находя поводы для того, чтобы сохранить жизнь Беовульфу.* От поврежденного на голову неокимека не было уже никакого толка, и он быстро становился тяжелой обузой.

В замерзшей крепости когиторов неокимеки обнаружили больше дюжины одетых в желтое посредников и помощников и расправились с ними. Двоих Агамемнон убил лично, воспользовавшись древним оружием, которое взял у Йорека Турра на Уаллахе IX. Ружье сработало безотказно.

Шедшие впереди генерала неокимеки обнаружили библиотеки и кабинеты, где посредники занимались копированием и переписыванием. Похоже, монахи были очарованы древними рунами муадру, которые то и дело находили на самых разных удаленных друг от друга планетах.

Дополнительные помещения были заняты оборудованием, на котором изготавливали и модифицировали электрожидкость. Находившиеся здесь монахи в шафранно-желтых накидках попытались скрыться, когда в помещение вломились неокимеки. Монахи прервали свое пение и ритуалы, с помощью которых они превращали простую воду в питательный раствор для мозгов древних философов.

Агамемнон отдал ясный приказ и отправил Данте выполнять его.

– Выясни, как работают эти мастерские, а потом убей их, но не всех. Некоторых из рабочих оставь. Они понадобятся нам живыми.

Другие посредники бежали в центральный зал, где находились когиторы на своих пьедесталах. Когда генерал Агамемнон наконец ворвался в эту святая святых древней обители, он был немало разочарован, увидев только пять емкостей с мозгами когиторов, плававшими в голубоватой мерцающей жидкости. Шестой емкости не было.

– Генерал Агамемнон, твой визит сюда деструктивен, излишен и порождает хаос, – произнес один из философов через свою громкоговорящую систему, вмонтированную в пьедестал. – Чем мы можем быть тебе полезны? Ты явился сюда получить дополнительную электрожидкость?

– И за ней тоже. Кроме того, я намерен оккупировать Хессру и уничтожить всех когиторов. Кого из вас здесь нет? – Он поднял свою механическую руку и указал на пустующий пьедестал.

Когиторы посоветовались и простодушно дали честный ответ:

– Видад избрал Салузу Секундус своей временной резиденцией, чтобы консультировать Лигу Благородных и изучать местные архивы. Нам нужны дополнительные данные для обсуждения, чтобы продолжить наш интеллектуальный рост.

– С сегодняшнего дня этот рост отменяется, – сказала Юнона, внося в зал свой устрашающий боевой ходильный корпус. Она встала рядом с Агамемноном. Юнона никогда не любила этих сующих нос в чужие дела когиторов, в особенности одного, по имени Экло, который вместе с Иблисом Гинджо подготовил восстание на Земле. И этот мятеж послужил началом для ужасного, разрушительного джихада.

Хотя поход Лиги против машин позволил кимекам поднять собственный мятеж и освободиться из-под гнета всемирного разума, Агамемнон все равно питал глубокую неприязнь к когиторам.

– Не хотите ли вы высказать какие-нибудь блестящие откровения до того, как мы казним вас?

Один из когиторов, говоривший женским голосом, произнес со странным спокойствием:
– Есть много областей, в которых тебя следовало бы просветить, генерал Агаемнон.

– К несчастью для вас, я не имею ни малейшего намерения просвещаться, как вы изволили это назвать.

Приказав неокимекам продолжить обыск коридоров и помещений зданий Хессры, Агаемнон и Юона бросились на когиторов. Они желали сделать все собственными руками. Так эти два титана хотели выразить свою любовь друг к другу.

Своими мощными механическими руками они опрокидывали пьедесталы, разбивали прозрачные емкости, в которых сохранялись мозги когиторов, и хватали их железными пальцами, получая огромное удовольствие от созерцания того, как нежный мозг превращается в сочащуюся кровью массу. Они раздавили когиторов одного за другим. Жаль, что все закончилось слишком скоро.

Стоя в луже электрожидкости среди осколков емкостей и пьедесталов, Агаемнон объявил, что отныне Хессра принадлежит титанам. В этом действительно не могло быть никаких сомнений.

*Наука – это создание проблем в попытке разгадать тайну.
Доктор Мохандас Сукк. Речь перед выпускниками*



В иное время Ракелла, конечно, совершенно по-другому отреагировала бы на встречу с дедом; она задала бы ему тысячу вопросов, рассказала бы о себе. *Подумать только, сам Верховный главнокомандующий Вориан Атрейдес!*

Мать, конечно, была бы заинтригована гораздо больше таким откровением командующего, но Хельмина была, к несчастью, мертва, так же как и первый муж самой Ракеллы. Она думала, что и таинственный солдат, возлюбленный бабушки, сгинул на войне и никогда не вернется. Джихад разрушил много жизней и надежд.

Она могла бы провести больше времени с Ворианом Атрейдесом – как, впрочем, она могла бы много что делать, – но Ракелла никогда бы не покинула тех людей, которые отчаянно нуждались сейчас в ее помощи. Слишком много человеческих жизней надо было спасти им с Мохандасом от Божьего Бича, страшной эпидемии, бушевавшей на Пармантье. Надо было отыскать метод лечения.

Но пока это решение ускользало от них. Они могли лечить симптомы – восстанавливать водный баланс, снижать температуру тела, помогать большей части больных выжить, но при таком масштабе распространения заболевания этого было явно недостаточно. Умирало много, очень много людей.

Вориан обещал сделать все, что было в его силах, чтобы помочь. Он обязался сообщить Лиге об эпидемии. Если даже он не сможет оказать помощь Пармантье, то по крайней мере успеет предупредить правительства других планет о новой ужасной тактике мыслящих машин. Если это будет ему по силам, Вориан выполнит данное ей обещание. Она была в этом уверена, хотя прошло всего несколько часов с того момента, когда он улетел.

Госпиталь неизлечимых болезней. По злой иронии судьбы сейчас это название как нельзя лучше отвечало сути учреждения. Она не представляла себе, что будет делать, если заболеет Мохандас. Ракелле даже казалось, что будет лучше, если первой заразится она сама... Из двадцати двух врачей, которых удалось найти в Ниуббе, трое уже умерли от заразы, четверо выздоравливали, но были пока полными инвалидами, неспособными работать, а у двоих появились первые ранние, но несомненные признаки болезни. Скоро придется лечить и их.

Мохандас уже довольно подробно изучил течение и суть заболевания, но пока так и не смог найти «волшебную пулю». После того как вирус воздушно-капельным путем поступал

в организм через неповрежденные слизистые оболочки и поражал печень, в ней начиналась выработка большого количества белка, который превращал собственные гормоны и некоторые соединения организма, такие как тестостерон и холестерин, в соединение, сходное с анаболическими стероидами. Печень теряла способность эффективно расщеплять «соединение Х» (у Мохандаса не хватило сил дать ему более звучное наименование) или удалять его из организма. Поскольку истощались резервы нормальных гормонов, так как они превращались в смертельное вещество Х, то организм начинал лихорадочно вырабатывать гормоны, стремясь восполнить их дефицит, что, в свою очередь, способствовало увеличению продукции смертельного соединения. Порочный круг замыкался, что и приводило к появлению тяжелейших симптомов.

На конечной стадии заболевания погибало более сорока процентов больных. Кроме того, часто развивалась печеночная недостаточность, а гипертония вызывала инфаркты и инсульты; и все это вместе уносило еще множество жизней. Реже развивался тиреотоксический криз, и организм погибал от гормонального дисбаланса. В этих случаях запредельная лихорадка погружала больных в коматозное состояние, в котором они и умирали через несколько дней, переставая дышать. В подавляющем проценте случаев поражались сухожилия, а это делало инвалидами большинство выживших...

За следующий час Ракелла осмотрела сорок больных. Она перестала слышать стоны и паранойяльный бред, она перестала видеть ужас и мольбу в глазах, не ощущала гнилостного запаха разложения и смерти. Их учреждение уже давно стало хосписом, а не госпиталем. Некоторые умирали от вируса раньше, другие позже, некоторые мучились больше других. Некоторые вели себя героически, другие оказывались трусами, но в конце все это уже не имело никакого значения. Слишком много людей умирало.

Выйдя в коридор, Ракелла увидела приближавшегося Мохандаса. Она улыбнулась ему и с острой жалостью заметила, как он изможден и истощен. Вокруг маски были видны глубокие морщины, появившиеся на его лице за последнее время. В течение нескольких недель Мохандас работал за троих – он был врачом, исследователем и исполнял обязанности главного врача. У них было мало времени побыть вдвоем, но они давно любили друг друга, и любовь эта превратилась в неразрывные, счастливые узы. Правда, после того, как она столько времени провела наедине с безнадежностью и смертью, Ракелле отчаянно хотелось человеческого тепла, хотя бы на несколько мгновений.

Когда они оба прошли через дезинфекционный шлюз в стерильное помещение, Мохандас и Ракелла смогли наконец снять маски и поцеловаться. Взявшись за руки, они молча обнялись и обрели любовь в трагическом месте – госпитале для неизлечимых больных, – словно два цветка расцвели в середине вытоптанного поля сражения.

– Не знаю, надолго ли меня еще хватит, – грустно произнесла Ракелла севшим от усталости голосом. – Но как мы можем остановиться?

Она подошла к Мохандасу, и он обнял ее.

– Мы спасаем людей как можем. Что же касается тех, кто умирает, то мы хотя бы можем облегчить их страдания, – сказал Мохандас. – Я видел, как светлеют лица больных, когда они смотрят на тебя. У тебя чудесный дар.

Ракелла с трудом выдавила на лице улыбку.

– Иногда так тяжело выслушивать их отчаянные мольбы и жалобы. Когда мы не можем помочь, они взывают к Богу, к Серене, ко всем, кто готов выслушать их.

– Я знаю. Только что в пятой палате умер доктор Арбар. Было ясно, что долго он не протянет.

Врач заболел и впал в кому два дня назад. Лихорадка сожрала его, а организм оказался слишком слаб, чтобы сопротивляться вирусу и его токсинам.

По щекам Ракеллы заструились слезы. Доктор Хандри Арбар родился в бедном квартале Ниуббе, но сумел пробиться, получить степень доктора и стал беззаветно помогать людям, которым повезло меньше, чем ему. Это был герой госпиталя. Он отказывался от еды и питья и даже от специи, которая была так популярна в Лиге Благородных. Лорд Риков Батлер обеспечил госпиталь большим запасом специи, так как тоже не употреблял ее под влиянием жены, которая отказывалась от меланжа по религиозным соображениям. Но большинство врачей ели меланж, который поддерживал силы и укреплял выносливость.

– Еще одним врачом стало меньше. Иногда думаешь, а что, если... – Она осеклась на середине фразы, снова подумав о специи. – Подожди-ка, мне кажется, я что-то придумала.

Дело в том, что Ракелла давала больным специю в тех случаях, когда рассчитывала хотя бы ненадолго поддержать в них энергию и волю к жизни.

– Что такое?

– Знаешь, я пока ни в чем не уверена. – Ракелла взяла Мохандаса под руку, и они пошли в кабинет посмотреть истории болезни. Она быстро пролистала записи и разложила их в несколько стопок для параллельного сравнения. В течение часа она старательно просматривала файлы, один за другим высвечивая их на экран. Гора плазовых дисков на столе продолжала расти.

Доказательство было налицо.

– Да... Да!

Тяжело дыша, она торжествующе взглянула на Мохандаса.

– Общий знаменатель – меланж! Смотри. – Она начала показывать ему истории болезни, одну за другой. От волнения Ракелла начала в спешке глотать слова. – В большинстве случаев смертность зависит от классовой принадлежности пациентов. Но поначалу я не обратила на это особого внимания. Бедные люди заражаются чаще, чем аристократы и богатые бизнесмены. Это, казалось мне, не имело никакого значения, так как условия жизни и санитарное состояние жилищ у них одинаково. Качество питания также не отличается. Но если человек регулярно принимает меланж, то у него больше шансов не заболеть после экспозиции к ретровирусу, естественно, по сравнению с бедняками, которые не могут позволить себе покупать специю. Посмотри, даже в тех случаях, когда больные принимали меланж уже после заражения, инфекция протекала легче и было больше шансов на выздоровление.

Мохандас не мог спорить с такими объективными доказательствами.

– А доктор Арбар никогда не принимал меланж! И хотя он, видимо, не может быть средством исцеления, но все же смягчает течение болезни. Он усиливает сопротивляемость. – Он принялся расхаживать по кабинету, погружившись в раздумья. – Молекула меланжа невообразимо сложна. Это белок с огромным молекулярным весом, и корпорация «ВенКи» никогда не пыталась ни синтезировать, ни расщепить его. Вполне возможно, что сама молекула меланжа блокирует действие белка, с помощью которого вирус превращает гормоны в яд, в соединение Х. Может быть, меланж имеет близкое сходство по строению с этим вирусным токсином и вытесняет его из мест связывания, занимая его позицию, что и приводит к дезактивации фермента.

Ракелла вспыхнула.

– Не забывай, что первые симптомы инфекции – это мания преследования, спутанность сознания и агрессивность. Специя стимулирует процессы мышления – может быть, она, кроме того, помогает отразить первичную инфекцию.

Он обнял ее за плечи.

– Ракелла, если ты права, то это подлинный прорыв. Мы можем провести профилактику среди всего населения, которое пока не заразилось, дав ему в качестве иммунизации против вируса меланж.

– Да, но надо действовать без промедления, – сказала Ракелла. – Но где мы возьмем столько меланжа?

Мохандас печально опустил голову.

– Есть еще один, более серьезный вопрос. У тебя есть сомнения, что эпидемия уже не поразила другие планеты? Эпидемия может распространиться по Галактике как саранча. Нам надо передать эту новость в Лигу любой ценой.

Ракелла решительно перевела дыхание.

– Мой... Вориан Атрейдес – вот кто может это сделать!

Она выбежала из кабинета и бросилась в пустующий теперь узел связи госпиталя. Надо связаться с Атрейдесом, пока он не успел покинуть пределы солнечной системы Пармантье. Как Верховный главнокомандующий Армии джихада Вориан мог ускорить принятие решения об увеличении поставок специй на планеты, пораженные сконструированными машинами вирусом.

К ее радости связь пока сохранилась, и после некоторой задержки Вориан Атрейдес ответил на вызов. Она без всякого вступления изложила ему суть дела, потом подождала, когда закончится временной лаг передачи. Наконец в динамике раздался голос Вориана:

– Меланж? Если это правда, то нам понадобится чертова уйма этого порошка. Ты уверена, что это так?

– Уверена. Передай эту новость всем – и постарайся уцелеть.

– Ты тоже, – ответил он. – Я буду пролетать мимо штаб-квартиры «ВенКи» на Колхаре и напрямую поговорю с руководителями компании, торгующей меланжем.

Он добавил что-то еще, но раздавшийся в динамике статический треск заглушил его слова.

Успешный руководитель похож на хорошего игрока в покер – и тот и другой скрывают или искажают до неузнаваемости свои эмоции, чтобы партнеры не смогли использовать их против него.
Аврелий Венпорт. «Наследие бизнеса»



Почти две недели Вориан Атрейдес гнал «Мечтательного путника» с таким ускорением, какое мог выдержать только робот, стремясь любой ценой не терять времени и доставить жизненно важную новость в Лигу. Все тело ныло и болело, но он понимал, что каждая минута промедления может стоить еще одной человеческой жизни.

Если, увеличив скорость корабля до пределов переносимости, он сможет спасти хотя бы одного человека, то это с лихвой вознаградит его за все его преходящие и кратковременные страдания. Сам Агамемнон преподавал когда-то ему этот урок, проведя лечение, продлевающее жизнь. Боль – это малая цена, если ее платят за жизнь.

За время долгого путешествия у Вориана не появилось ни одного симптома, ни одного предупреждающего признака заражения новоявленной чумой, о которых предупреждала его Ракелла. Это означало, что, согласно ее знанию, у Вориана действительно есть иммунитет к этой вирусной инфекции. Это означало также, что он может поспешить и сделать нужное дело, не опасаясь, что заразит окружающих или заболеет сам. Его личной безопасности ничто не угрожало.

Вориан изменил курс, чтобы совершить краткий визит на Колхар, на верфи компании «ВенКи». В этой ситуации он считал полезным самому лично переговорить с главными поставщиками специй. Последствия открытия Ракеллы могли быть чрезвычайно важными.

Вориан сильно опечалился, когда, приблизившись к Колхару и начав принимать сообщения по линиям связи, узнал из новостей, что эпидемия уже поразила множество планет Лиги

Благородных. Омниус доставлял смертоносные торпеды с вирусами с беспощадной эффективностью, заражая планету за планетой, несмотря на все усилия правительств и народов поставить заслон на пути распространения эпидемии. Были наложены строгие карантин, но обычно эти мероприятия запаздывали; и даже если удавалось соблюсти карантин, то половина населения, запечатого на изолированной планете, была обречена.

Один только Вориан Атрейдес мог предложить действенную помощь, и все теперь зависело от согласия корпорации «ВенКи» помочь делу. Те, кто принимает специю, лучше сопротивляются Бичу.

«ВенКи» окружила завесой секретности свои торговые операции со специей, не давая доступа к технологии добычи и источникам поставок другим компаниям и правительствам Лиги. Кроме того, торговая компания имела монополию на производство опасных в эксплуатации коммерческих свертывающих пространство кораблей. Теперь в мозгу Атрейдеса сложилась окончательная ясная картина. Для того чтобы противодействовать распространению эпидемии, надо использовать быстроходные корабли для поставок специи. Для этого нужны свертывающие пространство корабли. И специя...

Вориан поклялся себе, что не покинет Колхар до тех пор, пока не добьется своего.

В конце концов, Норма Ценва лично отправилась с Ворианом на Салузу на борту «Мечтательного путника». Благодаря своим сверхъестественным способностям она предвидела его приезд и каким-то странным и необъяснимым чутьем понимала, что он привезет новости, которые приведут к не терпящим отлагательства действиям. Вориан не успел произнести и пары фраз, когда Норма твердо решила про себя три вещи: ситуация критическая, спасти ее может большое количество специи и она сама поедет на Салузу, чтобы обратиться к Парламенту Лиги.

После этого она приказала своему сыну Адриену изменить всю деятельность корпорации «ВенКи» и увеличить производство и доставку специи до самого высокого возможного уровня. Покончив с этим, она вместе с Ворианом отправилась к черно-серебристому курьерскому кораблю.

– Я лучше сосредоточусь на борту вашего корабля, чем здесь.

Она жестом указала на верфь, где после недавнего взрыва шел активный и очень шумный ремонт.

– Нам надо спешить изо всех сил, – добавила она.

Когда они поднялись над планетой, Вориан включил весьма умеренное ускорение, но после того, как Норма уверила его, что способна выдержать много большие нагрузки, чем сам Атрейдес, он снова погнал корабль на пределе его выживаемости. Бывший курьерский корабль вырвался из поля тяготения Колхара и по прямой рванул в сторону Салузы Секундус.

По пути Норма занималась своими расчетами и вычислениями, обложившись записями, электронными блокнотами и другими материалами, захваченными с Колхара. Любопытно, но ей не пришлось ничем этим воспользоваться. Вместо этого она погрузилась в глубины своего разума и отправилась в увлекательное путешествие, извлекая оттуда массу полезной информации, которая хранилась в ее памяти лучше, чем в любом блокноте. Ее мыслительные способности возросли до невероятной степени, превзойдя все мыслимые пределы.

Вориану казалось, что на борту, кроме него, нет ни одной живой души, но его это не тяготило – он привык путешествовать в одиночестве. Во время таких длинных утомительных перелетов он с удовольствием вспоминал о своих путешествиях с Севратом на борту этого курьерского корабля с обновлениями. Среди всего этого разгула войны и ее ужасов, в чумном безумии было бы неплохо отвлечься игрой или даже послушать неуклюжие – с претензией на юмор – шутки Севрата.

* * *

Покачнувшись и дернувшись, «Мечтательный путник» совершил посадку в космопорту Зимии. Стоял прохладный день, и взлетно-посадочная полоса продувалась сильным ветром. Норма вышла из своего транса, посмотрела в иллюминатор и увидела столицу Лиги.

– Мы уже прибыли?

По дороге к зданию Парламента Норма и Вориан узнали, что за несколько прошедших недель эпидемическая обстановка резко ухудшилась: болезнь появилась еще на десятке планет Лиги. Лучшие ученые пока не могли найти средства борьбы с заразой, но открытие Ракеллы относительно специи уже достигло Салузы на быстроходных разведывательных кораблях, свертывающих пространство, и заказы меланжа сильно возросли. Но одно знание о том, что меланж является эффективным средством – пусть даже не полного излечения, но все же лечения, – не могло помочь увеличить поставки специи в должной мере.

Норма надеялась, что ее выступление в Парламенте поможет переломить ситуацию.

Ментальным усилием она улучшила свой внешний вид, пригладила светлые волосы и смягчила черты лица. Хотя лично для нее физическая красота мало что значила, и она удовлетворялась тем, что ее организм работает достаточно хорошо, чтобы поддерживать свое здоровье в условиях постоянных перегрузок, Норма следила и за внешностью в память о своем покойном муже.

Поднимаясь вслед за стремительным Верховным главнокомандующим по ступеням, она очень ясно увидела свое исключительно важное место в разворачивающейся перед ее глазами истории человечества. Норма рассматривала себя как нечто эфемерное, невидимое, как дуновение воздуха, поддерживающего горение свечи. Ее мало интересовало, сохранится ли в истории ее имя; она думала лишь о деле. И о спасении жизней.

– Вы готовы? – спросил Вориан. – Мне кажется, что вы витаете где-то очень далеко.

– Я... везде. – Она прищурила глаза, потом всмотрелась в возвышающееся перед ней здание. – Да, я здесь.

Когда они приблизились к дверям Парламента, то увидели группу взволнованных, одетых в желтое монахов, которые, охваченные волнением, несли прозрачную емкость с отделенным от тела мозгом. Норма с любопытством взглянула на эту торопливо пробежавшую мимо группу. Хотя сама она никогда не беседовала с этими древними философами, ее мать Зуфа Ценва рассказывала ей об этих таинственных когиторах, странных уединенных мыслителях.

– Видад, один из когиторов-отшельников, мыслитель башни из слоновой кости, – произнес Вориан, не скрывая отвращения и неприязни. Он ввел Норму в вестибюль, под гулками сводами которого суетливо сновало множество людей. – Не хотел бы я, чтоб он снова вмешался, как тогда, со своим дурацким предложением о мире.

После того как Серене пришлось пожертвовать собой, чтобы исправить положение, нарушенное когиторами, Видад провел полсотни лет на Салузе, изучая исторические документы и последние философские трактаты. Кроме того, он довольно назойливо занимался политикой, пытаясь вмешиваться в решения Совета джихада. Вориан от всей души желал, чтобы это чудо скорее вернулось на свою замороженную Хессру.

Войдя в зал заседаний, они увидели, что на месте председателя сидит Великий патриарх Ксандер Боро-Гинджо с неизменной цепью – знаком духовной власти над народом – на шее. Рядом с ним восседал высокий и худой временный вице-король Лиги О'Кукович. Хотя официально он являлся вождем и руководителем Лиги, в действительности это был не более чем свадебный генерал, лишенный реальной власти. Он был чем-то вроде затычки, которой закрывали ненужное отверстие.

Вориан и Норма заняли два места в переднем ряду собрания. Их появление вызвало заметное оживление, хотя Парламент заседал уже долгое время и обсуждал стремительно распространяющуюся эпидемию – этот Дьявольский Бич. Было известно, что к настоящему моменту болезнью поражены пятнадцать планет, и все боялись, что их еще больше, просто весть об этом пока не достигла столицы Лиги. Совет джихада уже предложил несколько строгих военных и медицинских мер для предотвращения проникновения страшной заразы на Салузу Секундус.

Вориан изучил повестку дня, просмотрел длинный список выступающих – против каждого имени стояла пометка «срочно». Он вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Что ж, придется подождать.

Норма явственно слышала панические нотки в голосах выступающих депутатов, видела печать страха на их лицах. Сидевшие рядом представители планет о чем-то тревожно перешептывались. Хотя она продолжала заниматься своими вычислениями на периферии сознания, она прекрасно осознавала масштаб катастрофы, слушая одно краткое выступление за другим. Пока на Салузе Секундус никто не заразился, и Парламент вполне серьезно обсуждал вопрос о введении полной блокады планеты, чтобы защитить ее население от страшной инфекции.

Норма встрепенулась, когда на трибуну поднялась следующая из выступавших – руководительница колдуний Россака, ее сводная сестра Тиция Ценва. На ее алебастровом безупречном лице была явно написана буря эмоций и страстей, длинные светлые волосы и белое, как слонобая кость, платье развевались, словно в зале дул ветер. Тиция взглядом усмирила аудиторию, заставив замолчать всех одним своим присутствием.

Глядя на нее, Норма не ожидала ни приветственной улыбки, ни даже кивка от сестры. Несмотря на экстраординарные таланты своих представителей, семья была расколота, и куски ее разлетелись далеко друг от друга.

Много лет мать не желала знать Норму, как самый большой провал в своей жизни, и сосредоточила все свое внимание на деятельности во благо джихада. Обладая незаурядными способностями и будучи великой колдуньей, Зуфа Ценва долго ожидала рождения безупречной дочери и, в конце концов, сумела родить абсолютно здоровую Тицию. Но, превзойдя всякие ожидания матери, Норма сумела самостоятельно трансформировать свое тело. После этого, оставив дочь, рождения которой Зуфа, по ее же словам, столь долго и страстно желала, на попечении колдуний Россака, она занялась делами Нормы. А потом Зуфа погибла вместе с Аврелием.

Тиция росла и воспитывалась на Россаке, проявляя все ментальные способности, о которых молилась ее мать, но жила она в вакууме, который постепенно наполнялся негодованием. Прошли годы, Тиция стала Главной колдуньей, подобно Зуфе Ценва, но Тиция была еще строже и суровее, чем мать, еще более фанатично преданной делу джихада. Погруженная в свои теории и вычисления, не говоря уже о делах корпорации «ВенКи», Норма редко выкраивала время, чтобы навестить свою сводную сестру; они не могли считаться подругами даже в самом широком смысле этого слова.

Тиция встретила взглядом с Нормой, мгновение поколебалась, но потом начала свою речь, мечта грома и молнии каждым своим словом, каждым вздохом. Депутаты содрогнулись от такого выступления.

– Мы, колдуньи, отдавали свои жизни годами, истребляя кимеков всюду, где они принимались преследовать людей. Я видела, как гибли мои сестры, выстреливая свои эмоции, свой мозг, свое сознание, чтобы убить и унести с собой в могилу еще одного кимека. Так мы уничтожили многих из них, включая первоначальных титанов. Я всегда готова сделать то же, если появится враг. Но теперь, в течение последних десятилетий, опасность со стороны кимеков отступила.

Бревин О'Кукович одобрительно зааплодировал.

– Колдуньи Россака сослужили великую службу человечеству.

Тиция недовольно взглянула на человека, перебившего ее, и продолжила:

– Так же как и многие другие, сэр. Теперь, перед лицом разразившейся страшной эпидемии, я должна подчеркнуть, что мы, колдуньи, получили другую точку приложения наших способностей. Так как на нашей планете нам приходится жить в очень суровых условиях, мы усердно составляем генеалогические древа и прослеживаем родословные многих поколений и, значит, понимаем все значение генетической наследственности как сырого материала для воссоздания человечества. Если эта насланная на нас Омниусом зараза будет распространяться и дальше, если положение осложнится и ухудшится, то мы сможем оказаться перед угрозой потери многих ветвей нашего вида; это будут уже не просто потери, это будет уничтожение пути в будущее.

Теперь, когда на одной планете за другой уничтожаются целые семьи, целые города, наша реакция не может быть слишком скорой или слишком энергичной. Наш род находится в величайшей опасности. Хотя мы прилагаем массу усилий для того, чтобы отыскать способ излечения этой страшной заразы, способ борьбы с этим Бичом Дьявола, мы также должны сделать все возможное и невозможное для того, чтобы сохранить лучшие образцы ДНК, прежде чем они будут для нас безвозвратно утрачены – мы должны защитить и сохранить ключевые маркеры некоторых сильных линий в человеческих родословных. Если мы не сделаем этого, болезнь может стереть их полностью и навсегда. Мы должны организовать и провести программу защиты генетической информации всех людей, на всех планетах. – Она гордо вскинула голову. – Мы, колдуньи, можем и должны выполнить такую программу.

Норма смотрела на манипулирующую залом сводную сестру, не вполне понимая, чего она хочет добиться своим предложением. Хотя Верховную колдунью вряд ли можно было назвать сентиментальной дамой, она, как и Зуфа Ценва, была фанатичным приверженцем джихада.

Тиция обвела электризующим взглядом зал, намеренно избегая смотреть на Норму.

– Я предлагаю, чтобы колдуньи отправились на планеты, не пораженные эпидемией дьявольской болезни, и отобрали здоровых кандидатов. Мы можем составить банки проб крови, сохранить наследственные признаки семей, если уж мы не сумеем спасти сами семьи. Позже, когда машины будут разбиты, мы сможем воспользоваться этими пробами для того, чтобы восстановить население.

Великий патриарх, кажется, тоже не вполне понял суть предложения.

– Но если этот Дьявольский Бич уничтожает половину населения, то у нас останется очень много уцелевших. Является ли действительно необходимой операция такого размаха?

Тиция испустила намеренно долгий вздох и ответила:

– Но останется ли *верная* половина? Рассчитывать надо на худшее, Великий патриарх. Мы должны сделать это до того, как станет слишком поздно. Надо поступить, как древний Ной, но в большем масштабе. Нам надо успеть взять пробы с самыми сильными генетическими признаками на каждой планете, и сделать это надо до того, как эпидемия распространится по всей Лиге. Нам понадобится вся ДНК, которую удастся спасти и сохранить, чтобы гарантировать достаточное разнообразие во имя сохранения здоровья нашего рода и нашей расы.

– Но почему бы не научиться лечить эту проклятую болезнь? – растерянно спросил один из депутатов. – Зараза проникает всюду!

Великий патриарх призвал присутствующих к порядку.

– Мы уже организовали добровольческий корпус из врачей, чтобы оказать помощь пораженным планетам, где катастрофически не хватает медицинских кадров. Может быть, колдуньям стоит собрать пробы и там?

Тиция взглянула на патриарха, как на слабоумного.

– Слишком поздно. Какая-то часть тамошнего населения, конечно, выживет, но генетический фонд уже испорчен. Мы должны сконцентрировать усилия там, где они принесут наи-

большой положительный эффект. Мы ничего не получим на планетах, уже пораженных эпидемией.

– Хорошо-хорошо, – примирительно произнес вице-король, выразительно взглянув при этом на часы. – Я не вижу оснований отказывать колдуньям в том, чтобы и они внесли свой вклад к мерам, которые мы уже предпринимаем по всей Лиге. Вы найдете достаточное количество добровольцев-женщин на Россаке?

– Мы найдем больше чем достаточно.

– Вот и отлично. Я вижу, что следующий пункт повестки дня может стать более обнадеживающим. Верховный главнокомандующий Вориан Атрейдес? И некто по имени Норма Ценва? – Очевидно, О’Кукович не знал, кто такая Норма, но его память вообще не отличалась надежностью. – Вы не хотите изложить детали использования меланжа в борьбе с эпидемией?

Вориан проводил Норму к трибуне, а Тиция проявила явное беспокойство по поводу своего мнимого унижения. Хотя сообщение было доставлено недели назад, Вориан вкратце рассказал о своем посещении Пармантье и об открытии, сделанном его внучкой Ракеллой.

– Согласно донесениям, поступающим с других планет, это заключение верно. На каждой планете есть люди, обладающие необъяснимым иммунитетом к заболеванию, но у всех этих людей есть кое-что общее. Те, кто потребляет меланж, обладают повышенной сопротивляемостью, если даже и не стопроцентным иммунитетом. Специя – дорогое, но эффективное лекарство. Мощное оружие в борьбе с Дьявольским Бичом!

Вориан отошел в сторону, уступив место на трибуне Норме. Она не колебалась ни секунды.

– Таким образом, становится ясно, что необходимы большие количества меланжа, который надо как можно скорее доставить на множество планет. Я предлагаю воспользоваться для этого возможностями корпорации «ВенКи».

– Это уловка, повод к увеличению добычи специи – для повышения ваших доходов! – крикнул из четвертого ряда какой-то депутат – мужчина крупного телосложения.

– Это верно, компания «ВенКи» является главным поставщиком специи в Лиге и, кроме того, в нашем распоряжении имеются свертывающие пространство корабли, с помощью которых можно быстро доставить меланж на пораженные инфекцией планеты.

С внезапно охватившей ее подавленностью Норма подумала о том, что если бы эти перепуганные и сверх меры фанатичные люди не заставили ее отказаться от компьютерных навигационных систем, то уровень безопасности полетов на кораблях, свертывающих пространство, мог бы стать существенно выше. Может быть, стоит тайно установить на судах вычислительные системы...

Твердым голосом она продолжила:

– Я уже отдала распоряжения относительно максимального увеличения добычи меланжа на Арракисе. В память о моем любимом покойном муже, патриоте Аврелии Венпорте, я буду поставлять меланж на инфицированные планеты бесплатно как гуманитарную помощь.

По залу прокатился ропот удивления. Норма посмотрела на человека, выкрикнувшего обвинение.

– Думаю, что это снимает все подозрения в том, что мы хотим нажиться на трагедии?

Адриен, как настоящий бизнесмен, конечно, будет недоволен таким решением, скажет, что корпорация «ВенКи» и так уже пожертвовала очень многим, но сейчас Норма не интересовалась прибылью. Она поступала правильно.

Представители планет оживились, но Тиция Ценва, сидевшая теперь в первом ряду, не разделяла всеобщей радости. Она склонилась к уху Великого патриарха. Вид у нее был поистине заговорщический. Глаза круглолицего патриарха вспыхнули от того, что нашептывала ему Тиция. По мере того как она говорила, он кивал все более и более энергично. Наконец Ксандер Боро-Гинджо встал и потребовал тишины.

– Мы ценим бескорыстное предложение корпорации «ВенКи», но в настоящем тяжком положении одного такого жеста далеко недостаточно. Даже при напряжении всех своих сил, одна компания не в состоянии произвести достаточно меланжа для того, чтобы смягчить последствия кризиса, если, конечно, меланж действительно производит профилактический и лечебный эффект. Каким-то образом надо увеличить добычу специи в десятки и сотни раз.

Он откашлялся, на его лунообразном лице появилась кривая лукавая усмешка.

– Поэтому, ради блага человечества и выживания нашего биологического вида, я объявляю об аннексии Арракиса, включении его в состав Лиги Благородных и об открытии этой планеты для любого, кто пожелает помочь в добыче специи в песках пустыни этой планеты. Теперь не время осторожничать и проявлять консервативность в отношении этого ресурса. Человеческий род нуждается в каждом грамме меланжа.

Норма успела заметить, что Тиция очень довольна таким поворотом событий. Ей, видимо, казалось, что она одержала важную победу. Учитывая обстоятельства, сейчас было не время оспаривать решение Великого патриарха, но Норма надеялась, что оно не нанесет смертельный удар по корпорации «ВенКи».

Обитатели же отдаленной планеты Арракис не подозревали, что ждет их в самом ближайшем будущем.

Некоторые утверждают, что текущая в моих жилах кровь Харконненов бесчестит меня, но я не принимаю эту ложь, эти попытки запятнать память моего деда. Для меня поступок Ксавьера Харконнена есть проявление чести, а вовсе не трусости.

Абулурд Харконнен. Письмо главнокомандующему Вориану Атрейдесу



Бич Омниуса поражал одну планету за другой скорее, чем там успевали установить карантин или эвакуировать население.

Во исполнение программы сохранения генного фонда, предложенной Тицией Ценва, Армия джихада направляла наблюдательные и спасательные корабли на возможно большее число не пораженных болезнью планет. Добровольцы из числа колдуний отбирали пробы у лучших, на их взгляд, представителей местных популяций, чтобы спасти по крайней мере генофонд. Некоторым эта стратегия казалась пораженческой, трусливой уступкой к худшему сценарию, согласно которому болезнь, в конце концов, распространится по всем планетам Лиги без исключения.

Одну из таких миссий возглавлял, несмотря на свой не слишком высокий чин кварто, молодой Абулурд Батлер. На этот раз с миссией находилась сама Верховная колдунья джихада. Учитывая его звание, Абулурд не мог рассчитывать на какое-то право распоряжаться, но номинально за успех малочисленной быстрой экспедиции на Икс отвечал именно он. Таких миссий, состоявших из небольшого количества армейских кораблей, было снаряжено в последнее время великое множество. В задачу солдат и офицеров входило улаживание возникавших в ходе выполнения программы конфликтов, которые были неизбежны, учитывая общую критическую ситуацию.

Некоторые аристократы Лиги полагали, что Абулурду Батлеру уже в силу его рождения была обеспечена блестящая военная карьера, но примеро Квентин Батлер не давал хода своему младшему сыну. Абулурд полагал, что к этому новому назначению приложил руку Верховный главнокомандующий Атрейдес – тем более предполагалось, что эта миссия относительно безопасна. Вориан продвигал Абулурда при первой возможности, но сам молодой кварто предпо-

чел бы оказаться на планете, реально пораженной вирусом, чтобы доставить требуемую медицинскую помощь, добровольцев и меланж.

Видавший виды штурмовик Абулурда был отправлен на Икс для установления карантина, начала проведения профилактических мероприятий и для отбора генного материала – лучшего, который мог сохраниться у некоторых представителей местного населения после длительного господства на планете мыслящих машин. Почти семьдесят лет назад планета была освобождена от власти и гнета Синхронизированных Миров. Тиция была особенно заинтересована в иксианском генетическом материале, так как этот генофонд пока не был усвоен населением Лиги.

К несчастью, в момент прибытия экспедиции Абулурда на планету выяснилось, что на ней уже появились первые признаки эпидемии – иррациональная мания преследования и агрессивное поведение толпы, похудание, поражения кожи и изменения ее окраски. Было неясно, взорвались ли в атмосфере контейнеры с инфицирующим материалом или заразу занес на планету какой-нибудь торговец или беженец из горячей точки. Были поражены целые поселения; другие населенные пункты были на грани заражения.

Стоя на мостике штурмовика, Абулурд стонал от сознания собственного бессилия.

– У нас только один корабль! Как сможем мы спасти весь этот народ?

Верховная колдунья скорчила презрительную гримасу, высказав прежде всего озабоченность по поводу собственных задач:

– Икс – это всего лишь одна планета. Население здесь настолько велико, что мы не сможем сохранить и спасти его при всем желании. Не надо даже пытаться. Нам надо покинуть планету. Ее генофонд уже испорчен.

Абулурд, однако, горел желанием помочь.

– Покинуть планету? Мы летели сюда несколько недель.

– В этом нет никакого смысла, кварто Батлер.

Молодой офицер казался неопытным мальчиком рядом с этой устрашающе могущественной женщиной, но Абулурд представил себе, что сделал бы на его месте Вориан Атрейдес.

– К счастью, мадам, команду здесь я. У нашей миссии может быть не только ваша цель, – сказал Абулурд. Возможно, он не так хорошо понимал генетическую значимость отбора, как колдунья, но он чувствовал, что в моменты таких народных бедствий сочувствие и сострадание важны гораздо больше всякого понимания. Зато он мог понять, что такое жизнь человека в отличие от запутанного понятия генного фонда. – Я не вижу причин, по которым мы должны отказать этим людям в помощи. Почему бы не приземлиться в отдаленном районе, где пока нет признаков заражения? Мы можем распределить там весь запас меланжа, который есть на борту, чтобы помочь тем, кого мы не сможем забрать с собой. Мы же можем спасти хоть немногих?

– Это потребует взятия анализов, тестирования, обсервации и прочих чрезвычайных процедур.

В ответ Абулурд только пожал плечами.

– Значит, мы проведем их. Я уверен, что мы справимся.

Колдунья бросила на Абулурда растерянный взгляд, но не стала продолжать спор, так как экипаж уже начал получать сигналы и последние сведения из населенных пунктов, рассыпанных по поверхности планеты. Просмотрев эти сообщения, Тиция обратила особое внимание на одно из расположенных под землей поселений.

– Если вы настаиваете на таких действиях, кварто, то я предлагаю начать вот с этого места. Согласно донесениям, в этой деревне чисто, хотя я и не доверяю их возможностям диагностировать первые, малозаметные признаки заразы. Мы отберем нужные нам образцы и посадим их на обсервацию для исключения заболевания. Мы отделим их от прочей популяции, проведем тесты и заберем с собой лиц с неповрежденной наследственностью. У многих других я просто возьму пробы крови.

Абулурд кивнул и отдал соответствующий приказ. Возможно, он был слишком молод, чтобы распоряжаться, но он был Батлер, и солдаты слушались его беспрекословно.

Кубрики экипажа располагались в хвостовой части корабля, и Абулурд приказал людям уплотниться, чтобы освободить помещение для тех, кто будет взят с планеты. Он не думал, что усилия по спасению будут столь тщетными, как полагала Тиция Ценва. Но даже при максимальном уплотнении штурмовик мог взять на борт не больше нескольких сотен человек. Это, конечно, не эвакуация, а символический жест.

Во время снижения он стоял на мостике и осматривал ландшафт планеты. Он никогда прежде не бывал на Иксе, но знал о его историческом значении.

– Мой отец оборонял Икс во время последнего вторжения машин и был заживо погребен в одном из туннелей, – сказал он, прямо не обращаясь к Тиции. – Вообще чудо, что он выжил.

Квентин редко рассказывал об этом эпизоде, и было заметно, что каждый раз, когда ему напоминали об этом, его охватывал приступ клаустрофобии. Абулурд вспомнил и истории, рассказанные Ворианом Атрейдесом.

– Мой дед привел сюда первый флот, который отвоевал планету у всемирного разума. Тогда деда объявили героем джихада.

Тиция скривилась и искоса взглянула на молодого офицера.

– Но, в конце концов, Ксавьер Харконнен оказался глупцом, трусом и худшим из предателей.

Абулурд сдержал гнев.

– Вы не знаете подробностей, колдунья. Не поддавайтесь пропаганде. – Голос его был спокоен, но в нем звучали металлические нотки.

Она вперила в Абулурда взор своих светло-голубых глаз.

– Я знаю, что Ксавьер Харконнен убил моего биологического отца Иблиса Гинджо, Великого патриарха джихада. Никакие объяснения и никакие недоразумения не могут оправдать такого преступления.

Смущенный Абулурд решил не развивать тему. Он слышал, что колдунии Россака больше озабочены не смертностью, а генетикой. Или просто Тиция дала волю эмоциям, и они затмили ее разум?

Армейский штурмовик приземлился в заданной точке. Дома и другие строения только подчеркивали пустынную ландшафта вблизи входов в подземные гроты и туннели. Зная о прибытии корабля, отчаявшиеся иксианцы собрались на площадке и немедленно окружили приземлившееся судно. Люди бросились к кораблю с восторженными криками, приветствуя Абулурда и его экипаж как своих спасителей. Каждый из этих людей хотел бежать с планеты, пока до их деревни не дотянулся карающий Бич.

У Абулурда стало тяжело на сердце. Судя по их лицам, они еще не понимали, как мало может кто бы то ни было помочь им. Всех запасов меланжа на его корабле едва хватит на то, чтобы поддержать их сопротивляемость на очень короткое время. Потом он вспомнил, что предлагала Тиция, которая вообще не хотела высаживаться здесь, и все, что бы он ни сделал, будет лучше, чем просто бросить их на произвол судьбы.

Закрыв верхний отсек корабля и произведя в нем дополнительную дезинфекцию, Абулурд вызвал на палубу группу наемников. Несмотря на то что по данным медиков вирус проникал в организм только через влажные слизистые оболочки и открытые раны, он приказал экипажу надеть изолирующие костюмы полного профиля и включить защитные поля. Никакая осторожность в данной ситуации не может оказаться излишней.

На одном из таких штурмовиков, вывезшем беженцев с пораженной планеты Занбар, из-за небрежности и недостаточности профилактики заболела половина пассажиров и треть членов экипажа. У них на борту не оказалось достаточно меланжа, чтобы защититься от инфекции. Абулурд не хотел подвергать такой опасности собственный экипаж.

Колдунья уже надела костюм и ждала, когда к ней присоединится Абулурд. Он в принципе был ей не нужен, и более того, она не желала с ним работать, но он был офицером, руководившим миссией. Тиция будет отбирать нужных ей людей среди надеявшегося на лучшее населения, а наемники будут распределять меланж и продовольствие, чтобы помочь людям выстоять в надвигавшейся беде.

Вооруженные ружьями и игольными пистолетами наемники сошли с корабля, чтобы навести в толпе какую-то видимость порядка. Одетый в непроницаемый костюм Абулурд вышел из корабля под ослепительные лучи яркого иксианского солнца. Уже несколько недель он дышал стерильным безвкусным и отфильтрованным воздухом корабля; в другой ситуации он сейчас с наслаждением бы вдохнул свежий природный воздух. Тиция сошла с трапа с такой грациозностью, словно на ней не было тяжелого и громоздкого костюма. Оглядывая толпу и отбирая предварительно своих кандидатов, она поворачивала голову из стороны в сторону под большим прозрачным шлемом.

Ожидавшие люди заволновались, приветственные крики сменились тихими разговорами, лица стали серьезными и сосредоточенными. Внезапно Абулурд с тревогой сообразил, что горстки его вооруженных наемников может не хватить на то, чтобы справиться с толпой, если дело дойдет до насилия. Как-никак иррациональное поведение и склонность к агрессии были в числе первых признаков начавшегося заболевания. Наемники и солдаты не могли стрелять, не отключая защитного поля, а это делает их вдвойне уязвимыми. Значит, переговоры надо вести аккуратно и с осторожностью.

– Кварто, – начальственным тоном обратилась Тиция к Абулурду, словно командование перешло к ней, – проследите за тем, чтобы образцы, которые я отберу, были доставлены на борт, помыты и осмотрены. Держите их в изоляции до тех пор, пока мы не убедимся в том, что они здоровы. Мы не можем допустить, чтобы больные заразили здоровых.

Абулурд отдал соответствующий приказ. Этого хотела Лига, ради этого их сюда и прислали. По крайней мере хотя бы некоторых из этих несчастных удастся спасти. На трапе показались еще десять вооруженных солдат в защитных полях и костюмах. Они несли с собой «меланжевый дар» Лиги. Правда, этого количества было явно далеко недостаточно.

Колдунья вошла в толпу иксианцев, часто наклоняясь над большинством из них. Она отбирала молодых мужчин, женщин и детей, которые выглядели здоровыми, умными и сильными. Хотя ее выбор был сейчас в достаточной степени произвольным, солдаты Абулурда отводили отобранных в сторону, отделяя их от остальных. Но вскоре замешательство толпы превратилось в гнев и агрессию. Выбирали мужей, но без жен, детей разлучали с родителями. Охваченные ужасом иксианцы наконец поняли, что это не спасательная экспедиция, и те, кто прибыл, не собираются даже облегчать их участь.

Раздались злобные крики. Наемники Абулурда взяли оружие на изготовку, надеясь, что защитные поля выдержат удары любых предметов, которые могут бросить в них из толпы. Одна девочка дико кричала, не желая уходить от матери и вцепившись в ее руку. Понимая, что ситуация начинает выходить из-под контроля, Абулурд решил вмешаться и вызвал по связи колдунью.

– Колдунья, это не имеет ни малейшего смысла. Мать тоже выглядит здоровой. Почему вы не берете и ее?

Бросив презрительный взгляд на толпу, Тиция уставила свой мертвенно-светлый взгляд в Абулурда; лицо колдуньи не выражало ничего, кроме нетерпения и досады.

– Какой прок брать еще и мать? Если мы получим дочь, то одновременно получим и весь генетический набор. Будет гораздо полезнее взять еще одного постороннего человека, чтобы спасти еще одну генетическую линию.

– Вы разлучаете семьи! Это совсем не то, что была намерена сделать Лига!

– Для выявления ключевых маркеров в каждой линии нам нужно по одному образцу. Зачем загружать корабль дубликатами? Вы же сами знаете, что на корабле нет лишних мест.

– Может быть, есть какой-то другой способ? Вы не говорили мне, что это будет делаться таким бесчеловечным, ужасным...

Она не дала ему договорить.

– Я не говорила, что мы вообще можем это сделать, кварто. Но вы настояли на своем. Подумайте. Не мы, так болезнь все равно разлучит эти семьи. Я больше озабочена сохранением рода человеческого, а не этими сопливыми сантиментами. – Она отошла от Абулурда и продолжила свой предварительный отбор. Не обращая внимания на угрожавшую ей лично опасность, колдунья выбирала один образец за другим, выводя их из толпы и отделяя от массы надеющихся.

Седовласая женщина и ее лысеющий муж пробились к колдунье.

– Возьмите нас! Мы хорошо заплатим за труды.

Колдунья грубо прогнала их:

– Вы слишком стары.

Подобным же образом она отбраковывала и остальных, громко произнося: бесплодна, физически слаб, недостаточно развит, непривлекательна внешне. Тиция выступала генетическим судьей и вершителем судеб.

Абулурд был в ужасе. И это она, эта женщина, смеет думать, что *Ксавьер Харконнен* совершил непростительное бесчеловечное преступление? Он прикрыл глаза, лихорадочно соображая, как прекратить эту отвратительную комедию. Как заставить ее остановиться и перестать играть роль Господа Бога? Но в глубине души Абулурд понимал, что она, по сути, права. Маленький потрепанный штурмовик не мог взять на борт всех.

– По крайней мере примените более честный способ селекции. Пусть они бросают жребий. Это должно быть...

Она не стала слушать его, не проявив уважения ни к нему, ни к его офицерскому званию. Но Абулурд сомневался, что она отреагировала бы по-другому, будь он хоть примеро.

– Вы с самого начала знали, что мы можем спасти лишь ничтожную горсть. Теперь не мешайте мне делать мое дело.

Тиция нетерпеливо продолжала осмотр, в то время как наемники расчищали ей путь. Люди пробивались в первые ряды, стараясь спастись, другие вырывались за периметр оцепления и бежали к кораблю, словно хотели взять его штурмом и улететь. Зазвучали первые выстрелы, когда толпа попыталась напасть на наемников. Абулурд резко повернулся на треск выстрелов. Пистолетные иглы сразили нескольких заводил из толпы, но остальные продолжали напирать, выкрикивая яростные проклятия. Даже стрельба не смогла остановить разъяренную толпу. Теперь Абулурд рассмотрел, что у некоторых людей были желтоватые белки глаз и кожа – следовательно, они были инфицированы.

Те иксианцы, кого Тиция уже отобрала, сгруппировались близ трапа, со страхом взирая на остальных. У некоторых на лицах было написано желание вернуться назад и умереть со своими близкими.

Хотя Абулурд от души сочувствовал всем этим людям, он не знал, как выпутаться из этой ситуации. Он приказал наемникам и солдатам стрелять только по конечностям и не убивать никого без крайней необходимости. Но толпа уже воспламенилась.

– Остановитесь, глупцы! – Голос Тиции ударил по барабанным перепонкам, как раскат грома, усиленный громкоговорителями костюма и ее телепатическими способностями. Поразившая нервы команда заставила толпу отпрянуть и на какое-то время затихнуть. – Мы не можем взять на корабль всех вас, поэтому, по необходимости, мы отбираем лучших, тех, кто может стать источником восстановления родословных и генофонда. Я выбрала таких. Ваша недисциплинированность вредит всем.

Но слова Тиции лишь еще больше разозлили и без того разъяренную толпу. Люди пришли в неопишное неистовство и бросились на нее и вооруженных наемников охраны. Абулурд выкрикивал приказы и команды, но его уже не слушали даже его собственные солдаты.

Верховная колдунья Россака содрогнулась от недовольства и отвращения. Она подняла свою затянутую в перчатку руку, и Абулурд заметил, что на кончиках ее пальцев пляшут электростатические искры. Колдунья выпустила в толпу невидимый заряд, и бесшумный взрыв отбросил прочь сотни людей. Они полегли, как пшеничные колосья от порыва шквального ветра. Некоторые упали и остались лежать, корчась от боли с обожженной кожей, стремительно покрывавшейся волдырями. Один мужчина вообще обуглился, и от его сожженной кожи и волос поднималась струя дыма.

Статические разряды танцевали по телу Тиции, которая разрядила ментальную энергию в толпу. Наконец иксианцы, испугавшись, притихли. Те, кто устоял на ногах, в ужасе отошли назад. Колдунья окинула их долгим уничтожающим взглядом, а потом приказала солдатам отвести последних отобранных кандидатов на судно для окончательной отбраковки.

– Мы улетаем с этой планеты.

Абулурду было почти физически плохо. Стоя на трапе рядом с Тицией, он ожидал окончания погрузки. Колдунья была вне себя от ярости.

– Эгоистичные черви. Стоило ли тратить силы, чтобы спасти этих низших людишек?

Но с него хватило. Чаша терпения Абулурда переполнилась.

– Вы не смеете обвинять в том, что они пытались спастись.

– Спастись, не заботясь о жизни других. Я действую во благо всего человеческого рода. Мне же ясно, что у вас кишка тонка принимать трудные решения. Неуместное сочувствие может погубить всех нас. – Она скривилась и произнесла, намеренно причиняя ему обиду: – На мой взгляд, кварто Батлер, вы слабы и ненадежны в критических ситуациях... вероятно, вы непригодны к командным должностям. Как ваш дед.

Вместо того чтобы почувствовать себя уязвленным, Абулурд ощутил злобу и ненависть. От Вориана Атрейдеса он знал о героических деяниях Ксавьера Харконнена, пусть даже они и остались не занесенными в анналы истории.

– Мой дед проявил бы больше сочувствия к этим несчастным, чем вы.

Конечно, мало кого теперь интересовала истина. История была уже признана всеми, тем более что сменилось уже два поколения. Но сейчас, видя вызывающее невежество этой женщины, он принял дерзкое и импульсивное решение.

Хотя его братья и отец склонили головы перед этой ложью, Абулурд поклялся никогда не стыдиться своего настоящего имени. Надо перестать прятаться. Если он будет и дальше терпеть это, то никогда и ничего не сможет совершить с честью.

– Колдунья, мой дед никогда не был трусом. Подробности его смерти были утаены во имя продолжения джихада, но он сделал то, что надо было сделать, чтобы вывести из игры Великого патриарха и предотвратить тот непоправимый вред, который он мог причинить. Иблис Гинджо был воплощением зла, но не Ксавьер Харконнен.

Ошеломленная этими словами, колдунья протестующе и недоверчиво посмотрела в глаза Абулурду.

– Вы оскорбляете память моего отца.

– Правда остается правдой, как бы горька она ни была. – Абулурд гордо поднял голову. – Батлер – благородное и очень почетное имя, но таково же и имя Харконнен. И это станет моим именем отныне и до конца моих дней. Я объявляю открыто о своем истинном происхождении.

– Что это еще за глупость?

– Отныне вы будете обращаться ко мне как к Абулурду Харконнену.

Война – это насильственная форма бизнеса.
Адриен Венпорт. Коммерческий план операций со специей Арракиса



В Лиге благородных это называли «меланжевой лихорадкой».

Как только выяснилось, что специя полезна в лечении смертельного Бича, крепкие мужчины и женщины с самых отдаленных планет бросились на Арракис в поисках счастья и богатства. Толпы старателей и поставщиков экскаваторов хлынули целыми кораблями на эту некогда пустынную и заброшенную планету.

Исмаил не верил своим глазам, когда впервые за много десятилетий попал в это сумасшедшее капище – Арракис-Сити. Картина напомнила ему о полузабытой поритринской Старде, откуда он бежал много лет тому назад.

Выжженный солнцем ландшафт, потрескавшаяся почва словно грибами покрывалась поспешно возводимыми зданиями. Беспреданно прибывали корабли, в космопорту непрерывно взлетали и садились воздушные суда местного сообщения, сновали вездеходы и грузовики. Пассажиры прибывали тысячами. Прикрывая ладонями глаза от слепящего света желтого солнца Арракиса, они стремились в пустыню, не думая о подстерегавших там смертельных опасностях.

По слухам, здесь можно было просто выйти в пустыню с мешком и набрать сколько угодно специи, если не лень будет нагнуться за ней. Это в каком-то смысле было верно, если, конечно, знать, где искать меланж. Большинству этих людей было суждено погибнуть – их либо поглотит червь, либо они умрут от ужасного зноя или собственной глупости. Все они были совершенно не подготовлены к ожидавшим их трудностям и тяготам.

– Мы можем воспользоваться этим, Исмаил, – сказал Эльхайим, который все еще не терял надежды убедить отчима в своей правоте. – Эти люди не знают, что их ждет на Арракисе. Мы можем заработать неплохие деньги, делая совершенно привычные для нас вещи.

– А зачем нам так жаждать их денег? – спросил Исмаил, искренне не понимая пасынка. – У нас есть все, что мы можем пожелать. Пустыня обеспечивает нас всем по-настоящему необходимым.

Эльхайим покачал головой.

– Я наиб, и мой долг перед людьми состоит в том, чтобы наша деревня процветала. Сейчас нам предоставляется прекрасная возможность применить наши навыки и оказать бесценные услуги чужеземцам. Они все равно будут прилетать, нравится нам это или нет. Мы можем либо оседлать червя, либо он пожрет нас. Разве не ты рассказывал мне эту историю, когда я был еще молодым?

Старик нахмурился.

– Значит, ты совершенно не понял смысл этой притчи.

Тем не менее Исмаил последовал за пасынком в Арракис-Сити. Воспитанный в иное время Эльхайим никогда не знал истинного отчаяния, необходимости драться за тяжкими трудами завоеванную свободу. Он никогда не был рабом.

Исмаил с отвращением смотрел на суетливых и громогласных чужестранцев.

– Может быть, разумно будет вывести их в пустыню, обобрать до нитки и оставить в песках умирать?

Эльхайим рассмеялся, сделав вид, что принял слова старика за шутку, хотя знал, что тот говорит вполне серьезно.

– Это же небывалое везение – нажиться на невежестве этих чужеземцев. Почему не разбогатеть на этом?

– Потому что этим ты поощришь их, Эльхайим. Неужели ты сам этого не видишь?

– Они не нуждаются в моем поощрении. Ты слышал о новой чуме, которую наслали мыслящие машины? О Биче Омниуса? Специя защищает от этой болезни, и поэтому сейчас она нужна всем. Ты можешь с головой зарыться в дюны, но от этого они не перестанут прилетать.

Младший из двоих мужчин держался своей точки зрения так же упрямо, как старший.

Исмаил негодовал и не мог примириться с истиной, с переменами, но в глубине души понимал, что приток чужеземцев был так же неостановим, как песчаная буря. Он чувствовал, как все, чего он достиг, ускользает словно песок сквозь пальцы. Он все еще называл себя и свое племя фрименами Арракиса, но это гордое название больше не соответствовало действительности.

В городе Эльхайим начал без затруднений общаться с купцами и старателями, легко переходя с одного галактического диалекта на другой, и охотно торговался со всяким, кто был готов выложить деньги. Раз за разом Эльхайим пытался соблазнить старика удовольствиями, которые были недоступны в пустыне.

– Ты уже давно не бежавший из неволи раб, Исмаил, – сказал Эльхайим. – Мы все очень высоко ценим то, что ты сделал для нас в прошлом. И теперь мы хотим, чтобы ты просто хорошо жил, наслаждаясь своим покоем. Неужели тебе не интересно, что делается в других частях Вселенной?

– Я уже видел другие части Вселенной. Нет, мне это совсем не интересно.

Эльхайим досадливо усмехнулся.

– Ты слишком жесткий и негибкий.

– А ты слишком резво гонишься за новыми впечатлениями.

– Разве это плохо?

– На Арракисе – да, особенно если ты забыл образ жизни, который позволил нам выжить в пустыне.

– Я не собираюсь ничего забывать, Исмаил, но если я найду лучший способ жить, то непременно покажу его моим людям.

Он повел Исмаила по извилистым улицам мимо торговых павильонов и шумного базара. Им пришлось отгонять карманных воров, проходя мимо рядов продавцов воды, торговцев едой и поставщиков россакских лекарств и новомодных диковинных стимуляторов, доставленных с далеких, никому не известных планет. Исмаил замечал нищих оборванцев, слонявшихся по проулкам или сидевших у дверей домов. Эти люди прилетели сюда в надежде сказочно разбогатеть, но потеряли все, и теперь у них не было денег даже на то, чтобы покинуть Арракис.

Если бы у Исмаила были деньги, он с радостью оплатил бы их отлет – лишь бы эти непрошенные гости убрались отсюда подальше.

Эльхайим наконец увидел того человека, который был ему нужен. Он схватил старика за рукав и потащил к какому-то низкорослому чужестранцу, который за баснословные деньги покупал в этот момент оснащение для выхода в пустыню.

– Простите, сэр, – вежливо обратился к чужеземцу Эльхайим, – я полагаю, что вы один из наших новых гостей, искателей специи. Вы готовитесь к выходу в пустыню?

У коротышки были близко посаженные глаза и мелкие черты лица – несомненный расовый признак ненавистных тлулаков.

– Это один из работоторговцев, – прорычал Исмаил на тайном языке чакобса, непонятном ни одному чужестранцу.

Пасынок призвал старика к молчанию таким жестом, словно отгонял надоедливую комара. Исмаил же не мог забыть этих мерзавцев, которые похищали дзенсуннитов, а потом поставляли их на такие планеты, как Поритрин или Занбар. Даже спустя много десятилетий после скандала с органическими фермами этих генетических манипуляторов ненавидели и избегали общаться с ними. Но на Арракисе в эти первые дни и недели меланжевой лихорадки деньги и жажда их легкого получения затмили все прежние предассудки.

Тлулак повернулся к Эльхайму, презрительным взглядом смерил его пыльную одежду и не стал скрывать своего пренебрежения.

– Что вы от меня хотите? Я занят.

Однако Эльхайм уважительно продолжил, хотя тлулак этого и не заслуживал:

– Меня зовут Эльхайм, я специалист по пустыне Арракиса.

– А меня зовут Вариф – я занимаюсь своим делом, и меня абсолютно не интересуют ваши.

– Но моим делом вам *стоило бы* поинтересоваться, ведь я предлагаю вам помощь в качестве проводника, – с улыбкой сказал Эльхайм. – Мой отчим и я можем посоветовать, какое оснащение стоит покупать, а какое будет лишним и на которое вы напрасно потратите деньги. Но самое главное, я могу показать вам самые богатые меланжевые поля.

– Иди к тем чертям, в которых ты веришь, – огрызнулся тлулак. – Мне не нужен проводник, особенно коварный и вороватый дзенсуннит.

Исмаил расправил плечи, выпятил грудь и ответил на чистом галаке:

– Такие слова очень забавно звучат в устах одного из тлулаков, которые прославились похищениями людей и воровством у них органов.

Эльхайм оттеснил отчима от тлулака, чтобы избежать столкновения.

– Идем, Исмаил, здесь полно других заказчиков. В отличие от этого упрямого дурака они действительно имеют шанс разбогатеть.

Высокомерно фыркнув, тлулак отвернулся, словно эти двое были пылью, которую он только что стряхнул с подошв своих высоких ботинок.

В конце долгого жаркого дня, когда они уходили из Арракис-Сити, Исмаил не испытывал ничего, кроме стыда и отвращения. Заигрывания пасынка с чужеземцами расстроили его больше, чем он мог себе представить. Наконец после долгого молчания старик недовольно заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.